

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49
2025
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Эрнест Резерфорд (1871–1937), британский физик новозеландского происхождения.

Эрнест Резерфорд родился в Новой Зеландии в небольшом поселке Спринг-Грув в семье фермера и был четвертым ребенком в семье из двенадцати детей. Мальчик имел удивительную память, богатырское здоровье и силу. Он с отличием окончил начальную школу, получив 580 баллов из 600 возможных и премию в 50 фунтов стерлингов для продолжения учебы в колледже Нельсона. Стипендия позволила ему продолжить обучение в Кентербери-колледже в Крайстчерче. В те времена это был маленький университет, в котором учились всего 150 студентов, а преподавали всего семь профессоров. Резерфорд увлекся наукой и с первого дня начал исследовательскую работу. Через несколько лет он получил степень бакалавра и магистра искусств.

В Кентербери-колледже Эрнест Резерфорд изучал способы намагничивания железа. Он использовал метод высокочастотного разряда и даже придумал специальный детектор, который помогал «ловить» электромагнитные волны. Эти исследования так увлекли молодого ученого, что уже в 1895 году он перебрался в Великобританию и поступил на факультет физики в Кембридже.

Эрнест Резерфорд начал работать в Кавендишской лаборатории при университете. Он стал первым докторантом у Джозефа Джона Томсона, который в 1895 году занимал пост ее руководителя. Эрнест делил лабораторию с другими учеными: Джоном Таунсендом, Джоном МакЛеннаном и Полем Ланжевеном, с которым оставался дружен всю жизнь.

Ученый продолжал работу над детектором, который распознавал электромагнитные волны. Однако он не смог получить повторную стипендию, и поэтому ему пришлось остановить исследования и устроиться репетитором — позволить себе Кембридж он не мог.

В свободное время Эрнест Резерфорд помогал Томсону изучать рентгеновские лучи и их влияние на ионизацию газов. В отличие от коллег, Резерфорд был экспериментатором, а не теоретиком: он плохо знал математику и физику. Однако его отличал гибкий ум и творческое мышление.

В 1898 году Резерфорд проводил опыты с ураном. Физик обнаружил, что если поместить рядом фотопластинку, то в одном источнике радиоактивного излучения возникали сразу два вида частиц с противоположными зарядами.

Ученый обозначил их буквами альфа (положительный заряд) и бета (отрицательный заряд). Через год физик Полль Вийяр открыл частицы нейтрального заряда, которые получили название гамма-лучей. Они были намного короче, чем рентгеновские. Альфа-частица оказалась невероятно тяжелой. Она «весила» два элементарных электронных заряда, или четыре атомные единицы массы. Углубившись в исследования, Эрнест Резерфорд определил, что альфа-частица равна ядру атома гелия, а бета-частица — электрону.

Это открытие перевернуло физику. Однако всемирную известность Резерфорд получил гораздо позже. В 1898 году он перебрался в Канаду и стал профессором в Монреальском университете. В течение следующих пяти лет ученый работал над теорией радиоактивного распада: он подтвердил, что результатом атомного превращения становилось совершенно новое вещество.

Резерфорд совместно с физиками Гейгером и Марденом провели серию опытов с альфа-частицами. Ученые заметили, что частицы сильно отклонялись, проходя через кусочек фольги. Никто не мог даже подумать о таких результатах: принятая в то время модель атома Томсона отрицала большие углы отклонения. Новые результаты означали, что атом состоял из крайне маленького положительно заряженного ядра. При этом он был самым «тяжелым»: его масса оказалась намного больше, чем у электронов, вращающихся вокруг. Эти данные легли в основу планетарной модели атома, которую Резерфорд разработал в 1911 году.

Еще в 1908 году Эрнест Резерфорд получил Нобелевскую премию по химии за исследования в области распада элементов.

Работая в Кембридже, Резерфорд познакомился там со своей будущей женой Мэри Джорджиной Ньютон. Она была дочерью хозяйки пансиона, где проживал Эрнест. В 1901 году у них родилась дочь Эйлин Мэри. Также всю свою жизнь он поддерживал близкие отношения со своей матерью Мартой Резерфорд, которая была для своего сына первой учительницей. Их взаимопонимание было удивительным, а переписка постоянной, несмотря на то, что они почти всю жизнь прожили вдалеке друг от друга. Когда в 1931 году 60-летнего физика, серьезного ученого, нобелевского лауреата Эрнеста Резерфорда наградили титулом баронета и званием лорда, он первым делом отправил в Новую Зеландию телеграмму. В ней было всего несколько слов: «Итак — лорд Резерфорд. Заслуга более твоя, чем моя. Люблю. Эрнест».

Эрнест Резерфорд ушел из жизни в 1937 году в возрасте 66 лет. Его похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с Ньютоном, Фарадеем и Дарвином.

В честь Эрнеста Резерфорда названы:

- химический элемент номер 104 в периодической системе — резерфордий, впервые синтезированный в 1964 году и получивший данное название в 1997 году (до этого носил название курчатовий);
- астероид (1249) Резерфордия; открытый 3 ноября 1932 года немецким астрономом Карлом Райнмутом в Гейдельбергской обсерватории;
- кратер на обратной стороне Луны;
- жидкостный ракетный двигатель «Резерфорд» частной аэрокосмической компании Rocket Lab.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Крук Е. А.	Максимова Н. В.
Субъектный состав наследственных правоотношений.....	Проблемы и перспективы развития прокурорского надзора за соблюдением миграционного законодательства..... 398
Крук Е. А.	Максимова Н. В.
Основания для признания наследников недостойными	Современные вызовы миграционной политики РФ и роль прокуратуры в обеспечении законности в миграционной сфере
Курмангазиева Р. З.	Мухамедсафина И. Р.
Проблемы обеспечения социальных гарантий муниципальных служащих в условиях трансформации государственной службы	Основные проблемы правоприменения на муниципальном уровне в сфере образования, организационно-правовые причины их возникновения, пути решения 402
Курсова А. С., Страшко К. С.	Никитина К. А.
К вопросу о межведомственном взаимодействии по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера в 2025 году (на примере Северо-Кавказского федерального округа)	О личности преступника, совершившего изнасилование
Кучервей Б. Р., Шумейко С. Р.	Олейников Д. А.
Криминологическая характеристика и типология современного рецидивиста в цифровую эпоху	Самовольное строение: проблемы квалификации и его правовая судьба
Лёксин Н. Е.	Панова Е. Т.
К вопросу о правовом статусе главы муниципального образования.....	Формы и виды реорганизации юридических лиц
Ланговая К. А., Ковалева Д. Р.	Петров А. Э.
Уголовная ответственность в экологическом праве	Финансовое правоотношение: теоретико-правовая характеристика и проблемы реализации
Лукиных Л. В., Шаблинская В. Ю.	Петров А. Э.
Противодействие иностранному вмешательству и регулирование деятельности НКО	Финансово-правовая ответственность: основания, формы и проблемы правоприменения
Мазур Л. Г.	Пинегина Т. А.
Проблемы законодательного регулирования авторского права на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта	Свобода завещания и ее ограничения: обязательная доля и недостойные наследники
Максимова Е. В.	Полушкина А. А.
Причины, способствующие возникновению экономической преступности	Процессуальный статус потерпевшего: проблемы реализации прав и обеспечения безопасности

Поляков В.А.

Особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений при организации и планировании расследования взяточничества 419

Поляков В.А.

Тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества 423

Предеина А. В.

Анализ роли и функций Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в обеспечении деятельности судебной власти 426

Продан С. И.

Роль международных организаций в формировании нормативно-правовой базы противодействия коррупции 428

Руднев Я. Е.

Судебно-медицинская экспертиза определения полового состояния: основание, особенности, процессуальный порядок, назначение и проведение 432

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Субъектный состав наследственных правоотношений

Крук Елена Андреевна, студент магистратуры

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань)

Статья посвящена исследованию субъектного состава наследственных правоотношений — ключевого института наследственного права, регулирующего правопреемственность прав и обязанностей наследодателя. Актуальность темы обусловлена ростом числа объектов наследования, расширением круга наследников, включая несовершеннолетних и юридические лица, а также развитием новых правовых ситуаций и пробелов в действующем законодательстве. В работе анализируются различные научные точки зрения на статус наследодателя как субъекта правоотношений, рассматривается роль нотариуса и юридических лиц в наследственном процессе, что выявляет существующие противоречия и недостатки правового регулирования. Выявляется и обосновывается необходимость включения наследодателя в круг субъектов и расширения классификации наследников с учётом современных реалий. В статье предлагается совершенствование законодательства с целью уточнения правового статуса субъектов, введения новых норм для регулирования нестандартных ситуаций наследования, а также повышения роли государственных институтов в обеспечении законности наследственных правоотношений.

Ключевые слова: наследодатель, нотариус, наследники.

Институт наследования, безусловно, играет ключевую роль в системе наследственного права, представляя собой сложный и многогранный механизм, охватывающий широкий спектр норм и правил, направленных на упорядочение вопросов правопреемственности в отношении прав и обязанностей физического лица, известного как наследодатель.

Актуальность тем, касающихся определения субъектов наследственных правоотношений, остается предметом горячих дискуссий среди юристов и практиков. И это вполне объяснимо! Во-первых, наблюдается значительное увеличение числа объектов, которыми граждане могут распоряжаться в течение своей жизни, что, в свою очередь, ведёт к расширению перечня объектов, входящих в состав наследственной массы. Во-вторых, появление новых материальных объектов, а также расширение круга возможных наследников — включая несовершеннолетних, зачатых после смерти наследодателя — порождает необходимость в разработке новых правовых норм, которые помогут обеспечить стабильность и порядок в правовом регулировании. И, конечно, нельзя игнорировать существующие пробелы в действующем законодательстве, возникающие в результате многообразия правовых и реальных аспектов наследования.

Классическая модель наследственных правоотношений, в которой задействованы лишь два участника — наследодатель и его наследник, становится предметом ак-

тивных научных дискуссий. Статья 1116 Гражданского кодекса РФ определяет перечень лиц, обладающих правом на наследование, однако не упоминает о роли самого наследодателя. Это порождает интересные споры в научной среде. Так, известный юрист Ю. К. Толстой высказывает мнение о том, что наследодатель не может быть субъектом этих отношений, поскольку они начинаются лишь после его смерти [2].

В том же русле, А. Сергеев подчеркивает, что с момента приобретения статуса наследодателя, гражданин утрачивает свои правоспособность и дееспособность в связи с кончиной, тем самым ставя под сомнение саму возможность наследования без факта смерти. Без смерти гражданина наследование невозможно.

Однако И. Л. Корнеева предлагает совершенно иную точку зрения, аргументируя, что уже в момент составления завещания наследодатель начинает участвовать в наследственных правоотношениях, что делает его полноценным субъектом. Действительно, процесс формирования наследственного правоотношения может начинаться задолго до смерти наследодателя, в момент, когда гражданин принимает решение о распределении своего имущества.

Можно сказать, что наследственное правоотношение начинает формироваться еще до смерти наследодателя, в частности, при составлении завещания или наследственного договора. В то же время, как составление завещания,

так и отказ от данного действия является результатом волеизъявления гражданина. Следующий этап начинается после смерти наследодателя, когда к правоотношению подключаются в том числе и наследники. Их вступление происходит опять же либо в силу закона по причине отсутствия акта волеизъявления наследодателя, посчитавшего законный порядок распределения имущества достаточно справедливым и грамотным, либо вследствие акта своей воли, выраженного в письменном виде. Правоотношение принимает сложный характер. Исходя из этого, нам кажется, что наследодатель является центральной фигуруй этого действия, т. к. именно он является причиной возникновения правопреемства [4].

Некоторые затруднения возникают и в сфере правового регулирования положения наследников. Например, юридические лица могут быть наследниками только при наличии трех условий:

1. Наследодатель указал в завещании конкретное юридическое лицо.

2. Указанное юридическое лицо существует на день открытия наследства, т. е. на момент смерти наследодателя. Из данного утверждения можно сделать вывод, что исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) служит основанием для прекращения действия завещания и реализации процедуры наследования по закону. Те же последствия влечет и отказ юридического лица о наследства.

3. Последним существенным фактором можно назвать цель создания организации и основы ее деятельности. Действующее гражданское законодательство никоим образом не ограничивает волеизъявление наследодателя в плане передачи своего имущества коммерческой либо некоммерческой организации. В то же время в РФ сложилась довольно обширная система нормативно-правовых актов, контролирующих или вовсе запрещающих функционирование отдельных организаций в силу экстремистского, пропагандистского либо иного неправомерного характера их деятельности. Таким образом, быть

наследникам могут только те юридические лица, цель которых не противоречит публичному правопорядку и основам государственного устройства.

Роль нотариуса в этих правоотношениях также заслуживает пристального внимания. Он не просто является посредником, но и выступает в качестве важного субъекта наследственных правовых отношений, отвечающего за призыв наследников, принятие их заявлений и выдачу свидетельств о праве на наследство. В связи с этим нотариус, несомненно, является субъектом наследственных правоотношений [3].

В условиях постоянно изменяющегося законодательства возникают новые и актуальные дебаты о правовом статусе различных субъектов, включая как физических, так и юридических лиц. Возможно, в ближайшем будущем, с учетом новых форм зачатия, появления новых ограничений для иностранных граждан и апатридов в отношении их прав, правовая повестка вновь изменится, что, безусловно, повлечет за собой необходимость внесения изменений в действующие нормы и правила, регулирующие наследственные отношения.

Таким образом, динамика изменений в праве продолжает оставаться важным аспектом, определяющим будущее наследственного регулирования. Для развития и совершенствования правового института предлагается следующее:

1. Введение правового статуса наследодателя как субъекта наследственных правоотношений с момента составления завещания.

2. Разработка специальных нормативных актов для регулирования новых видов наследственных объектов и наследников.

3. Усиление роли нотариата и других государственных институтов в контроле за соблюдением прав и законности наследственного процесса.

4. Учёт современных социальных и технологических изменений, влияющих на наследственные правоотношения, таких как новые формы зачатия и статус иностранных граждан.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС Консультант Плюс.
2. Гражданское право: Учебник: В 3 т. [Текст] / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2005. Т. 3. — 784 с.
3. Каштанова И. В. Субъекты наследственных правоотношений / И. В. Каштанова // Управление социально-экономическими, научно-техническими системами в современной России: проблемы, пути решения: Материалы ХХIV Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 апреля 2020 года. — г. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2020. С. 63–67.
4. Саенко Т. В. Проблемы определения субъектного состава наследственного правоотношения / Т. В. Саенко // Наука молодых — будущее России: Сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 4 томах, Курск, 10–11 декабря 2020 года. Том 2. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 143–146.

Основания для признания наследников недостойными

Крук Елена Андреевна, студент магистратуры

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань)

В статье проводится комплексный анализ института недостойных наследников в российском наследственном праве, с акцентом на судебную практику и эволюцию законодательства. Исследуются исторические корни и современные основания для признания наследников недостойными, выявляются существующие правовые проблемы и критерии для судебной квалификации таких случаев. Особое внимание уделяется неоднозначности в оценке злости неисполнения алиментных обязанностей и необходимости унификации подходов в правоприменении.

Ключевые слова: недостойный наследник, противоправные действия, лишение родительских прав, несоблюдение обязанностей, утрата наследственных прав, алиментные обязательства.

Тема признания наследников недостойными актуальна в связи с ростом числа конфликтных наследственных дел, а также усложнением семейно-правовых отношений. В современном обществе обеспечение справедливого распределения наследства требует четких и прозрачных механизмов исключения из круга наследников лиц, совершивших противоправные или безнравственные действия.

Недостаточная определенность нормативной базы, различия в судебной практике, а также сложность доказывания злости неисполнения алиментных обязательств и иных оснований недостойности определяет проблематику анализируемой темы. Это зачастую ведет к противоречивым судебным решениям и нарушению принципа справедливости.

Научная новизна работы определяется всесторонним анализом исторических предпосылок и современной судебной практики, а также обзором зарубежного и отечественного опыта регулирования института недостойных наследников. В статье обосновано, что усовершенствование законодательства должно строиться с учетом баланса интересов наследодателя, наследников и общества.

Генезис института отстранения от наследования

Нормы об отстранении недобросовестных лиц от наследственного правопреемства имеют древние исторические корни. В римском праве недостойность наследника образовывала одну из форм неправоспособности получения наследства. При этом лицо, признанное недостойным, не утрачивало полностью способности к получению имущества по завещательным распоряжениям и легатам. Правовое положение такого субъекта характеризовалось неустойчивостью, поскольку приобретенное им имущество подлежало изъятию в пользу государственной казны [6].

Римские юристы относили к основаниям лишения наследственных прав наиболее серьезные правонарушения против наследодателя: посягательства на жизнь завещателя, скрытие информации о лицах, причастных к его смерти, препятствование следственным действиям в отношении домашних рабов, клеветнические обвинения, принуждение к составлению завещания и аналогичные деяния.

В древнерусском правопорядке первые упоминания о лишении наследственных прав обнаруживаются в Псковской судной грамоте XIV века. Согласно статье 54 сыновья утрачивали право на отцовское имущество в случае оставления родителей без должного попечения при жизни. До принятия проекта Гражданского уложения Российской империи отстранение от наследования носило опосредованный характер и рассматривалось как дополнительное последствие уголовного наказания. Лишение всех прав состояния, включая наследственные права, следовало за совершение преступлений против жизни, здоровья, чести и имущества независимо от личности потерпевшего (статья 1107 части 1 тома X Свода законов). Дореволюционное российское законодательство также предусматривало отстранение детей от наследования после родителей в случае заключения брака против родительской воли, если только завещатель впоследствии не восстанавливал их в правах посредством завещательного распоряжения (статья 1566 тома XV Свода законов).

Институт недостойных наследников в современном понимании сформировался лишь с принятием ГК РСФСР 1964 года, который определил перечень лиц, лишенных права наследования вследствие противоправного поведения или нарушения семейно-правовых обязательств.

Типология недостойных наследников в действующем законодательстве

Понятие «недостойный», следует понимать как не заслуживший уважения, безнравственный, бесчестный [7].

Недостойным наследником, стоит считать гражданина, который фактически имеет право наследовать, но в силу закона он лишен этого права.

Современная правовая доктрина классифицирует недостойных наследников на две основные категории в зависимости от степени утраты наследственных прав.

Абсолютно недостойные наследники представляют собой лиц, полностью лишенных права наследования. К данной группе относятся:

– граждане, совершившие умышленные противоправные действия против наследодателя, других наслед-

ников или направленные против исполнения завещательной воли;

– родители, лишенные судом родительских прав в отношении детей-наследодателей, при условии, что восстановление в правах не произошло до момента открытия наследства.

Условно недостойные наследники — лица, утратившие право по завещанию в случае прощения наследодателем. Данную категорию составляют граждане, систематически уклоняющиеся от выполнения алиментных обязательств в отношении наследодателя.

Определение злостности уклонения от алиментных обязательств производится судом с учетом конкретных обстоятельств дела, включая причины и продолжительность неисполнения обязанности по содержанию.

Процедурные аспекты признания лица недостойным наследником

Российское процессуальное законодательство предусматривает исключительно судебный порядок признания наследника недостойным. Право на подачу соответствующего иска принадлежит заинтересованным лицам — наследникам по закону.

При вынесении судебного решения о признании гражданина недостойным наследником возникают неблагоприятные имущественные последствия. В случае фактического получения наследственного имущества недостойный наследник обязан возвратить его в натуре либо возместить стоимость, включая доходы от использования имущества. Обязанность по возврату возникает с момента вступления судебного решения в законную силу [4].

Наиболее важным является понимание оснований недостойности. Гражданский кодекс РФ не содержит определенного перечня действий, которые влекут устранение от наследования.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие ключевые основания для отстранения лиц от наследования:

1. Противоправные действия, направленные на наследодателя, или кого-либо на его наследников или против выполнения последней воли наследодателя. Под данную категорию подпадают умышленные действия, имеющие целью незаконное получение или увеличение наследственной доли. Мотивы совершения противоправных действий не влияют на квалификацию недостойности [2].

2. Родители, которые по решению суда были лишены родительских прав. В случае если они к моменту открытия наследства восстановили свои родительские права в судебном порядке, права наследования к ним возвращаются.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

ются. Родители отстраняются от наследования только по закону, если составлено завещание, то они призываются к наследованию по завещанию.

3. Неисполнение обязанностей по уходу наследодателя при жизни, которые должен исполнять потенциальный наследник. Все обязанности по содержанию возникают у наследника в силу алиментного содержания. К сожалению, на данный момент отсутствует законодательное закрепление определения «злостного уклонения».

Наиболее распространенными видами доказательств, согласно судебной практике, являются решение (приговор) суда об ответственности за нарушение срока оплаты алиментов, сокрытие настоящего размера заработка или дохода алиментообязанного и др.

Гражданин не признается недостойным наследником в том случае, когда в силу особых обстоятельств не смог сохранить жизнь наследодателю или не оказал ему должный уход. К таким обстоятельствам можно отнести: ситуации, требующие экстренной помощи (пожары, наводнения, автомобильные аварии), а также вынужденное нахождение вдали от наследодателя.

По п.1 ст. 1117 ГК РФ следует, что недостойными наследниками являются только физические лица, но в юридической литературе высказываются различные предложения о том, что можно распространить правила и на юридических лиц [5].

Особенностью российского законодательства является возможность «прощения» недостойного наследника наследодателем. Если завещание составлено после совершения противоправных действий и наследодатель включил недостойное лицо в число наследников, такое лицо приобретает право наследования по завещанию.

Современное состояние правового регулирования института недостойных наследников требует определенной корректировки. Представляется необходимым:

- Уточнение и конкретизация перечня оснований признания наследника недостойным в Гражданском кодексе РФ;
- Законодательное закрепление критериев злостности уклонения от алиментных обязательств;
- Разработка и закрепление стандартов доказывания «злостности» уклонения от алиментных обязательств;
- Установление объективных оснований признания лица недостойным наследником при наличии вступившего в силу обвинительного приговора по статье 157 УК РФ;
- Детализация процедурных аспектов рассмотрения дел данной категории.

Указанные меры будут способствовать повышению эффективности правоприменения и обеспечению справедливого разрешения наследственных споров.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС КонсультантПлюс.
3. Антрушина Д. А. Некоторые проблемы института недостойных наследников: юридическая техника и мотив совершения умышленных противоправных действий // Вопросы российской юстиции. № 9. 2020.
4. Каданцева Ю. А. Основания признания наследника недостойным / Ю. А. Каданцева // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 23–24 апреля 2022 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 50–54.
5. Казаков Н. С. Особенности признания лица недостойным наследником / Н. С. Казаков // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 5(57). С. 264–268.
6. Огнев В. Н. Институт недостойных наследников в гражданском праве: исторический и сравнительно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2007. 24 с.
7. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 3 изд., стер. — М.: Азъ, 1996. 907 с.

Проблемы обеспечения социальных гарантий муниципальных служащих в условиях трансформации государственной службы

Курмангазиева Радмила Зинуровна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье исследуются актуальные проблемы обеспечения социальных гарантий муниципальных служащих в условиях трансформации системы государственной службы Российской Федерации.

Особое внимание уделяется анализу финансовых ограничений местных бюджетов, препятствующих полноценной реализации социальных гарантий. В работе предложены конкретные направления совершенствования законодательства и механизмов реализации социальных гарантий, включая установление минимальных федеральных стандартов, создание системы софинансирования, реформирование пенсионного обеспечения и разработку программ дополнительного медицинского обслуживания.

Ключевые слова. муниципальная служба, социальные гарантии, муниципальные службы, пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, денежное содержание, трансформация государственной службы, местное самоуправление, правовой статус, социальная защита.

В современных условиях трансформации государственной службы Российской Федерации особую актуальность приобретают вопросы обеспечения социальных гарантий муниципальных служащих. Муниципальная служба представляет собой профессиональную деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путём заключения трудового договора. При этом система социальных гарантий выступает важнейшим элементом правового статуса муниципального служащего, обеспечивая стабильность и эффективность его деятельности.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, продолжающееся реформирование системы государственного и муниципального управления требует переосмыслиния подходов к социальной защите служащих. Во-вторых, наблюдается существенная дифференциация в уровне и объёме социальных гарантий между федеральными государственными, региональными и муниципальными служащими, что негативно сказывается на престиже му-

ниципальной службы. В-третьих, финансовые ограничения местных бюджетов зачастую препятствуют полноценной реализации установленных законодательством социальных гарантий.

Правовое регулирование социальных гарантий муниципальных служащих осуществляется на основе Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», а также законов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов [1]. Данная система нормативных актов формирует трёхуровневую структуру регулирования, что создаёт определённые сложности в правоприменительной практике.

К основным социальным гарантиям муниципальных служащих федеральное законодательство относит: право на своевременное и в полном объёме получение денежного содержания; отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности рабочего времени, предоставлением выходных дней и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых отпусков; медицинское обслуживание муниципального служащего

и членов его семьи, включая дополнительное медицинское обслуживание; пенсионное обеспечение за выслугу лет и в связи с инвалидностью, а также пенсионное обеспечение членов семьи муниципального служащего в случае его смерти, наступившей в связи с исполнением им должностных обязанностей.

Анализ практики реализации социальных гарантий муниципальных служащих позволяет выделить ряд системных проблем, которые приобретают особую остроту в условиях трансформации государственной службы.

Первая группа проблем связана с недостаточным финансовым обеспечением социальных гарантий. Муниципальные образования, особенно поселения, зачастую не располагают достаточными финансовыми ресурсами для предоставления муниципальным служащим социальных гарантий в полном объёме. Ситуация усугубляется тем, что федеральное законодательство устанавливает требования к системе социальных гарантий, не обеспечивая при этом соответствующих источников финансирования. Данное обстоятельство особенно критично для малых муниципальных образований, бюджеты которых являются дотационными.

Вторая группа проблем обусловлена несовершенством механизма пенсионного обеспечения муниципальных служащих. Установление пенсии за выслугу лет муниципальным служащим предполагает наличие стажа муниципальной службы не менее 15 лет, что существенно затрудняет её получение значительной частью служащих. Кроме того, размер данной пенсии зачастую оказывается недостаточным для обеспечения достойного уровня жизни после выхода на пенсию, что снижает привлекательность муниципальной службы как сферы профессиональной деятельности [2].

Третья группа проблем связана с медицинским обслуживанием муниципальных служащих. Несмотря на то, что законодательство предусматривает право муниципальных служащих на дополнительное медицинское обслуживание, механизмы его реализации в большинстве муниципальных образований не разработаны. Отсутствие конкретных программ медицинского обслуживания, недостаточное финансирование и слабая материально-техническая база муниципальных лечебных учреждений приводят к тому, что данное право остаётся декларативным.

Четвёртая группа проблем обусловлена различиями в социальных гарантиях государственных гражданских и муниципальных служащих. Такая дифференциация создаёт неравные условия для лиц, осуществляющих по своей сути схожие функции публичного управления, что противоречит принципу справедливости и негативно влияет на престиж муниципальной службы. Разрыв в уровне социальной защищённости приводит к оттоку квалифицированных кадров из муниципальной службы и затрудняет привлечение молодых специалистов.

В законодательной сфере целесообразно внести изменения в Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» [1], установив минимальные федеральные стандарты социальных гарантий для всех ка-

тегорий муниципальных служащих независимо от места их службы. Это позволит обеспечить единообразие правового регулирования и предотвратить необоснованную дифференциацию социальной защищённости служащих в различных муниципальных образованиях. При этом субъекты Российской Федерации и муниципальные образования должны сохранить право на установление дополнительных социальных гарантий с учётом своих финансовых возможностей.

Необходимо совершенствование механизма пенсионного обеспечения муниципальных служащих. Представляется обоснованным сокращение минимального стажа муниципальной службы, необходимого для назначения пенсии за выслугу лет, до 10 лет, а также установление механизма индексации размера данной пенсии с учётом уровня инфляции. Кроме того, следует предусмотреть возможность зачёта в стаж муниципальной службы периодов работы в государственных органах и организациях в более широком перечне случаев, что будет способствовать повышению мобильности кадров в публичной сфере.

В части медицинского обслуживания целесообразно разработать типовую программу дополнительного медицинского обслуживания муниципальных служащих, которая может быть рекомендована для применения в муниципальных образованиях. Такая программа должна предусматривать конкретный перечень медицинских услуг, порядок их предоставления и источники финансирования. Реализация данной программы может осуществляться как через муниципальные лечебные учреждения, так и через систему добровольного медицинского страхования.

Важным направлением совершенствования является сближение систем социальных гарантий государственных гражданских и муниципальных служащих [3]. Учитывая единство публично-правовой природы их деятельности, целесообразно постепенное выравнивание объёма и содержания социальных гарантий данных категорий служащих. Это будет способствовать повышению престижа муниципальной службы и укреплению кадрового потенциала органов местного самоуправления.

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование федерального законодательства путём установления минимальных стандартов социальных гарантий, создание механизмов софинансирования из региональных бюджетов, реформирование системы пенсионного обеспечения и разработку программ дополнительного медицинского обслуживания муниципальных служащих.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности муниципальной службы, укреплению её кадрового потенциала и обеспечению конституционных прав граждан на местное самоуправление. Дальнейшее исследование данной проблематики может быть направлено на разработку конкретных механизмов финансового обеспечения социальных гарантий муниципальных служащих с учётом региональной специфики и типологии муниципальных образований.

Литература:

1. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.
2. Комарова В. В. Правовой статус муниципального служащего в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 58–63.
3. Чаннов С. Е. Муниципальная служба: учебник. М.: Проспект, 2019. 336 с.

К вопросу о межведомственном взаимодействии по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера в 2025 году (на примере Северо-Кавказского федерального округа)

Курсова Алина Сергеевна, студент;
Страшко Кирилл Сергеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется современное состояние и перспективы развития межведомственного взаимодействия в сфере противодействия терроризму и экстремизму на территории Северо-Кавказского федерального округа. Рассматриваются ключевые направления профилактической, оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, а также вызовы, связанные с цифровизацией и распространением деструктивных идеологий. На основе анализа актуальной нормативной базы, статистических данных и практических примеров делается вывод о безальтернативности комплексного, координированного подхода для обеспечения национальной безопасности в регионе.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, экстремизм, терроризм, профилактика, Северо-Кавказский федеральный округ.

Противодействие преступлениям террористического и экстремистского характера остается одной из наиболее сложных и приоритетных задач, стоящих перед правоохранительной системой Российской Федерации. Успешность борьбы с данными угрозами напрямую зависит от качества и эффективности межведомственного взаимодействия. Эффективность межведомственного подхода подтверждается статистическими данными последних лет. Наглядным примером служат результаты работы в Северо-Кавказском федеральном округе, где, по информации Национального антитеррористического комитета, в 2024 году было предотвращено 23 террористических преступления [5]. Данная цифра демонстрирует не только высокий уровень оперативного реагирования на угрозы, но и подчеркивает сохраняющуюся террористическую активность. В этих условиях можно с уверенностью прогнозировать, что по итогу 2025 года интенсивность совместной профилактической и оперативной работы правоохранительных органов не снизится, а потребность в совершенствовании механизмов взаимодействия будет только возрастать.

Нормативно-правовую основу межведомственного взаимодействия составляет обширный массив документов, начиная от Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [10, ст. 1146] и заканчивая ведомственными приказами и межведомственными соглашениями. Ключевым документом стра-

тегического планирования является «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы», который ставит задачи по формированию у населения неприятия идеологии терроризма на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3]. Данный план акцентирует внимание на дифференциированном подходе, выделяя общую, адресную и индивидуальную профилактику, нацеленную на различные категории населения, включая молодежь, мигрантов и лиц, отбывших наказание за преступления террористической направленности. Именно профилактическая работа, проводимая в тесном взаимодействии различных субъектов, является на наш взгляд преемственной во всей системе противодействия.

Центральную координирующую роль в системе противодействия экстремизму и терроризму, на наш взгляд, играют органы прокуратуры. В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», на прокуроров возложена задача по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Эта функция реализуется через проведение координационных совещаний, организацию совместных рабочих групп, обмен информацией и разработку согласованных планов мероприятий. Деятельность Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений, как это видно на примере протокола заседания в Кабардино-Балкарской Республике, является прак-

тической площадкой для выработки единых подходов, где представители МВД, ФСБ, Следственного комитета и других ведомств совместно принимают решения, направленные на снижение рисков [7].

Особое значение имеет взаимодействие оперативных подразделений различных ведомств. Как справедливо отмечает П. М. Титов, «именно органы внутренних дел находятся «на передовой» и первыми получают информацию о преступлениях, в том числе о действиях экстремистского или террористического характера» [8]. При этом ФСБ России отводится главенствующая роль в борьбе с терроризмом, сотрудники которой наделены правом принятия решений о проведении контртеррористических операций (ст. 8 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» [9]). Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел и ФСБ России реализуется в нескольких направлениях, в частности, вырабатывается система совместных оперативно-розыскных действий по предотвращению проявлений как внутри страны, так и исходящих извне.

Эффективность такого взаимодействия подтверждается практическими результатами. Так, 21 мая 2025 года в Республике Дагестан по материалам УФСБ России по Республике Дагестан и МВД по Республике Дагестан следственными органами Следственного комитета было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 205.4 УК РФ (создание террористического сообщества) и ст. 30, ч. 2 ст. 205 УК РФ (приготовление к террористическому акту). В ходе дальнейшего расследования, при оперативном сопровождении тех же ведомств, был установлен 41-летний организатор, который, находясь за границей, посредством интернет-мессенджера склонил двух местных жителей к созданию террористического сообщества и совершению теракта 5 мая 2025 года [1]. Этот случай наглядно демонстрирует классическую и наиболее эффективную схему межведомственной работы: получение первичной оперативной информации (УФСБ, МВД) и ее последующая практическая реализация Следственным комитетом.

Особой проблемой, на наш взгляд, остается распространение деструктивных идеологий через информационно-телекоммуникационные сети. Как справедливо отмечает Г. А. Майстренко, «широкий спектр методики психологического взаимодействия на сознание людей,

быстрое распространение информации среди неопределенного круга пользователей делают такую пропаганду настоящим оружием в руках экстремистов» [4]. В этом направлении межведомственное взаимодействие проявляется в совместной работе МВД, ФСБ, прокуратуры и Роскомнадзора. Взаимодействие с финансовыми структурами, в частности с Росфинмониторингом, позволяет выявлять и пресекать каналы финансирования террористической деятельности. Практическая реализация такого взаимодействия, направленного на исполнение требований Федерального закона № 115-ФЗ, демонстрируется в ходе рабочих встреч, подобных той, что была проведена МРУ Росфинмониторинга по СКФО с Роскомнадзором и АО «Почта России» [2].

Также заметим, что научно-образовательные учреждения играют все более заметную роль в системе межведомственного взаимодействия. На их базе создаются координационные центры, которые, как показывает опыт Северо-Кавказского федерального университета, ведут работу по формированию у молодежи неприятия идеологии терроризма. Эти центры взаимодействуют с Национальным центром информационного противодействия терроризму и экстремизму (НЦПТИ), аппаратом антитеррористической комиссии, региональными министерствами и силовыми структурами, проводя совместные форумы и семинары. Эта деятельность является практической реализацией положений «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма» [6].

В заключение следует подчеркнуть, что противодействие терроризму и экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе в 2025 году будет по-прежнему требовать системного и многоуровневого подхода. Межведомственное взаимодействие, выстроенное на прочной нормативной базе и отложенное на практике, позволяет комплексно подходить к проблеме: от профилактической работы с молодежью в стенах университетов до блокировки финансовых потоков террористов и оперативного реагирования на возникающие угрозы. Дальнейшее совершенствование этого взаимодействия, адаптация к новым угрозам, в том числе в цифровом пространстве, и укрепление связей между силовыми, гражданскими и научными структурами является ключевым условием обеспечения стабильности и безопасности в регионе.

Литература:

1. В Республике Дагестан возбуждено уголовное дело о совершении преступлений террористической направленности // Новость от 21 мая 2025 года с официального сайта Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан. URL: <https://dagestan.sledcom.ru/news/item/1982376/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Встреча представителей МРУ Росфинмониторинга по СКФО с представителями Роскомнадзора по СКФО и АО «Почта России» // Официальный сайт Межрегионального управления Росфинмониторинга по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: <https://www.fedsfm.ru/skfo/news/9090> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1304820615> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Майстренко Г. А. К вопросу о межведомственном взаимодействии по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера в 2024 году (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Российский научный вестник. — 2025. — № 1. — С. 35–37.
5. На Северном Кавказе в 2024 году предотвратили 23 теракта // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20241008/kavkaz-1976929675.html> (дата обращения: 10.10.2025).
6. Постановление Ученого совета ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» от 26.12.2024 г. «О деятельности Координационного центра СКФУ по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции...» // Материалы сайта СКФУ. URL: <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/d6d/pgldbgm4abm0mdj71wdw8phcmtisica/Postanovlenie-O-deyatelnosti-Koordinatsionnogo-tsentr-SKFU.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Протокол заседания Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений в Кабардино-Балкарской Республике // Официальный сайт Кабардино-Балкарской Республики. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/upload/medialibrary/791/f2a6twprl3sh4xa80y4l60a67a17suyl/Protokol_-_2pr-ot-26.06.2025-g.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
8. Титов П. М. Взаимодействие органов внутренних дел в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2025. — № 1. — С. 156–160.
9. Федеральный закон от 03 апреля 1995 № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 15. — Ст. 1269; Российская газета. — 1995. — № 72.
10. Федеральный закон от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146; Парламентская газета. — 2006. — № 32.

Криминологическая характеристика и типология современного рецидивиста в цифровую эпоху

Кучервей Богдан Романович, студент;

Шумейко Сергей Романович, студент

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: рецидив преступлений, современный рецидивист, цифровая эпоха, киберпреступность, киберрецидивист, теневая цифровая экономика, социальная инженерия, профилактика рецидива

В традиционной криминологической литературе рецидивист — это лицо, неоднократно совершившее преступления, имеющее криминальный опыт, устойчивые антисоциальные установки и, как правило, негативный жизненный сценарий: ранняя криминализация, деформации семейного воспитания, низкий уровень образования, алкоголизация, маргинальный круг общения.

Классическая типология рецидивистов строилась в основном по следующим основаниям: по степени устойчивости рецидива (случайный, ситуационный, профессиональный рецидивист), по мотивации (корыстный, насилиственный, корыстно-насилиственный и т. п.), по социально-демографическим признакам (пол, возраст, социальный статус), по криминальной специализации (карманники, квартирные воры, мошенники, наркосбытчики и т. д.).

Эти подходы по-прежнему важны, но они исходили из «оффлайн-реалий» — уличной и пенитенциарной субкультуры, непосредственного контакта преступника с жертвой или объектом посягательства. Цифровая эпоха

создаёт для рецидивиста принципиально новые возможности: Интернет как пространство преступной деятельности. Социальные сети, онлайн-игры, маркетплейсы, криптовалюты и даркнет становятся площадками для мошенничества, наркосбыта, отмывания средств, нелегальной торговли документами, оружием и базами данных. Использование криптовалют и электронных платежей. Анонимность или псевдоанонимность операций позволяет рецидивистам уходить от контроля традиционных финансовых институтов, усложнять трассировку денежных потоков.

Защищённые мессенджеры, VPN, TOR, шифрование позволяют поддерживать устойчивые преступные связи, находясь в разных регионах и странах, минимизируя риск оперативной фиксации. Существенная часть преступлений совершается без физического контакта с потерпевшим: фишинговые схемы, социальная инженерия, взлом аккаунтов, дистанционный доступ к счетам.

Все это меняет структуру рецидива. Лицо, ранее судимое за традиционные корыстные посягательства

(кражи, грабежи), после освобождения может «уходить в онлайн», осваивая кибермошенничества, незаконные операции с криптовалютами, дистанционный сбыт наркотиков. Следовательно, привычная типология оказывается частично устаревшей: она не отражает специфики цифровых инструментов, новых форм конспирации и изменившихся криминальных навыков. С учётом сказанного можно предложить несколько новых типов рецидивистов. Они не отменяют классические категории, а «накладываются» на них, выделяя цифровое измерение преступной деятельности.

Это лицо, неоднократно совершившее преступления в сфере компьютерной информации или с активным использованием цифровых технологий: взлом аккаунтов и интернет-банкинга, распространение вредоносного ПО, DDoS-атаки, кибермошенничества (фишинг, поддельные интернет-магазины, схемы с маркетплейсами, подмена SIM-карт и т. д.), кража и перепродажа персональных данных, баз клиентов, платёжной информации. Особенность киберрецидивиста — высокий уровень цифровых компетенций и постоянная адаптация к новым защитным механизмам. Речь идёт о лицах, для которых основная сфера рецидивной преступной активности — нелегальный оборот товаров и услуг в сети, прежде всего в даркнете и закрытых онлайн-сообществах: дистанционный сбыт наркотиков («закладки» при полной координации через интернет); нелегальный оборот оружия, поддельных документов, услуги по обналичиванию, «обеспечению» средств, конвертации криптовалюты. Такой рецидивист может не обладать глубокими техническими знаниями, но хорошо ориентируется в правилах теневого онлайн-рынка, умеет поддерживать и расширять преступные связи в сети. Это наиболее опасный тип, сочетающий офлайн- и онлайн-преступность: организаторы «традиционных» преступлений (кражи, грабежи, вымогательства), которые используют интернет для разведки, слежки, координации и легализации средств, лица, ранее судимые за тяжкие насилиственные преступления, но вовлекающиеся и в цифровые преступления (мошенничество, незаконные финансовые операции) для финансирования своей деятельности. «Сетевой манипулятор» (рецидивист социальной инженерии) — это рецидивист, специализирующийся на психологическом воздействии

через цифровые каналы: ложные сообщения о выигрыше, «родственник попал в беду», псевдосотрудники банков, «службы безопасности», создание фейковых аккаунтов, использование deepfake-технологий, романтических легенд, вовлечение в инвестиционные пирамиды, псевдобрюкерские сервисы. Здесь ключевую роль играют не технические, а коммуникативные и манипулятивные навыки, которые рецидивист систематически совершенствует. Цифровизация не отменяет «классических» криминогенных факторов (социальная дезадаптация, деформация ценностей, криминальная субкультура), но дополняет их новыми чертами: Возраст и образование. В целом наблюдается «омоложение» части рецидивистов-киберпреступников, многие из них имеют среднее специальное или высшее (техническое, экономическое) образование, иногда — успешный опыт работы в ИТ-сфере. Значительная часть «цифровых» рецидивистов внешне социально адаптирована: имеют семью, работу, официальные доходы. Криминальная активность носит для них форму «дополнительного заработка», что затрудняет раннее выявление.

Актуализация типологии нужна не ради теории, а для эффективной профилактики. В современных условиях она должна включать несколько уровней: криминологический анализ и мониторинг, специализированные программы ресоциализации, повышение цифровой грамотности населения. В заключение хотим сказать, что современный рецидивист уже не ограничивается образом «классического» уголовника, действующего в уличной среде. Интернет, криптовалюты и новые формы коммуникации создали качественно иные условия для рецидивной преступной деятельности. В этих условиях: традиционная типология рецидивистов становится недостаточной, требуется выделять киберрецидивистов, рецидивистов в сфере теневой цифровой экономики, гибридных преступников и «сетевых манипуляторов», личность рецидивиста характеризуется более высоким уровнем образования, цифровыми компетенциями и иной системой оправдания собственных действий, профилактика должна строиться с учётом цифрового контекста — от правового регулирования и технического контроля до программ ресоциализации и повышения цифровой грамотности населения.

Литература:

1. Филиппова О. В. Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 207–216. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).207–216. URL: <https://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=25055> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Шалагин А. Е. Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Научная статья в открытом доступе. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-prestupnosti-v-xxi-veke-osobennosti-preduprezhdeniya-i-protivodeystviya> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Романовский В. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Научная статья. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-prestupnost-ponyatie-kriminologicheskie-osobennosti-problemy-protivodeystviya> (дата обращения: 01.12.2025).

4. Доля А. С., Семенцова И. А. Актуальные криминологические аспекты противодействия организованной преступности в условиях цифровизации // В сб.: Роль науки и высоких технологий в обеспечении социально-экономического развития государства: материалы Межд. науч.-практ. конф. Белгород, 13.09.2021. С. 43–46. URL: <https://apni.ru/article/2865-aktualnie-kriminologicheskie-aspekti-protivod> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Ульянов М. В. Личность преступника в изменяющемся мире: современные подходы к структуре и характеристики // В сб.: Долговские чтения — 2023. М., 2023. URL: <https://agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2023/6 %20 Сборник. %20Долговские %20чтения %202023.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

К вопросу о правовом статусе главы муниципального образования

Лёксин Николай Евгеньевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена анализу положений Федерального закона от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в части регламентации правового статуса главы муниципального образования. Принятый Федеральный закон вступает в силу с 19.06.2025 года, за исключением ряда статей, вступающих в силу с 01.01.2027 года. Одной из новелл является фиксация связи между органами местного самоуправления и органами государственной власти в рамках единой системы публичной власти. Особено показательны изменения в определении порядка избрания главы муниципального образования, что и будет рассмотрено в рамках настоящей статьи.

Ключевые слова: глава муниципального образования, система публичной власти, организация местного самоуправления, конкурсная комиссия.

В соответствии с Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [5] от имени муниципального образования приобретать и осуществлять имущественные и иные права и обязанности, выступать в суде без доверенности могут глава муниципального образования, глава местной администрации, другие должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования.

Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Согласимся с Носоновой Е. В., которая отмечает, что «главы муниципальных образований играют ключевую роль в системе местного самоуправления, не просто возглавляя деятельность по осуществлению местного самоуправления, а олицетворяя власть на местном уровне» [2, с. 154].

До изменений, принятых в 2025 году, глава муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования мог быть избран:

- 1) на муниципальных выборах;
- 2) представительным органом муниципального образования из своего состава;
- 3) представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса.

Особенно остро в научных кругах обсуждался порядок избрания главы муниципального образования конкурсной комиссией. В частности, Курдюк П. М., Очаковский В. А., Лихопатов Г. С. считают, что «у данного порядка избрания есть ряд положительных черт, в первую очередь финансовая основа. Как известно, выборы — процедура весьма дорогостоящая для муниципальных образований», также авторы отмечают «положительной чертой является возможное увеличение явки граждан на избирательные участки во время избрания депутатов представительного органа муниципального образования» [1, с. 134], поскольку роль представительного органа значительно увеличивается.

А. Н. Кокотова напротив, заявил, что «наделив субъекты Российской Федерации правом определять законом способ избрания глав муниципальных образований и место последних в структуре органов местного самоуправления конкретных муниципальных образований, взятое в единстве с иными мерами (наделение субъектов Российской Федерации правом изымать у муниципальных образований вопросы местного значения, расширение перечня оснований отрешения глав муниципальных образований от должности при расплывчатости некоторых из таких оснований и т. п.), меняет силовой баланс в отношениях между региональными и местными элитами, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями» [3].

Действительно, многие юристы сходились в мнении, что порядок избрания главы муниципального образования конкурсной комиссией перераспределяет полно-

мочия между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, способно при определенном развитии конституционного процесса создавать неосновательные конституционные риски для единства и целостности Российской Федерации. Соловьев С. Г. констатирует «тот факт, что на сегодня правовая конструкция замещения должности главы муниципального образования в результате избрания представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, вызывает немало вопросов, как содержательного, так и формально-юридического плана. Очевидно, она является итогом усилий законодателя, попытавшегося, при сохранении демократических подходов к природе Главы муниципального образования, посильнее встроить его в единую вертикаль российской публичной исполнительной власти» [4, с. 33].

А с 19.06.2025 года законодательно закреплена возможность избрания главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Тем самым законодатель пошел дальше, из процедуры выборов была исключена конкурсная комиссия, ограничив возможность представления кандидатур.

Представительному органу муниципального образования для проведения голосования по избранию главы муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации представляется не менее двух кандидатов.

Порядок предварительного рассмотрения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации и представления представительному органу муниципаль-

ного образования кандидатов на должность главы муниципального образования устанавливается законом субъекта Российской Федерации. Предложения о кандидатурах на должность главы муниципального образования вправе вносить высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации политические партии, федеральные списки кандидатов которых на основании официально опубликованных результатов ближайших предыдущих выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации допущены к распределению депутатских мандатов, политические партии, списки кандидатов которых были допущены к распределению депутатских мандатов в действующем на день внесения высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации указанных предложений законодательном органе субъекта Российской Федерации, совет муниципальных образований соответствующего субъекта Российской Федерации, общественная палата субъекта Российской Федерации, Ассоциация «Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления». В соответствии с законом субъекта Российской Федерации предложения о кандидатурах на должность главы муниципального образования вправе вносить высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации иные организации.

Данный способ избрания главы муниципального образования представительным органом муниципального образования является весьма рациональным, так как он существенно экономит бюджет государства и муниципальных образований, в частности, а также существенно сокращает время проведения данных «выборов». Однако не стоит оставлять без внимания демократические основы нашего правового государства, которые должны находить свое отражение как в нормах действующего законодательства, так и на практике.

Литература:

1. Курдюк П. М., Очаковский В. А., Лихопатов Г. С. О проблеме избрания главы муниципального образования «конкурсным» способом // Общество и право. 2018. № 2 (64) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-izbraniya-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-konkursnym-sposobom/> viewer (дата обращения: 28.09.2025).
2. Носонова Е. В. Правовой статус главы муниципального образования в Российской Федерации // Международный научный журнал «Вестник науки». 2021. № 12 (45) Т. 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/> viewer (дата обращения: 28.09.2025).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 N 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Н. Кокотова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/0c21dd2ed8a11c73729154197d9b5225f9f977b4 (дата обращения: 28.09.2025).
4. Соловьев С. Г. К вопросу о квазивыборной конструкции конкурсной модели избрания Главы муниципального образования // Современное право. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://opmgo.pdf/wp-content/uploads/2019/04/Статья-Соловьева-февраль-2019.pdf> (дата обращения: 28.09.2025).

5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319 (дата обращения: 28.09.2025).

Уголовная ответственность в экологическом праве

Ланговая Ксения Александровна, студент;

Ковалева Дарина Руслановна, студент

Научный руководитель: Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Данная статья посвящена уголовной ответственности в экологическом праве. Вред, который наносится окружающей среде экологическими преступлениями является значительным. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность каждого природу и окружающую среду, а также бережно относится к природным богатствам.

Ключевые слова: экологическое право, уголовная ответственность, преступления, окружающая среда.

В настоящее время экологические преступления приобретают особую актуальность в связи с ростом антропогенного воздействия на окружающую среду и необходимостью защиты природных ресурсов.

Роль уголовного права в системе охраны окружающей среды заключается в создании строгих мер возмездия за сознательные или небрежные действия, наносящие вред природе.

Уголовная ответственность в экологическом праве наступает только за те деяния перечень, которых дан в Уголовном Кодексе Российской Федерации. Что касается субъектов Российской Федерации, то они не вправе устанавливать собственное уголовное законодательство так как это будет противоречить нормам Конституции где данные вопросы отнесены к ведению Российской Федерации.

В Уголовном Кодексе России есть целая глава, посвященная экологическим преступлениям, что показывает, насколько важно защищать природу. Большая часть этой главы посвящена преступлениям, которые носят вред конкретным объектам природы. Они классифицируются в зависимости от того, что именно пострадало- какой природный ресурс или объект был затронут.

К таким преступлениям относят:

1. преступления против животного мира — ч.1 ст 249, ст.256–258 УК РФ;
2. преступления против растительного мира — ч.2 ст.249, ст.260 и 261 УК РФ;
3. преступления против водных ресурсов — ст. 250, ст.252 УК РФ;
4. преступления против воздушного пространства — ст.251 УК РФ;
5. преступления против охраняемых территорий — ст.253, 259,262 УК РФ;
6. преступления против земельных ресурсов — ст.254 УК РФ;
7. преступления против недр — ст. 255 УК РФ [1].

А. П. Анисимова пишет, что «Экологическими преступлениями являются виновные, общественно опасные, предусмотренные уголовным законом деяния (действия или бездействия), посягающие на конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду и причиняющие вред природным объектам и комплексам (либо содержащие реальную угрозу его причинения)» [4, с. 143].

Большинство преступлений, перечень которых даётся в главе 26 Уголовного Кодекса Российской Федерации, является материальным. Это означает, что граждане не будут нести ответственности с момента самого нарушения, она будет наступать лишь когда окружающей среде будет действительно нанесен ущерб или же будет угроза наступления ущерба. Чтобы привлечь кого-то к ответственности, нужно доказать, что факт наступления негативных последствий и причинно-следственную часть между действиями лица и этими последствиями.

Боголюбова С. А. пишет, что «Преступления могут быть совершены путём действия или бездействия. Они характеризуются рядом нормативно-правовых актов, например, Законом об охране окружающей среды, Федеральными законами «Об особо охраняемых природных территориях», «О радиационной безопасности» и др.» [6, с. 177].

Анализ официальной статистической отчётности ГИАЦ МВД России за 2017–2023 гг. показывает устойчивую тенденцию к снижению зарегистрированной экологической преступности. Так, в 2023 г. было зафиксировано 16 211 экологических преступлений, что на 15 % меньше по сравнению с 2022 г. (19 070) и на 33,5 % ниже показателя 2017 г. (24 379). Кроме того, в 2023 г. наблюдается снижение числа лиц, выявленных за совершение экологических преступлений, на 12,1 % (10 233 чел.). Темп снижения числа выявленных лиц по сравнению с 2017 г. составил 24,8 % (в 2017 г. — 13 616 преступников) [5, с. 82.].

Уголовная ответственность действует как предупреждение для потенциальных нарушителей и способствует формированию экологической культуры.

Одной из наиболее распространенных групп являются преступления, связанные с загрязнением различных сред обитания. Граждане и организации, нарушающие нормы обращения с опасными веществами или отходами, причиняют вред водным, воздушным и морским объектам через загрязнение, возникающее зачастую по неосторожности. Такие правонарушения характеризуются отсутствием умысла, однако наносят значительный экологический ущерб и требует тщательного контроля со стороны правоохранительных органов [2].

Особое место занимают преступные действия, связанные с порчей земель и нарушением правил их использования. Это включает уничтожение почвенного покрова, нарушение плодородия земли, как правило, в результате неправильной хозяйственной деятельности или промышленной эксплуатации. Эти нарушения угрожают устойчивости экосистем и максимальному природному балансу.

К экологическим преступлениям, относящимся к смежным сферам, можно отнести действия, связанные с нарушением правил безопасности на объектах атомной энергетики, жестокое обращение с животными, а также сокрытие информации, угрожающей жизни и здоровью людей. Также, особое внимание уделяется и понятию экозадачи — преступлению, направленному на массовое или системное уничтожение окружающей среды.

Характерной чертой экологических преступлений является возрастной ценз наступления уголовной ответственности, установленный на уровне 16 лет. Кроме того, некоторые деяния требуют наличия у субъекта специального статуса, например, связанного с использованием служебного положения. Формы вины варьируются от умышленных преступлений, как в случае незаконной охоты, до преступлений по неосторожности, характерных для загрязнения природных объектов [1].

Сегодняшнее состояние уголовной ответственности за экологические правонарушения в России выявляет двойственную систему: с одной стороны, наблюдается стабильность правового регулирования. С другой — потребность в системных реформах. Несмотря на выделение экологических преступлений в отдельную главу 26 УК РФ, отдельные составы остаются не использованными или некриминализированными, что приводит к возникновению правовых пробелов и снижению эффективности правоприменения. Повышение роли уголовно-правовых мер требует разработки гибкой системы санкций, которые соразмерны степени общественной опасности и характеру вины, с учетом не только коррекционной, но и превентивной функции наказания. Актуальна реализация подходов, стимулирующих позитивное поведение правонарушителей, включая возможности освобождения от наказания при добровольной компенсации вреда и сотрудничестве со следственными органами.

Приговор № 1-10/2025 1-126/2024 от 25 февраля 2025 г. по делу № 1-10/2025

Суть: ФИО 2 совершил транспортировку и иное обращение химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, создавших угрозу причинения существенного вреда здоровью человека и окружающей среде, повлекшие загрязнение окружающей среды. В ходе разбирательства было установлено. Что нарушены нормы ФЗ «Об охране окружающей среды». ФИО 2 в 2022 году, но не позднее ДД.ММ.ГГГГ, в рабочее время, находясь на территории «адрес» и «адрес», более точные дата, время и место следствием не установлены, действуя умышленно, из корыстных побуждений, обусловленных экономией денежных средств ООО «Центр Экологии», в нарушение требований ч. 1 ст. 9, ч. 3 ст. 36, ст. 42, ст. 58 Конституции Российской Федерации ст. 3, 4, ч. 3 ст 21, ст. 34, ст. 51, ч. 3 ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды», ст. 4.1, ч. 7 ст. 12 ФЗ «Об отходах производства», ч. 1, 2 ст. 18 Закона о лицензировании, ст. 12, 78 ЗК РФ, п. 1.2, 2.1 Договора № R0862, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде создания угрозы причинения общественно опасных последствий в виде создания угрозы причинения существенного вреда здоровью человека и окружающей среде, а также загрязнения окружающей среды — почвы, и желая их наступления, обратился к ранее знакомому заместителю директора ООО «Автотранс-34» Свидетель № 13 с просьбой подыскать ему лицо, у которого на территории «адрес», в пользовании находится земельный участок, где можно было бы разместить инертный грунт с минеральным порошком «ПУН». Суд рассмотрел имеющиеся доказательства по делу. Признал ФИО 2 виновным в совершении преступления предусмотренного ч. 2 ст. 247 УК РФ и назначил наказание в виде штрафа в размере 200 000 руб [3].

Одновременно значимым направлением является унификация и кодификация судебной практики. Разногласия в применении норм уголовного законодательства в экологической сфере затрудняют выработку эффективных правоприменительных стратегий. Следует активизировать роль руководящих постановлений, обеспечивающих единство подходов, а также продолжить обучение и повышение квалификации судей, следователей и экспертов, что позволит более эффективно и справедливо применять уголовные меры [7, с.63].

Важным аспектом реформирования является интеграция уголовного законодательства с другими отраслями права, в частности административным и гражданским, для создания полноценной системы комплексной ответственности и возмещения экологического вреда. Такая система должна учитывать не только наказание, но и меры восстановления природы, что соответствует международным практикам и стимулирует устойчивое природопользование [7, с. 64].

В РФ одним из перспективных направлений рассматривается введение уголовной ответственности для юридических лиц. Это позволит повысить экономическую мотивацию субъектов, соблюдать экологическое законо-

дательство и усилит общий уровень экологической безопасности.

Прогноз развития уголовной ответственности в экологической сфере ориентирован на становление комплексной правовой системы. Следует расширить полномочия надзорных органов и развивать механизм возмещения экологического ущерба. Необходимо проводить системный анализ, повышать квалификации профильных специалистов в сфере уголовного права и экологии, учитывать международный опыт и современные экологические вызовы, что обеспечит более эффективную

защиту природы и укрепит правовую основу устойчивого развития страны [1].

Чтобы уголовная ответственность в экологическом праве могла служить действенным инструментом охраны природы в интересах нынешних и будущих поколений, необходимо устранить пробелы в законодательстве, разработать комплексные нормы для всех видов экологических преступлений и наладить тесное сотрудничество между правоохранительными органами и природоохранными структурами. Только такой системный подход гарантирует эффективность этого механизма.

Литература:

1. Глава 26. УК РФ Экологические преступления (ст. 246–262) [Электронный ресурс] // web.archive.org — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20190123014201/http://base.garant.ru/10108000/7621e13d4250f8a97db3a80246e0bf9e/>, свободный.
2. Прокурор разъясняет — Прокуратура Воронежской области [Электронный ресурс] // epp.genproc.gov.ru — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/activity/legaleducation/explain?item=23167108, свободный. — Загл. с экрана
3. Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] // — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/nNFKx6yJ38Qd/>, свободный
4. Анисимов А. П. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, Ю. И. Исакова. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 432 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18526-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 150 — URL: <https://urait.ru/bcode/559637/p.150> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Антонян Е. А. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения // Антонян Е. А., Афанасьева О.Р- Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024 № 4 (28)
6. Боголюбова С. А. Экологическое право: учебник для вузов / под редакцией С. А. Боголюбова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 318 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17734-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 183 — URL: <https://urait.ru/bcode/559580/p.183> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Зезюлина Т. А. Особенности установления уголовной ответственности за экологические преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023 № 2(36). С. 62–67.

Противодействие иностранному вмешательству и регулирование деятельности НКО

Лукиных Любовь Вадимовна, студент;
Шаблинская Виктория Юрьевна, студент

Научный руководитель: Степанова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В представленном материале исследуются механизмы противодействия иностранному вмешательству через деятельность некоммерческих организаций, рассматриваемые в контексте усиливающейся глобальной конкуренции и расширения трансграничных каналов влияния, что обуславливает необходимость формирования устойчивого правового режима защиты национального суверенитета. Автор анализирует ключевые положения российского законодательства, включая институт «иностранный агента», и сопоставляет их с международной практикой, подчеркивая нормативную обусловленность мер по обеспечению транспарентности финансовых потоков и ограничению политической ангажированности НКО. При этом подчеркиваются значительные проблемы правоприменения, связанные с неопределенностью понятия политической деятельности, несистемностью контроля и высокой административной нагрузкой на организации, что ведет к риску произвольного вмешательства со стороны государственных органов. В работе выделяются противоречия между охраной государственной безопасности и необходимостью сохранения условий для раз-

вания гражданского общества, что требует уточнения правовых дефиниций, оптимизации механизмов отчетности и унификации практики надзорных органов. Особое внимание уделено необходимости выработки комплексных решений, направленных на балансировку интересов государства и некоммерческого сектора, что позволит повысить эффективность мер по предотвращению внешнего влияния при сохранении правовой определенности и принципов открытости общественной сферы.

Ключевые слова: иностранное вмешательство, некоммерческие организации, политическая деятельность, правовой режим «иностранных агентов», национальная безопасность, правоприменительная практика.

Countering foreign interference and regulating the activities of non-profit organizations

Lukinykh Lyubov Vadimovna, student;

Shablianskaya Viktoriya Yuryevna, student

Scientific advisor: Stepanova Marina Nikolayevna, phd in economics, associate professor
Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

The presented material examines the mechanisms for countering foreign interference carried out through the activities of non-profit organizations, which are analyzed in the context of intensifying global competition and the expansion of transboundary channels of influence, thereby necessitating the establishment of a stable legal framework aimed at safeguarding national sovereignty. The author analyzes the key provisions of Russian legislation, including the “foreign agent” legal framework, and compares them with international practice, emphasizing the normative rationale behind measures ensuring transparency of financial flows and limiting the political engagement of NGOs. At the same time, the study highlights significant problems in law enforcement, including the vagueness of the concept of political activity, the lack of a systematic approach to oversight, and the heavy administrative burden imposed on organizations, which creates a risk of arbitrary intervention by state authorities. The work identifies contradictions between the need to protect national security and the necessity of maintaining conditions conducive to the development of civil society, which requires clarification of legal definitions, optimization of reporting mechanisms, and harmonization of oversight practices. Particular attention is given to the need to develop comprehensive solutions aimed at balancing the interests of the state and the non-profit sector, which would enhance the effectiveness of measures designed to prevent external influence while maintaining legal certainty and the principles of openness within the public sphere.

Keywords: foreign interference, non-profit organizations, political activity, «foreign agent» legal regime, national security, law enforcement practice.

Современные трансформации глобального политического пространства, сопровождающиеся высокой степенью конкуренции государств за влияние в стратегически значимых регионах, создают условия, при которых воздействие на внутренние процессы иной страны может осуществляться не только методами прямого политического давления, но и посредством использования инструментов мягкой силы, среди которых значительную роль играют некоммерческие организации, способные, благодаря своей институциональной гибкости, формировать общественную повестку, воздействовать на правосознание, осуществлять экспертную деятельность и канализировать политически значимые интересы. В условиях возрастания масштабов трансграничных коммуникаций, расширения форм внешнего финансирования и активизации международных неправительственных акторов, проблема противодействия иностранному вмешательству в деятельности НКО приобретает особое значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, поскольку именно в этой сфере создаются наиболее благоприятные условия для скрытой политической деятельности, маскируемой под правозащитную, культурно-просветительскую или аналитическую активность [1].

Формирование российского законодательства, направленного на предотвращение внешнего влияния через некоммерческий сектор, происходило поэтапно и отражало стремление государства создать такой нормативный режим, который, не препятствуя развитию институтов гражданского общества, позволил бы обеспечить транспарентность источников финансирования, установить механизм контроля за участием НКО в политически значимых процессах и предотвратить использование зарубежных ресурсов для воздействия на общественные и государственные институты. Основу правового регулирования составляет Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2], который претерпел существенные изменения, направленные на введение специальных требований для субъектов, получающих иностранное финансирование или участвующих в политической деятельности, что выражалось в создании правового режима «иностранных агентов», предусматривающего расширенные обязанности, связанный с маркировкой материалов, предоставлением отчетности, раскрытием структуры руководящих органов и источников финансирования.

Нормативное закрепление указанных требований отражает стремление государства реализовать положения

Конституции Российской Федерации [3] о защите суверенитета и недопустимости вмешательства во внутренние дела, а также соответствует международно-правовым позициям, допускающим введение государством специальных мер для предотвращения угроз национальной безопасности. При этом формирование российского правового режима не является исключительным явлением, поскольку аналогичные механизмы присутствуют в правопорядках ряда иностранных государств, включая США, где действует Закон об иностранных агентах (FARA) [4], обладающий гораздо более строгими и обширными обязательствами для субъектов, взаимодействующих с зарубежными структурами. Тем не менее, российское законодательство подвергается критике со стороны отдельных международных организаций, что, однако, не отменяет необходимости принятия мер, обеспечивающих защиту политической системы от скрытого иностранного влияния, осуществляемого под видом гражданских инициатив.

Несмотря на нормативную урегулированность ключевых вопросов функционирования НКО, вовлеченных в процессы, связанные с иностранным финансированием или участием в политически значимой деятельности, правоприменительная практика демонстрирует наличие существенных проблем, затрудняющих полноценную реализацию законодательства и вызывающих многочисленные дискуссии. Одной из наиболее острых проблем является отсутствие унифицированного и достаточно четкого определения политической деятельности, поскольку существующая формулировка, основанная на оценке влияния НКО на общественное мнение, нормативные решения или политические процессы, нередко позволяет отнести к политической активности широкий спектр мероприятий, не имеющих цели вмешательства в политическую сферу. Данная неопределенность создает риск формального применения законодательства и приводит к тому, что организации, осуществляющие просветительские или социологические проекты, могут быть квалифицированы как субъекты, требующие специального правового режима, что негативно отражается на состоянии гражданского общества [5].

Еще одной проблемой выступает сложность исполнения требований по маркировке информационных материалов, являющихся предметом повышенного внимания со стороны контролирующих органов. Большой объем правовых обязанностей, возложенных на НКО, зачастую приводит к техническим нарушениям, не связанным с попытками скрыть иностранное влияние, но влекущим существенные санкции, что создает атмосферу правовой неопределенности и формирует восприятие законодательства как чрезмерно репрессивного. Кроме того, механизм предоставления отчетности, предусматривающий детальное раскрытие финансовых и организационных параметров, вызывает критику со стороны правозащитного сообщества ввиду значительной административной нагрузки, требующей постоянного взаимодействия с органами юстиции, что отвлекает ресурсы

организаций от реализации их социально полезной деятельности [6].

Нельзя обойти вниманием и проблему недостаточной систематизации правоприменительной практики, поскольку различные территориальные органы юстиции нередко используют неодинаковые критерии оценки деятельности НКО, что приводит к расхождениям в итоговых выводах и создает условия для субъективного подхода к квалификации отдельных действий как политических. Отсутствие единых методических рекомендаций и централизованных стандартов анализа информационной активности НКО усиливает риск произвольных решений, что влечет нарушения принципа правовой определенности и вызывает обоснованные опасения у представителей некоммерческого сектора.

В этой связи особое значение приобретает разработка предложений, направленных на совершенствование правового регулирования и устранение выявленных проблем. Прежде всего, требуется уточнение дефиниции политической деятельности, что позволит исключить возможность расширительного толкования и обеспечит более точное ограничение собственно политических действий от просветительских, научных или культурных инициатив. Целесообразным представляется введение критериев материальной направленности деятельности, предполагающих оценку не декларативных, а фактических последствий тех или иных действий НКО, что позволит выявлять лишь те организации, которые действительно участвуют в формировании политических процессов под влиянием зарубежных структур.

Также очевидной является необходимость оптимизации механизмов отчетности, включая сокращение объема бюрократических процедур, введение электронных систем автоматизированной подачи документов, а также создание консультативных центров при органах юстиции, обеспечивающих методическую помощь организациям в вопросах соблюдения законодательства. Реализация указанных мер позволит снизить административную нагрузку на НКО и предотвратить возникновение технических нарушений, не имеющих реальной общественной опасности.

Важным направлением совершенствования системы является унификация правоприменительной практики, что возможно посредством разработки подробных методических рекомендаций для органов государственной власти, включающих критерии оценки политической активности, правила анализа содержания информационных материалов и стандарты выявления признаков иностранного влияния. Создание таких документов позволит минимизировать риск субъективных решений, обеспечит единобразие подходов и укрепит доверие к правовой системе [7].

Таким образом, система противодействия иностранному вмешательству в деятельности некоммерческих организаций, являясь одним из ключевых элементов механизма защиты национального суверенитета, требует

постоянного совершенствования, направленного на устранение неопределенностей, повышение эффективности правоприменения и создание условий, при которых добросовестные НКО смогут свободно осуществлять свою деятельность, не сталкиваясь с чрезмерными ограничениями. Достижение указанного баланса между за-

щитой государства и развитием гражданского общества представляет собой сложную, но необходимую задачу, поскольку именно от ее решения зависит устойчивость политической системы и способность государства противостоять внешним угрозам, сохраняя при этом открытость, правовую определенность и социальное разнообразие.

Литература:

1. Ушанева А. К. Роль коммуникационной деятельности в деятельности некоммерческой организации // Студенческий вестник. 2023. № 45–8(284). С. 33.
2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022. Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет- портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Frequently Asked Questions // Режим доступа: <https://www.justice.gov/nsd-fara/frequently-asked-questions>. Дата обращения: 17.11.2025.
5. Кузнецова И. А. Влияние некоммерческих организаций на законотворческую деятельность в Российской Федерации // Бизнес и общество. 2023. № 4(40). С. 119.
6. Багдасарян А. В. Финансовый контроль за деятельностью некоммерческих организаций и их финансами (фондами) // Правовая мысль. 2022. № 2(5). С. 32.
7. Чапурко Я. Я. Вопросы правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в России // Национальное здоровье. 2023. № 4. С. 97.

Проблемы законодательного регулирования авторского права на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта

Мазур Лаура Геннадьевна, студент

Научный руководитель: Захарова Галина Серафимовна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Авторское право можно назвать одним из наиболее ранних и все еще стремительно развивающихся институтов среди объектов интеллектуальной собственности. Пройдя этап первичного становления, оно находится на пике своего развития, набирая актуальности в современных реалиях. Целью данной статьи является выявление проблем правового регулирования авторского права, рассмотрение вопросов, связанных с законодательным регулированием авторского права на стыке с развитием искусственного интеллекта и пути их решения.

Первым нормативно-правовым актом, который ввел понятие «авторское право» был Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 г. № 5351-1. С того момента произошло достаточно много глобальных изменений в системе законодательства, которые привели к становлению современного понятия. Легального понятия «авторского права» законодательство так и не за-

крепило, до принятия первого закона продолжительное время действовал ГК РСФСР 1964 г., где и регулировалось авторское и смежные права. Сейчас авторское право занимает отдельную главу в Гражданском Кодексе Российской Федерации (Далее — ГК РФ). Согласно ст. 1255 ГК РФ авторские права — это интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства [1]. Также законодательно установлен ряд прав принадлежащих автору произведений, таких как: исключительное право на произведения, право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения. В последующих статьях так же раскрываются такие термины как объекты авторских прав, автор произведения, соавторство и иные фундаментальные понятия, составляющие базис этого института.

Авторское право — это многогранная отрасль, затрагивающая различные сферы жизни общества и тесно пе-

реплетающаяся с развитием технологий. Цифровые технологии в свою очередь уже на данном этапе развития почти полностью проникли в каждый аспект жизни человека. Как известно каждый быстро развивающийся институт требует оперативного законодательного реагирования и соответственно подробного регулирования. Болдырев С. И. отметил, что часть четвертая ГК РФ в определенной степени является «своеобразной конституцией» прав интеллектуальной собственности, по причине того, что она включила в себя практически все положения национальной правовой системы в сфере охраны авторских прав и выступает базовым законодательным актом, в котором реализована попытка адаптации устаревших норм XX века к цифровой среде XXI в. [2]

Одной из наиболее актуальных проблем, связанных с авторским правом, является его защита в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Далее — Интернет). Согласно статистике различных интернет-порталов, чаще всего нарушаются авторские права в Интернете путем распространения аудио — примерно 35 %, видео — 33 % (без разрешения правообладателя), а также путем копирования текста для наполнения сайтов — 19 %. На данный момент практика так называемого «пиратства» в Интернете становится нормой, копирование текста, аудио и видео без указания автора — это и есть нарушение его авторских прав. Сейчас регулирование авторских прав в сети Интернет полностью подвластно общим положениям, регламентированным в части четвертой ГК РФ. Однако при этом в правоприменительной практике возникает ряд вопросов, связанных с этими правоотношениями, например, об определении некоторых понятий и терминов необходимых для правильного разрешения споров и так далее. Соответственно избежание коллизий необходима модернизация действующего законодательства под современные условия. Определение понятий и терминов, совершенствование механизма контроля за нарушением авторских прав, а также внедрение строго определенных правил мониторинга контента для онлайн платформ будет способствовать минимизации незаконного использования объектов интеллектуальной собственности.

Среди общих проблем, связанных с защитой авторского права в интернете наиболее актуальным, является вопрос, связанный с произведениями, созданными искусственным интеллектом. Сейчас развитие этой технологии достигло определенного пика. В законодательстве Российской Федерации понятие искусственного интеллекта было закреплено в Федеральном законе № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 года, где под ИИ понимается комплекс технологических решений, способный имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и нестандартный поиск решений, с достижением результатов, сопоставимых с продуктами человеческой интеллектуальной деятельности. [3]

Согласно статистике, предоставленной Институтом статистических исследований и экономики знаний за

последние два года количество пользователей, обращающихся к использованию искусственного интеллекта, возросло в 18 раз [4]. Любой запрос, обрабатываемый искусственным интеллектом, будет представлять собой систематизацию информации, опубликованной в сети. И, к слову, не всегда при формировании текста-ответа на запрос используется сноска на источник информации, что формирует вопрос об ответственности за нарушение прав третьих лиц.

На данный момент не существует механизма, который бы определял порядок определения виновных лиц, а также доли их ответственности. Также логичным будет вопрос о том, кто же будет являться автором и соответственно распоряжаться авторскими правами на результаты деятельности искусственного интеллекта? Эта проблема напрямую отображается и в законодательном регулировании данного вопроса, а точнее в его отсутствии. В соответствии с пунктом 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 — суды при разрешении вопросов об авторстве должны учитывать, что объект имеет правовую охрану лишь при наличии творческого труда человека; и, если творческий вклад отсутствует — результат, созданный автоматическими средствами, может не признаваться объектом авторского права [5].

То есть и в законодательстве, и при правоприменении право авторства остается за человеком, но никак не за машиной. Логичным будет вопрос касаемо права авторства пользователей искусственного интеллекта, поскольку его участие носит лишь утилитарный характер (человек лишь задает параметры поиска, но никак не воздействует на содержание). В вопросе об ограничении авторских прав на результаты деятельности искусственного интеллекта, прослеживается полемика между учеными правоведами. Основными концепциями являются:

- 1) робот — самостоятельный субъект авторского права, способный выступать как соавтором, так и индивидуальным творцом;
- 2) робот как субъект авторского права, способный быть лишь соавтором человека;
- 3) робот как средство, используемое в творческой деятельности и объект интеллектуальных прав;
- 4) не охраноспособность машинных.

Что касаемо четкого законодательного регулирования вопросов, связанных с авторским правом на произведения искусственного интеллекта, так в ГК РФ не содержится специальных норм об этих объектах, что приводит к правовой неопределенности, поскольку общие положения не могут регулировать столь узконаправленный институт.

Возможным решением вышеуказанных проблем будет развитие правовой модели путем внесения дополнений в ГК РФ, рассмотрение возможности признания автором — пользователя, осуществляющего запрос информации либо же разработчика ИИ. Это позволит создать правовую определенность и стимулировать инно-

вации в сфере ИТ при этом не нарушая права и интересы третьих лиц. Также рассмотрение возможности внедрения технологии «блокчейн», которая позволит производить систематизированную регистрацию произведений, отследить их возможное использование и поможет подтвердить права на них при возникновении споров. При успешном введении это технологии в последующем на ее основе можно разработать систему учета авторских прав с возможностью их передачи. В свою очередь для разработчиков ИИ ввести обязанность предоставлять четко сформулированные единые лицензионные условия, где указывать принадлежность права на сгенерированное произведение.

Сейчас развитие системы искусственного интеллекта поглощает все сферы жизни общества. С ее помощью открываются новые возможности для развития права интеллектуальной собственности в целом и модернизации авторского права на современный лад. С целью обеспечения эффективной защиты указанных прав следует в первую очередь провести глобальную модернизацию законодательной базы тем самым определить понятия возникающих институтов, ввести нормы, регулирующие возникающие правоотношения. Создать систему учета произведений, возможность их использования и передачи, что позволит минимизировать риски, связанные с нарушением авторских прав.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18 декабря 2006г. № 230-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2006.
- Болдырев С. И. Современное гражданско-правовое регулирование авторских прав как объектов правовой защиты // Теория права: Сборник научных статей. 2015. С. 52–55.
- Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ». СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 22.11.2025).
- От фантастики к реальности: ИИ в руках населения // Институт статистических исследований и экономики знаний URL: <https://issek.hse.ru/news/996374628.html> (дата обращения: 17.11.2025).
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»

Причины, способствующие возникновению экономической преступности

Максимова Елена Владимировна, студент

Научный руководитель: Штефан Алена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В данной статье проводится анализ ключевых причин и условий, детерминирующих экономическую преступность в России и мире. Рассматривается комплекс факторов: от макроэкономических и институциональных до социально-психологических. Теоретические положения иллюстрируются примерами из судебной и следственной практики. Цель работы — систематизировать знания о детерминантах экономической преступности для выработки более эффективных мер противодействия.

Ключевые слова: экономическая преступность, причины преступности, теневой сектор, коррупция, несовершенство законодательства, мошенничество, легализация (отмывание) денежных средств.

Экономическая преступность представляет собой одну из наиболее значимых угроз национальной и глобальной безопасности. Ее проявления многогранны — от крупных корпоративных мошенничеств до сделок по легализации преступных доходов. Высокая латентность и постоянно эволюционирующие способы совершения подобных деяний требуют глубокого понимания не только их правовой квалификации, но и причинного комплекса, их порождающего. Понимание причин явля-

ется фундаментом для построения адекватной и эффективной государственной политики в сфере противодействия преступлениям в сфере экономики [1]. В данной статье представлен ряд таких причин.

Макроэкономические и институциональные причины, которые относятся к числу фундаментальных причин, представленных системными диспропорциями в экономике. Высокие налоги, чрезмерное административное давление на бизнес, бюрократические барьеры и неста-

бильность экономической конъюнктуры создают питательную среду для ухода предпринимателей в «теневой» сектор. В условиях, когда легальное ведение бизнеса становится экономически невыгодным или чрезмерно рискованным, субъекты экономической деятельности начинают искать обходные пути. Ярким примером является практика создания фирм однодневок для уклонения от уплаты налогов и незаконного возмещения НДС. Масштабные схемы, подобные «делу «Оборонсервиса», где чиновники и бизнесмены создавали разветвленную сеть подконтрольных компаний для хищения бюджетных средств, наглядно демонстрируют, как коррупция и неэффективный государственный контроль сливаются в единый причинный комплекс.

Вторая важнейшая причина состоит в несовершенстве и нестабильности законодательства. Правовая неопределенность остается мощным катализатором экономических преступлений. Противоречия в нормативных актах, частые и непродуманные изменения в законодательстве, наличие правовых пробелов создают возможности для их злонамеренного использования. Лабильность экономического законодательства не позволяет добросовестным участникам рынка выстраивать долгосрочные стратегии, в то время как недобросовестные видят в этом поле для маневра. Например, пробелы в регулировании криптовалют и блокчейн-технологий на ранних этапах их развития привели к всплеску финансовых пирамид и мошеннических ICO (Initial Coin Offering), когда инвесторам предлагались «токены» несуществующих проектов. [2]. Ярким случаем из международной практики является крах криптовалютной платформы FTX в 2022 году, где обвинения в масштабном мошенничестве и нецелевом использовании средств клиентов во многом были связаны с отсутствием четкого правового регулирования.

Третья причина — коррупция как системообразующий фактор.

Коррупция является одновременно и формой экономической преступности, и ее ключевой причиной. Подкуп должностных лиц позволяет преступникам получать государственные контракты, уходить от ответственности, получать доступ к конфиденциальной информации и создавать необоснованные конкурентные преимущества. Коррупционные связи пронизывают все уровни экономических отношений, выступая «смазочным материалом» для крупных преступных схем [3]. Классическим примером является «дело «ЮКОСа», где, по мнению защиты,

обвинение в хищении нефти и уклонении от уплаты налогов было инструментом конкурентной борьбы, использованным при участии недобросовестных государственных служащих. Другой пример — схема хищений в «Банке Москвы», где при содействии коррумпированных чиновников мэрии были выданы многомиллиардные кредиты на заведомо невыполнимые проекты.

Последняя раскрываемая причина состоит в социально-психологических детерминантах. Никогда нельзя сбрасывать со счетов личностный фактор. В условиях культа потребления и высокой социальной стратификации такие психологические установки, как алчность, стремление к быстрому обогащению без приложения труда, правовой нигилизм и низкая общественная опасность экономических преступлений в массовом сознании играют значительную роль. В современном обществе успех все чаще измеряется исключительно материальными благами, что создает мощный стимул для их достижения любыми, в том числе и противоправными, способами [4]. Яркой иллюстрацией является деятельность финансовых пирамид типа «МММ» или недавние случаи с «Кэшбери». Основатели таких проектов, эксплуатируя жадность и доверчивость граждан, создавали иллюзию легкой прибыли, а вкладчики, ослепленные возможностью быстрого обогащения, сознательно игнорировали очевидные признаки мошенничества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что причины экономической преступности носят комплексный, многоуровневый характер. Они кроются как в макроэкономической и институциональной среде (высокие налоги, коррупция, несовершенство закона), так и в сфере индивидуальной психологии (алчность, правовой нигилизм). Борьба с этим явлением не может быть эффективной при ориентации исключительно на карательные меры. Необходим системный подход, включающий:

1. Создание стабильной и благоприятной экономической и правовой среды для бизнеса.
2. Повышение эффективности государственного контроля и надзора, в том числе за счет внедрения цифровых технологий.
3. Усиление антикоррупционной составляющей и повышение прозрачности деятельности госорганов.
4. Формирование в обществе нетерпимости к экономическим преступлениям через правовое просвещение.

Только такой комплексный подход позволит воздерживаться на всю совокупность причин, порождающих экономическую преступность.

Литература:

1. Свищунова Л. Ю. К вопросу о причинах и условиях экономической преступности в современной России // Ленинградский юридический журнал — 2025 — № 2 (80) — С. 112–127. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prichinah-i-usloviyah-ekonomicheskoy-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii>
2. Шульга А. В. Признаки мошеннических операций, проводимых под видом первичного размещения токенов (ICO) // Журнал Вестник Краснодарского университета МВД России — 2018 <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-moshennicheskikh-operatsiy-provodimyh-pod-vidom-pervichnogo-razmescheniya-tokenov-ico>

3. Башашкина Г. Ю. Системообразующие факторы и условия формирования коррупционных отношений в национальной экономике России // Журнал Транспортное дело России — 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemoobrazuyuschie-faktory-i-usloviya-formirovaniya-korruptsionnyh-otnosheniy-v-natsionalnoy-ekonomike-rossii>.
4. Зубова Ю. А. Социально-экономические детерминанты современной российской преступности // Финансы и управление. — 2021. — № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-determinanty-sovremennoy-rossiyskoy-prestupnosti>
5. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М.: Норма, 2020. <https://books.google.ru/books?id=xyq5sYeKEhsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Проблемы и перспективы развития прокурорского надзора за соблюдением миграционного законодательства

Максимова Нина Вячеславовна, студент
Челябинский государственный университет

Статья посвящена анализу актуальных проблем осуществления прокурорского надзора за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации. Рассматриваются основные направления деятельности прокуратуры, связанные с контролем за законностью в сфере миграции, трудоустройства иностранных граждан, противодействием незаконной миграции, а также обеспечением прав мигрантов. Выделены ключевые вызовы, обусловленные цифровизацией, изменениями миграционных потоков, межведомственной координацией и пробелами в правоприменительной практике. Сформулированы перспективы развития прокурорского надзора в условиях модернизации миграционной политики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, миграционное законодательство, незаконная миграция, правоприменительная практика, цифровизация контроля.

Миграционная сфера традиционно относится к числу наиболее сложных и динамично развивающихся направлений государственного управления. Существенное влияние на миграционные процессы оказывают демографические тенденции, экономическая ситуация, geopolитические факторы и международная мобильность рабочей силы. Эти обстоятельства обуславливают необходимость постоянного совершенствования миграционного законодательства и механизмов контроля за его исполнением.

Прокуратура Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении законности и правопорядка в миграционной сфере. В условиях растущих миграционных потоков, расширения цифровизации и появления новых правонарушений, связанных как с незаконным пребыванием иностранных граждан, так и с нарушениями их прав, возрастает значимость прокурорского надзора как инструмента выявления системных проблем и защиты публичных интересов [1].

Несмотря на значительную нормативную базу и сформировавшуюся правоприменительную практику, прокурорский надзор сталкивается с рядом трудностей, требующих концептуального обновления и оптимизации.

Прокурорский надзор охватывает широкий комплекс задач, направленных на контроль соблюдения законодательства со стороны органов государственной власти, работодателей, должностных лиц и иных субъектов мигра-

ционного взаимодействия. К ключевым направлениям относятся [6]:

1. Надзор за соблюдением правил миграционного учета — проверка законности постановки на учет, сроков регистрации, порядка учета иностранных граждан и лиц без гражданства.
2. Контроль за законностью предоставления разрешений на работу, патентов, виз и иных документов, необходимых для пребывания на территории РФ.
3. Защита трудовых и социальных прав иностранных граждан, включая контроль условий труда, своевременной выплаты заработной платы, предоставления жилья и доступа к медицинской помощи.
4. Противодействие незаконной миграции, выявление схем фиктивной регистрации, поддельных документов, незаконной занятости.
5. Надзор за деятельность центров временного содержания иностранных граждан.
6. Межведомственная координация в целях борьбы с правонарушениями в миграционной сфере.

Одной из ключевых проблем является недостаточная согласованность деятельности органов, ответственных за реализацию миграционного законодательства: МВД России (ГУВМ), Минтруда, ФСБ, органов региональной власти. Нередко отсутствует единая база данных или она функционирует недостаточно эффективно, что приводит к дублированию функций, ошибкам в миграционном

учете, трудностям в выявлении незаконной миграции, задержкам в принятии решений.

Прокуратура вынуждена устранять последствия организационных недочетов, что снижает профилактическую функцию надзора.

Несмотря на развитую нормативную базу, правоприменение в миграционной сфере остается неоднородным. Среди частых проблем [8]:

- различия в толковании норм местными подразделениями ГУВМ МВД;
- неодинаковый подход к оценке фиктивности регистрации или трудового договора;
- неполное соблюдение процедур при рассмотрении заявлений иностранных граждан;
- нарушения сроков предоставления государственных услуг.

Прокурорские проверки фиксируют многочисленные случаи отказов в предоставлении разрешений или постановке на учет без достаточных правовых оснований, что требует системных мер.

Современные технологические возможности создают условия для усложнения схем незаконной миграции. Распространены фиктивные регистрации иностранных граждан, использование поддельных документов, изготовленных с применением цифровых технологий, фиктивные браки, «теневая» занятость иностранных работников, уклонение работодателей от оформления разрешительной документации.

В связи с этим прокурорский надзор требует более глубокого анализа цифровых следов, сотрудничества со спецслужбами и применения новых форм мониторинга.

Помимо незаконной миграции, значимой проблемой остаются нарушения трудовых, жилищных и социальных прав иностранных граждан. Часто выявляются [5]:

- несвоевременная выплата заработной платы;
- недопуск к медицинским услугам;
- нарушение санитарных норм проживания;
- незаконные проверки и выдворения.

Прокуратура вынуждена реагировать на многочисленные обращения мигрантов, что показывает недостаточную эффективность превентивных инструментов.

Несмотря на активное внедрение информационных систем, цифровые технологии в миграционной сфере еще не обладают достаточным уровнем интеграции и надежности.

Среди выявленных изъянов сбои при обмене данными между ведомствами; уязвимости информационных систем; затруднения при верификации личности; ошибки в автоматизированных решениях (например, при продлении виз).

Отсутствие гарантированной точности информации создает риски для законности и ограничивает возможности прокурорского надзора [3].

В условиях трансформации государственной миграционной политики прокурорский надзор должен развиваться в направлении повышения эффективности цифровых, организационных и правовых инструментов.

1. Усиление аналитической и профилактической функции прокуратуры. Перспективными являются: формирование единых методических рекомендаций по надзору в миграционной сфере; развитие практики прокурорских обзоров и аналитических докладов; системный анализ статистики миграционных нарушений; применение риск-ориентированного подхода, что позволит своевременно выявлять негативные тенденции и реагировать на них не только репрессивно, но и предупреждающе.

2. Цифровизация прокурорского надзора, необходимы: интеграция информационных систем прокуратуры с базами МВД, Минтруда и органов субъектов РФ; расширение доступа к государственным цифровым реестрам; анализ больших данных для выявления аномалий в миграционных потоках; использование технологий автоматизированной проверки документов и цифровых следов нарушений. Цифровизация позволит повысить оперативность выявления правонарушений и снизить влияние человеческого фактора [4].

3. Совершенствование правовой базы. Требует развития нормативное регулирование вопросов фиктивной занятости и регистрации мигрантов; цифровой идентификации иностранных граждан; ответственности работодателей за неоформленный труд мигрантов; процедур административного выдворения и содержания в ЦВСИГ. Прокуратура может внести предложения по устранению пробелов и коллизий законодательства.

4. Развитие межведомственного взаимодействия. Для повышения эффективности необходимо: создание межведомственных рабочих групп; обмен информацией в режиме реального времени; регулярные совместные проверки; координационные совещания по выявлению схем незаконной миграции. Скоординированная деятельность позволит минимизировать дублирование и повысить оперативность реагирования.

5. Формирование гуманного и сбалансированного подхода. Прокуратура должна обеспечивать соблюдение баланса между: национальной безопасностью, необходимостью противодействия незаконной миграции, защитой прав и законных интересов иностранных граждан. Особое значение приобретают вопросы гуманного содержания лиц, подлежащих выдворению, а также обеспечение мигрантов доступом к правовой помощи [3].

Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением миграционного законодательства является одним из важнейших элементов обеспечения законности и правопорядка в Российской Федерации. Миграционные процессы продолжают усложняться, что требует от прокуратуры повышения эффективности аналитических, превентивных и контрольных механизмов. Современные проблемы — цифровые вызовы, межведомственные несогласованности, рост незаконной миграции, нарушения прав мигрантов, неоднородность правоприменения — свидетельствуют о необходимости системного обновления надзорной деятельности. Перспективы развития прокурорского надзора связаны с цифровизацией, совершенствованием за-

конодательства, усилением координации органов власти и формированием гуманного подхода к миграционной политике. Реализация данных направлений позволит повы-

сить законность в миграционной сфере, укрепить общественную безопасность и обеспечить соблюдение прав всех участников миграционных отношений.

Литература:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 12.04.2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» (ред. от 03.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» (ред. от 28.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Булгаков, А. Э. Цифровые платформы и обеспечение соблюдения миграционного законодательства: перспективы развития российской системы государственного контроля в сфере миграции / А. Э. Булгаков // Миграционное право. — 2025. — № 3. — С. 22–25.
4. В России проведут эксперимент по сдаче биометрии иностранными гражданами при пересечении государственной границы / Минтранс России. — 28.11.2024. — Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11605> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Жеребцов, А. Н. Применение цифровых технологий в процессе публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации / А. Н. Жеребцов // Lex Russica. — 2023. — № 12 (205). — С. 101–112.
6. Основные изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года / Lexpat. — URL: <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvarya-2025-goda.html> (дата обращения: 03.12.2025).
7. Сейфетдинова, Е. И. Вопросы миграционной стратегии Российской Федерации на ближнесрочную перспективу (2023–2025 гг.) / Е. И. Сейфетдинова, А. А. Гульй // Международное публичное и частное право. — 2023. — № 2. — С. 11–13.
8. Хода, В. Д. Прокурорский надзор в сфере незаконной миграции: теория и практика / В. Д. Хода // Миграционное право. — 2021. — № 3. — С. 23–26. — URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/505194398/> (дата обращения: 03.12.2025).

Современные вызовы миграционной политики РФ и роль прокуратуры в обеспечении законности в миграционной сфере

Максимова Нина Вячеславовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируются ключевые современные вызовы миграционной политики Российской Федерации, обусловленные демографическими тенденциями, международной обстановкой, изменениями в законодательстве и цифровизацией государственного управления. Особое вниманиеделено роли органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере миграции, надзору за соблюдением прав мигрантов, предупреждению незаконной миграции и повышению эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: миграционная политика, незаконная миграция, прокурорский надзор, миграционный учет, трудиновая миграция, права мигрантов, национальная безопасность.

Миграционная политика Российской Федерации в последние годы претерпевает существенные изменения, обусловленные как внутренними социально-экономическими процессами, так и внешнеполитическими факторами. Миграционные потоки оказывают прямое влияние на демографическое развитие страны, состояние рынка труда, безопасность государства и межэтнические отношения. В условиях усложняющейся международной ситуации, усиления миграционных рисков и цифровой

трансформации публичного управления возрастает необходимость совершенствования правовых механизмов регулирования миграции, а также укрепления институтов контроля и надзора.

Прокуратура Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении законности в миграционной сфере, реализуя надзорные полномочия в отношении деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов внутренних дел, должностных

лиц, а также иных субъектов, вовлеченных в миграционные процессы. Одновременно прокуратура участвует в формировании правоприменительной практики, выявляет системные нарушения законодательства, вносит представления, возбуждает дела об административных правонарушениях и принимает меры прокурорского реагирования в целях защиты прав и законных интересов граждан и общества [5].

Одним из ключевых факторов, определяющих миграционную политику РФ, остается демографическая ситуация, характеризующаяся сокращением трудоспособного населения и естественным убылью. В этих условиях трудовая миграция является значимым ресурсом для поддержания экономического роста, особенно в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг.

Однако рост числа иностранных работников требует совершенствования механизмов регулирования занятости мигрантов, контроля соблюдения требований трудового законодательства и обеспечения социальной адаптации приезжающих.

Влияние оказывают и geopolитические процессы, включая напряженность на международной арене, изменение миграционных потоков из стран ближнего зарубежья, а также возможные риски, связанные с транзитной миграцией. Повышается вероятность использования миграционных каналов для перемещения радикально настроенных лиц, незаконной деятельности транснациональных преступных группировок, торговли людьми.

Современная миграционная политика РФ характеризуется активным внедрением цифровых технологий: автоматизацией процедур регистрации, оформлением патентов и разрешений на работу, использованием межведомственных информационных систем [4].

С одной стороны, это повышает прозрачность процессов, снижает коррупционные риски и ускоряет принятие решений. С другой стороны, цифровизация требует новых форм контроля, защиты персональных данных мигрантов, а также совершенствования электронного документооборота.

Рост миграционных потоков требует комплексных мер по обеспечению адаптации иностранных граждан: изучение русского языка, профилактика межэтнических конфликтов, обеспечение доступа к медицинской помощи и образованию. Отсутствие надлежащей интеграции может приводить к росту социального напряжения и правонарушений, что делает необходимым постоянный мониторинг ситуации со стороны органов власти и прокурорского надзора.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов всеми органами, наделенными полномочиями в области миграции: МВД России и его территориальными подразделениями, органами исполнительной власти субъектов РФ, учреждениями социальной сферы, работодателями и др.

Ключевые направления надзора включают: контроль соблюдения правил миграционного учета; проверку за-

конности оформления разрешительных документов; выявление нарушений в деятельности работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу; предупреждение коррупционных проявлений; обеспечение прав мигрантов при их взаимодействии с органами власти.

Прокурорские проверки нередко выявляют факты фиктивной постановки на учет, необоснованного отказа в предоставлении разрешений, незаконного взимания платежей, нарушения сроков рассмотрения заявлений.

Нарушения нередко возникают в случаях: задержки или невыплаты заработной платы; эксплуатации труда мигрантов; нарушения санитарных норм проживания; незаконных проверок и действий сотрудников правоохранительных органов; ограничений доступа к медицинской помощи. Прокурорские меры позволяют восстанавливать нарушенные права как индивидуально, так и в рамках защиты неопределенного круга лиц [6].

Незаконная миграция остается одной из наиболее сложных проблем, которая включает фиктивную регистрацию; фиктивные браки; нелегальное привлечение работников; подделку документов; пребывание на территории РФ по истечении установленных сроков.

Прокуратура тесно взаимодействует с МВД, ФСБ, ГУВМ, следственными органами, выявляя схемы незаконного пребывания и привлечение к административной или уголовной ответственности виновных лиц. Особое значение имеют координационные совещания по борьбе с преступностью, на которыхрабатываются меры по пресечению миграционных правонарушений [2].

Центры временного содержания иностранных граждан являются объектами повышенной социальной значимости. Нарушения в их работе связаны с условиями содержания, соблюдением медицинских норм, сроками рассмотрения дел об административном выдворении. Прокурорский надзор позволяет обеспечить законность при помещении иностранцев в такие центры, защиту их прав и предотвращение чрезмерного ограничения личной свободы.

Несмотря на сформированную систему правового регулирования, можно выделить ряд проблем прокурорского надзора: недостаточная координация между ведомствами; недостаток должной интеграции информационных систем; сложности в контроле за соблюдением трудовых прав мигрантов; сохраняющиеся коррупционные риски; дефицит механизмов социальной адаптации и языковой подготовки иностранных граждан.

В данных условиях прокурорский надзор требует дальнейшего совершенствования. Перспективные направления включают:

- расширение цифровых инструментов надзора — обмен данными с ведомственными информационными системами, анализ больших массивов данных для выявления рисков;

- укрепление межведомственного взаимодействия — создание единых платформ для обмена сведениями между МВД, Минтрудом, Минздравом и прокуратурой;

- повышение квалификации сотрудников прокуратуры в части миграционного законодательства, международных стандартов защиты прав человека и правоприменительной практики;
 - аналитическая деятельность — подготовка обзоров нарушений, внесение предложений по изменению законодательства, участие в совершенствовании нормативной базы;
 - профилактическая работа — взаимодействие с общественными организациями, национальными диаспорами, работодателями, информационная работа с мигрантами [3].
- Таким образом, современные вызовы миграционной политики Российской Федерации требуют комплексного,

системного и научно обоснованного подхода к регулированию миграционных процессов. Усложнение международной ситуации, цифровизация экономики, демографические тенденции и необходимость защиты прав мигрантов создают новые задачи для государственных органов. Прокуратура РФ занимает ключевое место в обеспечении законности в миграционной сфере, выступая гарантом соблюдения законодательства как со стороны государства, так и со стороны работодателей и самих мигрантов. Эффективный прокурорский надзор позволяет выявлять и пресекать нарушения, обеспечивать баланс между интересами национальной безопасности и защитой прав человека, а также способствует формированию устойчивой и гуманной миграционной политики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) // СЗ РФ. — 2014. -№ 31. -Ст. 4398
2. Приказ Генпрокуратуры России от 12.04.2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» (ред. от 03.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Богданов, А. В. Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами / А. В. Богданов // Вопросы миграционной безопасности и правоприменения. — 2021. — № 4. — С. 143–148.
4. Воробьева, О. Д. Миграционная политика России: учебник для вузов / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 182 с.
5. Попова, С. М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 4. — С. 24–44.
6. Трофина, И. А. Противодействие незаконной миграции средствами прокурорского надзора / И. А. Трофина // Законность. — 2022. — № 2. — С. 25–26.

Основные проблемы правоприменения на муниципальном уровне в сфере образования, организационно-правовые причины их возникновения, пути решения

Мухамедсафина Инна Рифовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается проблема правоприменения в сфере образования на муниципальном уровне на примере кадровой обеспеченности. Выдвинуты предложения, направленные на развитие кадрового потенциала, поддержку и развитие педагогических работников и управленцев, занятых в сфере образования.

Ключевые слова: сфера образования, муниципальные образования, кадры.

The main problems of law enforcement in the field of education at the municipal level, the organizational and legal reasons for their occurrence, solutions

Mukhamedsafina Inna Rifovna, master's student
Chelyabinsk State University

The article examines the problem of law enforcement in the field of education at the municipal level using the example of staffing. Proposals have been put forward aimed at developing human resources, supporting and developing teaching staff and managers involved in the field of education.

Keywords: education, municipalities, personnel.

Проблематика правоприменения в сфере образования на муниципальном уровне тесно связана с целым комплексом финансово-экономических, организационно-правовых и кадровых факторов, которые в совокупности формируют системные барьеры на пути эффективной реализации образовательной политики на местах.

Одной из проблем, препятствующей полноценному исполнению полномочий органов местного самоуправления в этой области, является кадровый аспект, напрямую влияющий на уровень правоприменения в муниципальной системе образования. На сегодняшний день муниципальные образования сталкиваются с устойчивым дефицитом квалифицированных педагогических и управленческих кадров, что обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. Основной из них выступает низкий уровень заработной платы и недостаток материальных и нематериальных стимулов для работников образования. При наличии формальных требований к квалификации педагогов и руководителей образовательных учреждений, в реальной практике отсутствуют гарантированные и законодательно закреплённые механизмы, обеспечивающие конкурентоспособную оплату труда, карьерный рост и профессиональное развитие. Это приводит к снижению мотивации, оттоку квалифицированных специалистов и формированию негативного имиджа профессии педагога. На этом фоне даже имеющиеся кадры часто испытывают профессиональное выгорание, недостаток возможностей для реализации и повышения своей квалификации, а образовательные учреждения лишаются человеческого ресурса, необходимого для реализации образовательных стандартов и программ развития [1, с. 16].

Ситуация усугубляется низкой эффективностью системной подготовки кадров в рамках высшего профессионального образования. Современные педагогические вузы либо не ориентированы на реальные запросы муниципального образования, либо не обеспечивают приток специалистов в образовательные организации муниципального образования. В результате на входе в систему уже формируется «кадровая воронка»: количество и качество выпускников недостаточны, а условия, предлагаемые на местах, не мотивируют их к трудуоустройству. Такая система неспособна обеспечить устойчивое воспроизводство кадров, что ведёт к их старению, снижению инновационного потенциала и способности адаптироваться к меняющимся требованиям образовательной среды. Кроме того, правовое регулирование в области привлечения и переаттестации специалистов из иных сфер деятельности остаётся недостаточно гибким и адаптивным, ограничивая возможности интеграции в систему новых профессионалов, способных привнести актуальные знания и навыки из реального сектора экономики.

Особое внимание должно быть уделено кадровому обеспечению муниципальной образовательной поли-

тике. Развитие профессионального потенциала сотрудников органов управления образованием, совершенствование системы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров, внедрение современных методов стратегического планирования и проектного управления должны стать приоритетными задачами. Это позволит преодолеть существующие проблемы, связанные с фрагментарностью управленческих решений, недостатком системного подхода и слабой координацией действий внутри муниципального уровня [2, с. 28–31].

Важной составляющей проекта нормативно-организационных мер по оптимизации полномочий муниципальных органов в сфере образования являются организационные преобразования, направленные на повышение эффективности управления и развитие кадрового потенциала. Без системных изменений в этих направлениях невозможно обеспечить устойчивую реализацию даже самых прогрессивных законодательных и финансовых инициатив.

Реализация полномочий в сфере образования непрямую зависит от уровня подготовки кадров — как педагогических, так и управленческих. Прежде всего, необходимо обеспечить непрерывное профессиональное развитие работников системы образования, включая освоение ими цифровых инструментов, методов работы в гибкой образовательной среде и компетенций, необходимых для реализации современных образовательных программ. Развитие системы повышения квалификации, поддержка наставничества, создание профессиональных сообществ — важные механизмы в этом направлении.

Постоянные изменения в законодательстве и нормативных предписаниях создают дополнительную нагрузку на управленцев, особенно на руководителей образовательных организаций, от которых требуется быстрая адаптация к новым требованиям и правильная интерпретация правовых норм. Это особенно проблематично в условиях слабой методической и информационной поддержки со стороны вышестоящих органов. Указанная ситуация обостряется тем, что сама отрасль муниципального права, согласно современным научным исследованиям, находится на стадии становления и характеризуется недостаточной теоретической проработанностью. Отсутствие научно обоснованных концептуальных подходов к организации и регламентации деятельности местного самоуправления создает трудности для законотворцев и подзаконных нормотворцев, поскольку не формируется устойчивый понятийный и прикладной инструментарий для разработки эффективных, непротиворечивых и взаимосвязанных правовых актов. Это, в конечном итоге, затрудняет реализацию полномочий МСУ и приводит к снижению уровня правовой определенности в деятельности органов управления образованием.

Организационные и управленические барьеры также существенно влияют на качество правоприменения. Частая сменяемость руководителей образовательных учреждений препятствует формированию устойчивой организационной культуры, консолидации трудовых коллективов и выстраиванию долгосрочных стратегий развития. Отсутствие стабильности на уровне управления образовательными учреждениями означает, что не реализуются инициативы, требующие длительного периода времени, такие как проекты капитального ремонта или внедрение новых образовательных программ. Кроме того, сменяемость кадров в управлении часто сопровождается отсутствием преемственности и институциональной памяти, что ведет к фрагментарности в принятии решений и отсутствию целостного подхода к развитию образовательной среды.

Внутри образовательных организаций наблюдаются трудности в выстраивании взаимодействия между руководством, педагогическим коллективом и органами общественного участия. Социально-психологические проблемы и недостаток навыков совместной работы на результат, отмечаемые в научной литературе, свидетельствуют о наличии дефицита в профессиональной культуре управленического взаимодействия. Невысокая компетентность в вопросах системного подхода и стратегического управления также приводит к неэффективности управленических решений. Руководители образовательных учреждений и представители МСУ, как правило, не обладают необходимым уровнем подготовки в области современного образовательного менеджмента, что выражается в недостаточном понимании закономерностей комплексного планирования, формировании системы оценки эффективности и разработке механизмов мотивации персонала. Это, в свою очередь, усугубляет кадровые проблемы, поскольку неформализованная и неэффективная кадровая политика не позволяет своевременно выявлять, развивать и удерживать перспективных специалистов [3, с. 67].

Для реализации стратегических целей муниципалитетам необходимо укрепление кадрового потенциала органов местного самоуправления. На сегодняшний день

остро стоит вопрос профessionализации управленического корпуса на местах. Стратегическая задача — формирование устойчивой системы подготовки и повышения квалификации управленцев, включающей обучение современным методам стратегического планирования, бюджетного менеджмента, правового регулирования, а также технологиям участия населения в принятии решений. Эффективное образование на местах возможно только при наличии подготовленных специалистов, способных не просто администрировать текущие процессы, а видеть перспективу, принимать решения в условиях неопределенности и нестабильности.

Одной из острых проблем является дефицит квалифицированных специалистов, особенно в сегменте муниципального управления. Для ее решения необходимо проводить политику повышения престижа муниципальной службы, улучшения условий труда, предоставления льгот для молодых специалистов и формирования карьерных треков внутри системы. Особое внимание следует уделить подготовке специалистов, владеющих знанием законодательства в сферах бюджета, налогов и образования, способных эффективно выполнять административные функции на местах.

Для устойчивого профессионального развития важно формировать систему непрерывного обновления знаний, включая развитие компетенций в области цифровой экономики и проектного управления. Создание условий для регулярного профессионального обновления кадров, включая дистанционные форматы обучения, должно стать приоритетом как региональных, так и муниципальных стратегий.

Эффективность предложенных мер будет определяться не только качеством самих решений, но и зрелостью системы управления их реализацией, прозрачностью процедур, готовностью органов власти к диалогу и принятию обратной связи, а также способностью оперативно адаптироваться к возникающим вызовам. Их реализация при нормативной и финансовой поддержке со стороны региональных и федеральных органов власти позволит создать более устойчивую, гибкую и эффективную модель управления образованием на местном уровне.

Литература:

1. Провенко Н. С. Проблемы нормативно-правового обеспечения деятельности общеобразовательных организаций // Научные высказывания. 2022. — № 13 (21). — С. 16
2. Качайло А. Д. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления по организации содержания и развития учреждений образования // Актуальные исследования. — 2024. — № 21. — С. 28–31.
3. Уткина, Н. Н. Проблемы в управлении общеобразовательным учреждением // Молодой учёный. — 2022. — № 13 (408). — С. 67.

О личности преступника, совершившего изнасилование

Никитина Кристина Александровна, студент

Научный руководитель: Штефан Алена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье представлен комплексный криминологический анализ личности преступника, совершившего изнасилование. На основе учебной, учебно-методической литературы и судебной практики выявлены типологические особенности, мотивационная структура и социальнодемографические характеристики. Определены ключевые факторы девиантного поведения и предложены направления профилактической работы.

Ключевые слова: изнасилование, криминологическая характеристика, личность преступника, мотивация, профилактика преступлений.

Изнасилование (ст. 131 УК РФ) — одно из наиболее тяжких преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности [1]. Актуальность исследования обусловлена:

- высокой общественной опасностью деяния;
- латентностью преступлений данной категории;
- необходимостью совершенствования профилактических мер.

Цель исследования — выявить устойчивые криминологические характеристики лиц, совершающих изнасилование, и определить корреляции между личностными особенностями и характером преступного поведения.

Благодаря анализу Антоняна, Ю. М. о личности преступника, совершившего изнасилование, можно выделить следующие типовые черты [2]:

Пол: подавляющее большинство преступников — мужчины (98,7 %).

Возраст: пик криминальной активности — 18–29 лет (62,3 % случаев). Наглядный пример из судебной практики: Дело № 3-89/2022 (Ростовский областной суд). Преступление совершено группой лиц (2 человека, 19 и 21 год) в отношении несовершеннолетней. Мотив — агрессивно нацистский. Приговор: 9 и 10 лет лишения свободы.

Образование: среднее или среднее специальное (74,1 %, из них 50,8 % со средним образованием, а остальные 23,3 % со средним специальным). Пример из судебной практики: Дело № 1-64/2024 (Свердловский областной суд). Преступник (25 лет), вдовец, образование среднее специальное, совершил изнасилование в машине. Мотив — удовлетворение половой потребности. Приговор: 10 лет лишения свободы.

Трудовая занятость: неработающие или занятые низкоквалифицированным трудом (58,9 %, из них 28,4 % неработающие, а остальные 30,5 % заняты низкоквалифицированным трудом).

Семейное положение: не состоят в браке (67,4 %, из них 37,8 % холосты, а остальные 29,6 % вдовцы).

Судимость: ранее судимы (31,2 %, из них за насилиственные преступления — 18,5 %). Пример из судебной практики: Дело № 1-45/2023 (Московский городской суд). Преступник (24 года), безработный, холост, в состоянии алкогольного опьянения совершил изнасилование в подъезде жилого дома. Мотив — сексуальный. Ранее судим за грабёж. Приговор: 8 лет лишения свободы. [7].

Если рассматривать работу в области преступлений против личности Подвойкиной И. А., то типовой портрет преступника включает:

Нарушения эмоциональноволевой сферы: импульсивность, агрессивность, сниженный самоконтроль.

Деформации ценностнонормативной системы: пренебрежение правами других, эгоцентризм.

Сексуальные девиации: в 24,6 % случаев диагностированы расстройства сексуального предпочтения.

Алкогольная/наркотическая зависимость: 43,8 % совершили преступление в состоянии опьянения [4].

В своей учебно-методической литературе Пикин И. В. выделяет 4 основных типа мотивации:

1. Сексуальная (52,1 %) — доминирование физиологического влечения.
2. Власть (28,3 %) — стремление к доминированию, унижению.
3. Месть/зависть (12,4 %) — личностные конфликты.
4. Корыстная (7,2 %) — сопряжённость с грабежом, вымогательством [3].

На совершение данного преступления влияют факторы девиантного поведения у преступника — это поведение, отклоняющееся от социальных норм и ценностей. Оно может проявляться в различных формах: преступные действия, злоупотребление наркотиками и алкоголем, агрессивное или саморазрушительное поведение.

Ключевые факторы:

- 1) микросоциальные: неблагополучная семья, насилие в детстве, асоциальная среда;
- 2) психологические: психические расстройства, алкоголизм, нарциссизм;
- 3) социальноэкономические: безработица, низкий уровень жизни;
- 4) культурнонравственные: пропаганда насилия в СМИ, эротизация культуры [5].

Для дальнейшего снижения данных преступлений были предложены профилактические меры:

Предлагается комплекс мер:

1. Первичная профилактика: просветительская работа в школах и вузах; пропаганда здорового образа жизни; контроль контента в СМИ.

2. Вторичная профилактика: раннее выявление лиц с девиантным поведением; психологическая помощь семьям группы риска.

3. Третичная профилактика: реабилитация осуждённых; постпенитенциарный контроль [6].

Таким образом криминологический анализ показывает, что преступник, совершивший изнасилование, — это, как правило, мужчина молодого возраста с деформированной

системой ценностей, часто имеющий криминальный опыт и/или зависимости. Ключевыми направлениями противодействия являются:

1. Усиление профилактической работы.
2. Совершенствование психологической диагностики.
3. Координация усилий правоохранительных органов, психологов и социальных служб.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.11.2024).
2. Антонян, Ю. М. Криминология: учебник для СПО / Ю. М. Антонян. — 3-е изд., пер. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 388 с.
3. Пикин, И. В. Криминология: учебно-методическая литература. — Владимир: ФГОУ ВПО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2024. — 81 с.
4. Подвойкина, И. А. Преступления против личности: учебник для вузов / И. А. Подвойкина [и др.]; под редакцией И. А. Подвойкиной, Е. В. Серегиной. — 6-е изд., пер. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 211 с.
5. Шестаков Д. А. Семейная криминология: учебник. — СПб.: Издательство Р. Асланова, 2020. — 384 с.
6. Шубина А. С. Профилактика серийных преступлений (убийств и изнасилований) // Научно-методический электронный журнал Концепт, 2015–155.
7. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчёт о состоянии преступности за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. — URL: (дата обращения: 25.11.2025).

Самовольное строение: проблемы квалификации и его правовая судьба

Олейников Дмитрий Андреевич, студент

Научный руководитель: Устинова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Настоящая статья посвящена комплексному анализу института самовольной постройки в российском праве. Исследуются актуальные проблемы квалификации данного объекта, вытекающие из легального определения, закрепленного в статье 222 Гражданского кодекса РФ. Особое внимание уделяется сложностям, связанным с сочетанием частноправовых и публично-правовых критериев, а также внедрением оценочной категории «добросовестности» застройщика. В работе детально рассматривается правовая судьба самовольного строения как дихотомия двух исключающих, но взаимосвязанных исходов: сноса и легализации. Снос анализируется как крайняя мера гражданско-правовой ответственности, применяемая при наличии существенных и неустранимых нарушений. В свою очередь, легализация рассматривается как исключительный механизм введения объекта в гражданский оборот при соблюдении ряда строгих условий, где ключевую роль играет оценка судом поведения застройщика.

Ключевые слова: самовольная постройка, легализация, снос, проблемы квалификации, добросовестность застройщика, объект незавершенного строительства.

Институт самовольной постройки на протяжении десятилетий остается одной из наиболее острых и дискуссионных проблем в российской цивилистике и правооприменительной практике. Масштабы самовольного строительства, особенно в крупных агломерациях, представляют собой серьезный вызов как для публичного правопорядка, так и для стабильности гражданского оборота. По данным, приводимым в научной литературе, только в одном крупном городе за год может выявляться свыше 600 объектов, имеющих признаки самовольных [1, с. 271]. Данное явление представляет собой сложный

узел пересечения частных интересов застройщика, вложившего значительные средства, и публичных интересов, связанных с обеспечением безопасности, соблюдением градостроительных и экологических норм. Постоянное реформирование статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2] и принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» (далее — Постановление № 44) [3] свидетельствуют о неослабевающей актуальности темы и попытках

законодателя и высшей судебной инстанции найти баланс в решении правовой судьбы таких объектов.

Центральная проблема института заключается в его двойственной природе. С одной стороны, самовольное строительство — это правонарушение, посягающее на установленный порядок землепользования и строительства.

С другой стороны, результатом этого действия является создание материального блага, обладающего экономической ценностью, что порождает у застройщика законный интерес в его легитимации [4, с. 521]. Правовая судьба объекта, таким образом, сводится к двум альтернативам: принудительному уничтожению (сносу) или легализации (признанию права собственности). Выбор между ними зависит от целого ряда факторов, ключевыми из которых являются проблемы квалификации самого объекта как самовольного.

Квалификация объекта в качестве самовольной постройки основывается на легальном определении, данном в п. 1 ст. 222 ГК РФ. Традиционно выделяются четыре формальных (объективных) признака:

1. возведение на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке;
2. возведение на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта;
3. возведение без получения необходимых в силу закона согласований, разрешений;
4. возведение с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Однако именно в применении этих, казалось бы, четких критериев и кроются основные сложности.

Первая проблема квалификации, отмечаемая в доктрине, — это эклектическое сочетание в норме ГК РФ частноправовых (первый признак) и публично-правовых (второй, третий и четвертый признаки) нарушений [5, с. 83]. Это смешение создает трудности в определении природы иска и надлежащего способа защиты.

Вторая проблема — неочевидность самих признаков при их судебной оценке. Например, третий признак (отсутствие разрешений) долгое время толковался формально. Однако Постановление № 44 в п. 25 закрепило выработанный практикой подход: само по себе отсутствие разрешения на строительство не является безусловным основанием для сноса. Суд обязан исследовать причины его отсутствия. Если застройщик предпринимал надлежащие меры к получению разрешения (например, подавал документы, но получил немотивированный или незаконный отказ), его поведение может быть признано добросовестным, что открывает путь к легализации [6, с. 39]. Таким образом, формальный признак «отсутствия разрешения» нейтрализуется субъективной оценкой поведения застройщика.

Аналогичная ситуация складывается с четвертым признаком — нарушением норм и правил. Несмотря на то, что из действующей редакции ст. 222 ГК РФ исчез

термин «существенное» нарушение, и Постановление № 44, и научная доктрина сходятся во мнении, что снос как крайняя мера [7, с. 109] допустим, только если нарушения являются существенными и неустранимыми. Это означает, что нарушения должны либо создавать реальную угрозу жизни и здоровью граждан, либо быть таковыми, что их устранение невозможно без полной перестройки или сноса объекта. Введение оценочной категории «существенность» вновь переводит вопрос из формально-юридической плоскости в плоскость судебного усмотрения.

Третья, и наиболее сложная, проблема квалификации — введение в п. 1 ст. 222 ГК РФ субъективного критерия. Абзац второй п. 1 прямо указывает, что постройка не является самовольной, если возведена с нарушением ограничений использования земельного участка, о которых застройщик «не знал и не мог знать». Как справедливо отмечается И. В. Карповым, такое законодательное решение вводит субъективный критерий (добросовестность) непосредственно в само понятие (квалификацию) объекта, а не только в условия определения его правовой судьбы. Это создает «дуализм», способный «породить кризис неоднозначности», когда объективно существующее публичное нарушение (например, постройка в охранной зоне) может не приводить к квалификации объекта как самовольного из-за субъективной добросовестности застройщика.

В связи с этими сложностями в доктрине ведется спор о правовой природе самовольной постройки. Очевидно, что до легализации она не является полноценным объектом недвижимости, поскольку не может участвовать в гражданском обороте (п. 2 ст. 222 ГК РФ). Предлагаются различные концепции: от «потенциальной, становящейся недвижимости» (например, И. В. Карпов) до признания ее «особым объектом гражданских прав» категории «имущество», временно изъятым из оборота (например, А. А. Кузнецов).

Правовая судьба объекта, квалифицированного как самовольная постройка, решается через дилемму «снос или легализация».

Снос является общей нормой и санкцией за совершенное правонарушение. Он назначается судом (а в строго ограниченных случаях, предусмотренных п. 4 ст. 222 ГК РФ, — органом местного самоуправления), когда легализация невозможна. Безусловными основаниями для сноса являются неустранимая угроза жизни и здоровью граждан или нарушение прав и законных интересов третьих лиц (например, собственника смежного участка), которые не могут быть устранены. Также снос неизбежен, если нарушения являются существенными и неустранимыми. Обязанность по сносу и несению расходов возлагается на лицо, осуществившее строительство. Если это лицо установить невозможно, обязанность переходит к правообладателю земельного участка. При этом в процессуальной науке отмечается важность определения «надлежащего ответчика» — им должен быть именно тот субъект, по

чьей воле и в чьих интересах велось строительство (заказчик), а не технический исполнитель (подрядчик).

Легализация (признание права собственности), в свою очередь, является исключением из общего правила, которое, однако, в судебной практике получило широкое распространение [8, с. 413]. Пункт 3 ст. 222 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень условий для легализации. Помимо отсутствия угрозы жизни, здоровью и правам третьих лиц, ключевыми являются два условия:

1. наличие у застройщика прав на земельный участок, допускающих строительство на нем данного объекта (собственность, аренда для целей строительства и т. п.);

2. соответствие постройки установленным требованиям (градостроительным, строительным, противопожарным нормам).

Ключевым неписанным, но определяющим условием легализации, которое красной нитью проходит через Постановление № 44, является добросовестность застройщика. Суд должен установить, что лицо не действовало очевидно недобросовестно, то есть не знало и не могло знать о препятствиях к строительству. Если же застройщик, например, игнорировал предписания о приостановке работ или строил на заведомо чужом участке, в легализации ему, скорее всего, будет отказано.

Современная доктрина, опираясь на структуру ст. 222 ГК РФ, выделяет два механизма легализации. Первый —

«конститутивная легализация» (п. 3 ст. 222), когда суд своим решением создает право собственности. Это применимо, когда единственным пороком постройки было отсутствие разрешений, но сам объект полностью соответствует всем нормам. Второй — «исполнительная легализация» (п. 3.2 ст. 222), когда суд обязывает застройщика в установленный срок привести постройку в соответствие с требованиями (т. е. устраниТЬ устранимые нарушения). Если застройщик исполняет это решение, право собственности признается; если уклоняется — постройка подлежит сносу.

Подводя итог, можно отметить, что институт самовольной постройки демонстрирует эволюцию правового регулирования от формального подхода (наличие нарушения влечет снос) к подходу материальному, или содержательному (решение зависит от существенности нарушения и добросовестности застройщика). Новейшие разъяснения Пленума ВС РФ окончательно закрепили этот тренд, возложив на суды сложную задачу по установлению баланса частных и публичных интересов в каждом конкретном деле. Проблемы квалификации и определения правовой судьбы самовольного строения остаются в центре юридических дискуссий, требуя от правоприменителя глубокого анализа фактических обстоятельств дела через призму категорий добросовестности и недопущения злоупотребления правом.

Литература:

1. Гаспарян, Р. А. Самовольная постройка в российском гражданском праве: понятие и признаки / Р. А. Гаспарян // Мировая наука. — 2025. — № 6(99). — С. 270–274.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Справочно-правовая система Консультант.Плюс. URL: <https://clck.ru/3QDKYU> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Шиколенко, Г. А. Самовольное строительство: проблемы правового регулирования и пути их решения / Г. А. Шиколенко // Вестник науки. — 2024. — Т. 3, № 11(80). — С. 511–524.
5. Карпов, И. В. Проблемы квалификации самовольных построек в современном российском праве / И. В. Карпов // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 5(272). — С. 82–99.
6. Нечаев, А. И. Особенности рассмотрения дел о сносе самовольных построек в свете Постановления Пленума Верховного суда РФ от 12 декабря 2023 Г. № 44 / А. И. Нечаев, Н. А. Чудиновская, В. В. Ярков // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 3. — С. 36–44.
7. Кузнецов, А. А. Правовое регулирование последствий осуществления самовольного строительства объектов недвижимого имущества: специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кузнецов Александр Александрович. — Москва, 2024. — 189 с.
8. Кондратюк, Д. Л. Самовольная постройка: проблемы определения юридической судьбы / Д. Л. Кондратюк // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 412–417.

Формы и виды реорганизации юридических лиц

Панова Екатерина Тимофеевна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В условиях современной рыночной экономики практически не осталось хозяйствующих субъектов, которые сохраняют свой первоначальный облик. Законы рынка вынуждают предприятия постоянно трансформироваться и приспосабливаться к изменяющимся экономическим реалиям. Одним из основных инструментов, обеспечивающих устойчивость и конкурентоспособность предпринимательских структур, выступает реорганизация — процесс, направленный на оптимизацию деятельности организаций с учётом конъюнктуры рынка.

Классификация форм реорганизации юридических лиц обладает существенным теоретическим и практическим значением, поскольку позволяет комплексно осмыслить специфику данного правового явления. Она обеспечивает целостное восприятие механизмов реорганизации, что необходимо как для научного анализа, так и для корректного применения законодательства. Кроме того, разработка классификационных подходов способствует совершенствованию нормативного регулирования и повышает уровень правовой культуры участников гражданского оборота [6, с. 237].

Прежде всего, заслуживает поддержки традиционный подход, закреплённый в действующем законодательстве и отражённый в юридической литературе, согласно которому реорганизация подразделяется на виды в зависимости от направления перехода прав и обязанностей реорганизуемого субъекта. Исходя из того, к какому юридическому лицу переходят имущественные права и обязательства, различают следующие формы:

- слияние — объединение двух и более юридических лиц в одну организацию;
- присоединение — переход одного или нескольких юридических лиц к другому;
- разделение — прекращение деятельности юридического лица с распределением его прав и обязанностей между вновь создаваемыми организациями;
- выделение — образование одного или нескольких юридических лиц без прекращения деятельности первоначального субъекта;
- преобразование — изменение организационно-правовой формы юридического лица без прекращения деятельности (ст. 57 ГК РФ) [7, с. 128].

Другим критерием классификации выступает характер субъекта, инициирующего реорганизацию. В зависимости от того, кому принимается решение, выделяются:

- добровольная реорганизация;
- реорганизация, осуществляемая на основании специального федерального закона;
- принудительная реорганизация [3, с. 144].

Добровольная реорганизация проводится по инициативе учредителей (участников) юридического лица либо уполномоченного органа управления (п. 1 ст. 57 ГК РФ). Так, для акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью, кооперативов решение об этом принимается общим собранием акционеров или участников хозяйственного общества либо, в отношении полных товариществ и товариществ на вере — их участниками [5, с. 40].

Отдельные формы добровольной реорганизации — в частности, слияние, присоединение и преобразование — требуют предварительного согласия компетентных государственных органов при наступлении установленных законом условий (п. 3 ст. 57 ГК РФ). Наиболее распространённые случаи регламентированы Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1], а также законодательством о банках и банковской деятельности. В частности, Закон о защите конкуренции рассматривает слияния и присоединения как формы экономической концентрации и требует получения предварительного согласия антимонопольного органа в случаях, указанных в статье 27 данного закона.

За последнее время всё более заметным становится нормативное закрепление реорганизации юридических лиц как допускаемой исключительно в силу федерального закона, регулирующего особенности правового режима таких субъектов.

Несмотря на то, что в действующей редакции ГК РФ термин «принудительная реорганизация» прямо не используется, анализ ст. 57 позволяет выделить три варианта её инициирования (в форме выделения или разделения):

- по решению суда;
- по решению уполномоченного государственного органа;
- по решению арбитражного управляющего, действующего по иску публичного органа.

Практика демонстрирует, что суд может назначить принудительную реорганизацию, например, при нарушении антимонопольных требований, а также в отношении кредитных организаций или жилищных накопительных кооперативов. Например, превышение допустимого количества членов ЖНК является основанием для судебного решения о его реорганизации (в форме разделения либо выделения) по инициативе регистрирующего органа или Банка России [2].

Нормативные источники также позволяют заключить, что в принудительном порядке применялись не только выделение и разделение, но и иные формы: преобразование, а также слияние и присоединение (например, ст. 23.5 Закона «О банках и банковской деятельности»).

Однако при всём этом действующая правовая база не формирует чёткого и целостного механизма принудительной реорганизации. К числу проблемных аспектов можно отнести следующие:

- отсутствует разделение компетенции суда и уполномоченного государственного органа, который принимает решение о реорганизации;
- не определён перечень субъектов, имеющих право инициировать реорганизацию, то есть какой орган считать в данном случае уполномоченным;
- отсутствует единый момент начала процедуры — в одних нормах принудительная реорганизация начинается с момента принятия решения судом, в других — с момента принятия решения уполномоченным государственным органом;
- не предусмотрены единые критерии принятия положительного или отрицательного решения;
- формы принудительной реорганизации применяются несистемно, при этом даже не определено, какой орган или какое лицо вправе обращаться в суд с требованием о принятии решения о принудительной реорганизации;
- в ряде случаев порядок детально урегулирован, в других —совсем отсутствует.

Фактически регулирование всех этих вопросов сведено к отдельным специальным законам, а общая конструкция ГК РФ не компенсирует недостатки их разрозненности. Единственным объединяющим элементом выступает то, что принудительная реорганизация всегда

является мерой реагирования на правонарушение, выраженное в нарушении публично-правовых требований, то есть применяется в качестве санкции за нарушение обязательных норм законодательства.

С учётом выявленных недостатков целесообразно внести в гражданское законодательство следующие изменения:

1. Закрепить легальное определение понятия «принудительная реорганизация».
2. Установить общие принципы и основания проведения принудительной реорганизации, указав, что она используется как мера ответственности за правонарушение.
3. Предусмотреть возможность применения всех форм принудительной реорганизации (разделение, выделение, слияние, присоединение) в зависимости от целей государственного воздействия. Так, если для реализации целей и задач антимонопольного регулирования достаточно принудительного разделения и выделения, то для реализации целей и задач в области кредитно-денежной политики, скорее, нужны «консолидирующие» способы реорганизации — слияние и присоединение [4, с. 125].

В этой связи предлагается дополнить п. 2 ст. 57 ГК РФ указанием на то, что принудительная реорганизация — это исключительная мера государственного воздействия, применяемая в случаях невозможности использования иных механизмов принуждения или их неэффективности, которая может осуществляться в формах разделения, выделения, слияния и присоединения.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/document>.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» // СПС Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/document>.
3. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) / А. В. Габов. Москва: Статут, 2014. 880 с.
4. Полушкин П. А. Формы, виды, основания, проблемы принудительной реорганизации хозяйствующих субъектов // Моя профессиональная карьера. 2025. № 74. С. 124–132.
5. Трошина Е. А. Проблемы реорганизации юридических лиц // Правовая позиция. 2024. № 7. С. 39–47.
6. Церенов А. М. Особенности правового регулирования преобразования как формы реорганизации юридического лица // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 8. С. 237–239.
7. Чукавин А. К. Выделение и разделение юридических лиц: общее в двух формах реорганизации // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 4. С. 127–131.

Финансовое правоотношение: теоретико-правовая характеристика и проблемы реализации

Петров Акшин Эльшанович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цель исследования заключается в комплексном анализе финансового правоотношения как ключевой правовой категории, обеспечивающей функционирование публичных финансов. В задачи работы входят уточнение сущности и структуры финансового правоотношения, изучение методологических подходов, выявление проблем реализации и определение

направлений совершенствования правового регулирования. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и структурно-функциональный методы. Научная новизна проявляется в разработке интегративного подхода к пониманию финансового правоотношения как многослойной цифрово-правовой конструкции, объединяющей публично-властные предписания, имущественное содержание и цифровые механизмы исполнения. Основные выводы подтверждают необходимость модернизации нормативной базы и усиления процессуальных гарантий реализации публичных финансов. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов для совершенствования механизмов финансового контроля и цифровых бюджетных процедур.

Ключевые слова: финансовое право, финансовое правоотношение, публичные финансы, бюджетная система, налоговые отношения, финансовый контроль, цифровизация, финансовая деятельность.

Financial legal relationship: theoretical and legal characteristics and problems of realization

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of financial legal relations as a fundamental element ensuring the functioning of public finance. The objectives include clarifying their essence and structure, examining methodological approaches, identifying implementation problems and proposing directions for improving legal regulation. The methodological framework is based on formal-legal, comparative, systemic and functional methods. Scientific novelty lies in developing an integrative conceptual approach to financial legal relations as a multilayer digital-legal construct combining public authority, proprietary nature and technological mechanisms. The findings substantiate the need for modernization of legal norms and strengthening procedural guarantees. Practical relevance lies in the application of these findings to enhance financial control and digital budget procedures.

Keywords: financial law, financial legal relations, public finance, budget system, tax relations, financial control, digitalisation.

Введение

Финансовое правоотношение является ключевым элементом системы финансового права, обеспечивающим юридическое закрепление и реализацию властно-имущественных связей, возникающих в процессе функционирования публичных финансов. Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что финансовая система государства переживает этап интенсивной цифровой трансформации, что приводит к появлению новых объектов регулирования, новых форм финансовой деятельности и новых правовых механизмов её обеспечения. Эти изменения требуют переосмысления традиционных научных подходов к пониманию финансовых правоотношений.

Современная доктрина подчеркивает публично-властную природу финансовых процедур. Так, Г. Ф. Ручкина указывает, что финансовое правоотношение «несёт на себе отпечаток властных полномочий государства в сфере финансовой деятельности» [1, с. 27], что подтверждает необходимость анализа данной категории через призму публичной власти. Е. М. Ашмарина подчёркивает влияние цифровых изменений на финансовые процессы, отмечая, что они «трансформируют механизм реализации финансовых обязательств» [3, с. 41], что требует обновления теоретической модели финансового правоотношения. А. И. Землин справедливо отмечает, что публичные финансы сегодня функционируют в условиях технологической среды, меняющей юридические конструкции и принципы правового регулирования [7, с. 61].

Исходя из указанных предпосылок, цель исследования состоит в теоретико-правовой характеристики финансо-

вого правоотношения и выявлении проблем его реализации в современных условиях.

Основная часть

Финансовое правоотношение представляет собой форму юридического выражения публичной финансовой компетенции государства, что проявляется в его властно-имущественной сущности. Важно подчеркнуть, что данная характеристика не сводится только к императивному методу регулирования. На мой взгляд, финансовое правоотношение следует рассматривать как юридическую конструкцию, которая обеспечивает не только распределение полномочий, но и закрепление механизма движения финансовых ресурсов. Такой вывод подтверждается доктринальной позицией Г. Ф. Ручкиной, утверждающей, что финансовое правоотношение представляет собой «структурированную правовую связь, направленную на управление публичными финансовыми потоками» [1, с. 39], что усиливает аргументацию о его системном характере.

Структура финансового правоотношения включает объект, субъектов, содержание и юридические факты. Однако традиционное понимание объекта как денежных средств и фондов становится недостаточным в условиях цифровизации. На мой взгляд, сегодня объектами финансовых правоотношений выступают не только финансовые ресурсы, но и цифровые данные, электронные бюджетные обязательства, автоматизированные казначейские документы. Это подтверждается выводом Е. М. Ашмариной, указывающей, что объектом финансовых отношений становится «цифровые данные, фиксирующие юридически значимые финансовые обязательства» [3, с. 56]. Таким об-

разом, объект финансового правоотношения расширяется, включая материальные и нематериальные элементы.

Содержание финансового правоотношения также претерпевает трансформацию. В классическом виде оно отражает права и обязанности субъектов. Однако цифровизация формирует алгоритмические механизмы исполнения, когда часть содержания воплощается в программных кодах и автоматизированных регламентах. Аналитическое подтверждение этого дано А. И. Землиным, который указывает, что цифровая форма «меняет саму юридическую модель финансовых процессов» [7, с. 61], тем самым демонстрируя переход к новой модели содержания финансового правоотношения.

Субъектный состав финансового правоотношения также расширяется. Наряду с государством, муниципальными образованиями и организациями, появляются новые участники — операторы электронных бюджетных платформ, цифровые посредники, автоматизированные казначейские системы. О необходимости признания таких субъектов указывает А. И. Землин, который отмечает, что включение новых технологических посредников «существенно влияет на юридическую структуру финансовых взаимодействий» [6, с. 52], что подтверждаетирующую роль цифровых элементов в правовом регулировании.

Методологические подходы к исследованию финансовых правоотношений в связи с этим требуют модификации. Системно-интегративный подход позволяет учитывать экономическую сущность финансовых ресурсов и цифровые изменения финансовых процедур. Такой подход согласуется с позицией Е. В. Тереховой, указывающей, что цифровизация «требует пересмотра механизмов правового обеспечения финансовых процессов» [4, с. 73]. Следовательно, исследование финансового правоотношения должно учитывать комплекс правовых, экономических и технологических факторов.

Ключевые проблемы реализации финансовых правоотношений связаны, прежде всего, с нормативной фрагментарностью. Цифровые финансовые механизмы развиваются быстрее, чем законодательство, что приводит к недостаточной определённости статуса участников

и объекта правоотношения. Н. Ф. Попова подчёркивает, что правовое регулирование «существенно отстает от темпов экономико-технологических изменений» [8, с. 115], что подтверждает необходимость реформирования нормативной базы. Дополнительной проблемой является отсутствие унифицированных цифровых процедур, регулирующих бюджетные и налоговые процессы, что ограничивает эффективность контроля и исполнения финансовых обязательств.

Таким образом, финансовое правоотношение следует рассматривать как многоуровневую цифрово-правовую конструкцию, сочетающую традиционные юридические элементы и новые технологические механизмы. Анализ показывает, что его дальнейшее развитие требует нормативной цифровой унификации, усиления процессуальных гарантий и модернизации механизмов ответственности.

Заключение

Проведённое исследование позволило уточнить сущность и структуру финансового правоотношения, определить особенности его реализации и выявить основные проблемы современного правоприменения. Установлено, что финансовое правоотношение представляет собой динамичную юридическую конструкцию, отражающую взаимодействие публичной власти, финансовых ресурсов и цифровых технологий. Обосновано, что цифровизация финансовой деятельности приводит к расширению объекта, трансформации содержания и усложнению субъектного состава финансовых правоотношений. Выявленные проблемы — нормативная фрагментарность, несовершенство цифровых процедур, недостаточная процессуальная определённость — требуют модернизации финансового законодательства и внедрения единой цифровой инфраструктуры публичных финансов. Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования сформулированных выводов при разработке нормативных актов, направленных на повышение прозрачности, устойчивости и эффективности финансовой системы государства.

Литература:

1. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Г. Ф. Ручкиной. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 334 с.
2. Финансовое право: учебник для СПО / под ред. Г. Ф. Ручкиной. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 334 с.
3. Финансовое право. Практический базовый курс: учебное пособие / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 162 с.
4. Финансовое право. Практический базовый курс: учебное пособие для СПО / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 162 с.
5. Финансовое право: учебник для СПО / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 5-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 361 с.
6. Землин А. И., Землина О. М., Ольховская Н. П. Финансовое право: учебник для СПО. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 328 с.
7. Землин А. И. и др. Финансовое право: учебник для вузов. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 335 с.
8. Попова Н. Ф. Правовое регулирование экономической деятельности. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 292 с.

Финансово-правовая ответственность: основания, формы и проблемы правоприменения

Петров Акшин Эльшанович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цель статьи состоит в комплексном теоретико-правовом анализе финансово-правовой ответственности как ключевого механизма обеспечения дисциплины публичных финансов. Особое внимание уделяется исследованию оснований применения финансово-правовой ответственности, её форм, особенностей реализации и существующих проблем правоприменительной практики. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и структурно-функциональный методы. Научная новизна заключается в развитии авторской концепции финансово-правовой ответственности как многоуровневого публично-правового института, взаимодействующего с бюджетными, налоговыми и контрольными механизмами. Выводы исследования позволили выявить нормативные пробелы, цифровые вызовы, а также институциональные ограничения, препятствующие эффективной реализации финансово-правовой ответственности. Практическая значимость результатов проявляется в возможности использования выводов при совершенствовании финансового законодательства, повышении качества финансового контроля и развитии цифрового регулирования публичных финансов.

Ключевые слова: финансово-правовая ответственность, финансовые нарушения, публичные финансы, бюджетная дисциплина, финансовый контроль, правоприменение, основания ответственности, цифровизация.

Financial and legal liability: grounds, forms and problems of law enforcement

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of financial legal liability as a key mechanism ensuring discipline in public finance. Special attention is paid to the grounds for imposing financial legal liability, its forms, implementation specifics and existing problems in law enforcement. The methodological framework includes formal-legal, comparative, systemic and functional methods. The scientific novelty lies in developing an author's concept of financial legal liability as a multi-level public-law institution closely interacting with budgetary, tax and control mechanisms. The conclusions reveal regulatory gaps, digital challenges and institutional barriers that hinder effective implementation of financial legal liability. Practical relevance lies in the potential use of research findings in improving financial legislation, enhancing financial control and developing digital regulation of public finances.

Keywords: financial legal liability, financial violations, public finance, budget discipline, financial control, law enforcement, liability grounds, digitalisation.

Введение

Финансово-правовая ответственность занимает центральное место в системе обеспечения законности и дисциплины в сфере публичных финансов. Она выполняет функцию защиты финансовой системы государства от нарушений, связанных с использованием бюджетных средств, исполнением налоговых обязательств, ведением финансовой отчётности и соблюдением требований финансового контроля. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные финансовые процессы характеризуются высокой степенью цифровизации, ростом объёмов финансовых операций, усложнением финансовых технологий и расширением круга субъектов, участвующих в финансовой деятельности. Это приводит к необходимости пересмотра существующих подходов к определению сущности, оснований и форм финансово-правовой ответственности.

Современная доктрина подчёркивает публичный характер ответственности в сфере финансов. Так, Г. Ф. Ручкина указывает, что финансово-правовая ответственность представляет собой «особую разновидность публично-

правового воздействия, направленного на обеспечение законности в сфере финансовой деятельности государства» [1, с. 112]. Е. М. Ашмарина отмечает, что финансовые нарушения «подрывают устойчивость финансовой системы и требуют применения специализированных мер ответственности» [3, с. 89], что подчёркивает значимость института для финансовой безопасности государства. Н. Ф. Попова обращает внимание на то, что ответственность в сфере финансов должна учитывать «динамику экономических и технологических процессов» [8, с. 174], что усиливает необходимость научного переосмысливания её структуры.

Целью статьи является комплексная теоретико-правовая характеристика финансово-правовой ответственности, выявление проблем её реализации и определение направлений совершенствования механизма ответственности в условиях цифровых изменений.

Основная часть

Финансово-правовая ответственность представляет собой установленную нормами финансового права обя-

занность субъекта понести неблагоприятные последствия за совершение правонарушения в сфере публичных финансов. Она тесно связана с обеспечением бюджетной, налоговой и финансовой дисциплины, что предопределяет её публичный характер и функциональную направленность. На мой взгляд, данная ответственность не является лишь санкцией: она выступает системным механизмом поддержания устойчивости финансовых процедур и корректного исполнения финансовых обязательств. Этот вывод подтверждается позицией Г. Ф. Ручкиной, которая отмечает, что финансово-правовая ответственность «выступает как инструмент обеспечения стабильности публичных финансов и предотвращения финансовых нарушений» [1, с. 118].

Основания наступления финансово-правовой ответственности включают юридические факты — нарушения, связанные с использованием бюджетных средств, несоблюдением налоговых обязательств, нарушением правил финансовой отчётности или требований финансового контроля. Существенным является то, что состав финансового правонарушения отличается повышенной формализованностью, что обусловлено спецификой финансовой деятельности. Е. М. Ашмарина указывает, что в финансовой сфере «нарушения фиксируются преимущественно по формальным критериям, что обеспечивает объективность применения ответственности» [3, с. 94]. Это подтверждает необходимость поддержания высокой степени нормативной определённости.

Формы финансово-правовой ответственности включают бюджетную, налоговую, валютную и ответственность за нарушения финансовой дисциплины. В современных условиях усиливается значение бюджетной и налоговой ответственности, поскольку именно они связаны с основными направлениями публичной финансовой деятельности. А. И. Землин подчёркивает, что бюджетная ответственность «является ключевым механизмом поддержания дисциплины исполнения бюджета» [7, с. 214], что указывает на её системообразующую роль. На мой взгляд, это подтверждает необходимость модернизации процедур финансового контроля в целях повышения эффективности реализации ответственности.

Правоприменительная практика финансово-правовой ответственности сталкивается с рядом проблем. Первая состоит в нормативной фрагментарности, когда отдельные формы ответственности регулируются различными нормами, не всегда согласованными между собой. Н. Ф. Попова отмечает, что нормативная база финансовой ответственности «характеризуется разрозненностью, что снижает её практическую эффективность» [8, с. 181]. Это создаёт трудности при квалификации нарушений и определении правильной меры воздействия.

Литература:

1. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Г. Ф. Ручкиной. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 334 с.
2. Финансовое право: учебник для СПО / под ред. Г. Ф. Ручкиной. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 334 с.

Вторая проблема обусловлена цифровизацией финансовой деятельности. Рост объёмов электронных операций, внедрение цифровых бухгалтерских документов и автоматизация финансовых процессов требуют создания новых правовых механизмов фиксации нарушений. Однако действующие нормы не всегда учитывают специфику цифровой среды. Е. М. Ашмарина подчёркивает, что «цифровые процессы опережают создание правовых механизмов ответственности» [3, с. 102], что приводит к неопределённости правового статуса цифровых доказательств и алгоритмических ошибок.

Третья проблема заключается в недостаточной эффективности финансового контроля. Несмотря на внедрение автоматизированных систем, контрольные процедуры зачастую остаются формальными и не обеспечивают своевременного выявления нарушений. А. И. Землин отмечает, что для повышения эффективности ответственности необходима «интеграция контрольных механизмов и цифровых технологий» [6, с. 145], что свидетельствует о необходимости модернизации правового регулирования.

Таким образом, финансово-правовая ответственность представляет собой сложный институт публичного права, требующий комплексного подхода, объединяющего финансово-правовые, административные и цифровые аспекты. Её развитие должно учитывать изменения в финансовой системе, цифровизацию бюджетных процедур и потребность государства в устойчивом финансовом управлении.

Заключение

Проведённый анализ позволил охарактеризовать финансово-правовую ответственность как фундаментальный механизм обеспечения законности в сфере публичных финансов. Установлено, что её сущность определяется публично-правовым характером, строгой нормативной детерминацией и направленностью на защиту финансовой системы государства. Обосновано, что основания наступления ответственности связаны с нарушениями формализованных правил финансовой деятельности, а формы ответственности отражают многообразие финансовых процедур. Выявленные проблемы правоприменения — нормативная фрагментарность, цифровая неопределённость и недостаточная эффективность финансового контроля — требуют модернизации законодательства, внедрения единой цифровой инфраструктуры и совершенствования процедурного регулирования. Перспективы исследований связаны с разработкой теории цифровой финансово-правовой ответственности, анализом роли алгоритмических механизмов и созданием новых правовых моделей контроля в цифровой среде.

3. Финансовое право. Практический базовый курс / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 162 с.
4. Финансовое право. Практический базовый курс: учебное пособие для СПО / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 162 с.
5. Финансовое право: учебник для СПО / под ред. Е. М. Ашмариной, Е. В. Тереховой. — 5-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 361 с.
6. Землин А. И., Землина О. М., Ольховская Н. П. Финансовое право: учебник для СПО. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 328 с.
7. Землин А. И. и др. Финансовое право: учебник для вузов. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 335 с.
8. Попова Н. Ф. Правовое регулирование экономической деятельности. — 4-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 292 с.

Свобода завещания и ее ограничения: обязательная доля и недостойные наследники

Пинегина Татьяна Аркадьевна, директор
ООО «Бухта» (г. Кемерово)

Статья посвящена соотношению принципа свободы завещания и его ключевых ограничений в российском наследственном праве — права на обязательную долю и института недостойных наследников. На основе анализа положений части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2023–2025 годов раскрывается, как высшая судебная инстанция фактически выстраивает баланс между автономией воли наследодателя и защитой слабой стороны наследственных правоотношений. Формулируются предложения по уточнению правового регулирования.

Ключевые слова: свобода завещания, обязательная доля, недостойные наследники, наследственное право, судебная практика, Верховный Суд РФ

Свобода завещания закреплена в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть третья) (далее — ГК РФ) как один из базовых принципов наследственного права и проявление частной автономии наследодателя. В статье 1119 ГК РФ законодательно допускается максимально широкое усмотрение гражданина при определении круга наследников, их долей и содержания иных распоряжений на случай смерти. Вместе с тем в самом тексте ГК РФ прямо закреплено, что указанная свобода не является абсолютной и ограничивается, в частности, правилами об обязательной доле в наследстве и нормами об отстранении недостойных наследников от наследования [1].

Социальноэкономическая трансформация, рост имущественного неравенства и усложнение семейных отношений обусловливают увеличение количества наследственных споров, в которых суды вынуждены разрешать конфликт между волей наследодателя и интересами лиц, объективно нуждающихся в особой защите. В этой связи особое значение приобретает позиция Верховного Суда Российской Федерации, формирующая стандарты применения статей 1119, 1149 и 1117 ГК РФ, а также доктринальная оценка пределов допустимого ограничения свободы завещания.

Е. В. Михайлова справедливо указывает, что обязательное нотариальное удостоверение завещаний и на-

личие института обязательной доли придают распоряжениям на случай смерти публичноправовой элемент, поскольку через них реализуется охрана публичного интереса к защите социально уязвимых лиц и поддержанию законности и правопорядка в сфере наследования [4, с.27]. Это свидетельствует о необходимости переосмысливания свободы завещания как комплексной категории, сочетающей частноправовую диспозитивность и публично обусловленные ограничения.

Системное толкование статей 1118 и 1119 ГК РФ позволяет рассматривать свободу завещания как правомочие по одностороннему распоряжению принадлежащим наследодателю имуществом на случай смерти, включающее выбор наследников, определение долей, лишение наследства по закону и установление завещательных отказов и возложений. Однако уже в общей части наследственного раздела ГК РФ закреплено, что данное распоряжение подчиняется действию императивных норм, направленных на защиту определенных категорий наследников, а также на исключение участия в наследовании лиц, злоупотребивших своими правами или совершивших противоправные действия в отношении наследодателя.

Таким образом, пределы свободы завещания задаются сочетанием двух блоков ограничений. Первый носит социальноориентированный характер и реализуется через право на обязательную долю в наследстве, закрепленное

в статье 1149 ГК РФ. Второй имеет нравственноправовую природу и выражается в институте недостойных наследников, основанном на статье 1117 ГК РФ. Оба блока встраиваются в общую конструкцию наследственного правоотношения и должны применяться таким образом, чтобы не подменять собой частную волю наследодателя там, где это не диктуется императивными установками закона.

Обязательная доля как социальное ограничение свободы завещания

Статья 1149 ГК РФ предусматривает, что несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы, подлежащие призванию к наследованию по статьям 1148 и 1149 ГК РФ, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Право на обязательную долю удовлетворяется прежде всего из незавещанной части наследственного имущества, а при ее недостаточности — за счет уменьшения прав наследников по завещанию.

М. В. Игнахина, анализируя обязательную долю как пример императивного регулирования наследственных отношений, подчеркивает, что формально фиксированные критерии призвания к обязательной доле нередко приводят к игнорированию реального имущественного положения как обязательных наследников, так и наследников по завещанию, что усиливает конфликт между социальными и частноправовыми началами [5, с.24]. Предлагаемая ею идея расширения диспозитивных начал, включая возможность в специально оговоренных законом ситуациях исключать выдел обязательной доли или заменять его альтернативными механизмами материальной поддержки, демонстрирует доктринальный поиск более гибкой модели ограничения свободы завещания.

Э. Ю. Бабенко, напротив, акцентирует внимание на гарантийной функции обязательной доли и рассматривает ее как инструмент охраны прав наиболее нуждающихся наследников, для которых наследственное имущество нередко выступает ключевым источником средств к существованию [6, с.341]. Такое понимание усиливает публичноправовую составляющую рассматриваемого института и обосновывает сохранение жестких императивных рамок, внутри которых свобода завещания может быть реализована лишь постольку, поскольку она не подрывает минимальный уровень социальной защиты обязательных наследников.

Важное значение для понимания современного подхода Верховного Суда Российской Федерации к соотношению завещательной воли и императивных ограничений имеет Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2024 № 5-КГ24-82-К2. В этом деле Суд столкнулся с конкуренцией завещательных распоряжений и механизма наследственной трансмиссии. Наследодатель подназначил наследника на случай смерти основного наслед-

ника, предвосхищая риск неполучения им наследства. Нижестоящие суды фактически нивелировали это распоряжение, отдав приоритет общим положениям о трансмиссии и интересам наследников умершего наследника. Верховный Суд отменил судебные постановления, указав на обязательность учета подназначения и недопустимость подмены индивидуализированной воли завещателя абстрактными конструкциями общего наследственного режима [3].

Тем самым высшая судебная инстанция фактически подтвердила приоритет свободы завещания, ограничивая судебное усмотрение рамками лишь тех императивов, которые прямо вытекают из закона. Применительно к обязательной доле это означает, что снижение объема прав наследников по завещанию допустимо только в пользу строго определенного круга обязательных наследников и при соблюдении процедурных гарантий, но не в интересах иных лиц, апеллирующих к «справедливому» распределению наследства вопреки завещательной воле.

Институт недостойных наследников, закрепленный в статье 1117 ГК РФ, представляет собой особое ограничение свободы завещания, в рамках которого законодатель лишает наследственных прав лиц, совершивших умышленные противоправные действия против наследодателя, других наследников или последней воли наследодателя, а также злостно уклонявшихся от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя. При этом часть 4 статьи 1117 ГК РФ прямо распространяет соответствующие последствия и на наследников, имеющих право на обязательную долю, что свидетельствует о безусловном приоритете нравственноправового начала перед социально ориентированными гарантиями.

Р. Ф. Пашаева в своей работе, посвященной гражданскому и уголовноправовым аспектам недостойных наследников, обращает внимание на то, что действующее регулирование не охватывает ряд форм социально порицаемого поведения, выражавшегося в пассивности наследника, например в сознательном уклонении от заботы о тяжело больном наследодателе [7, с.392]. Предлагаемое расширение перечня оснований признания наследника недостойным за счет включения квалифицированного бездействия, по ее мнению, позволило бы более последовательно реализовать идею моральной ответственности наследника за предшествующее поведение.

Существенный вклад в формирование судебных стандартов применения статьи 1117 ГК РФ внесено Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2023 № 4-КГ23-53-К1. В этом деле истцы требовали признания ответчицы недостойным наследником, указывая, что она умышленно скрыла часть наследственного имущества от других наследников и нотариуса, в результате чего соответствующие денежные средства не были включены в наследственную массу. Суды нижестоящих инстанций заняли формальный подход, сосредоточившись на от-

дельных доказательствах и не исследовав в совокупности поведение ответчицы, ее осведомленность и последствия скрытия имущества для реализации наследственных прав других лиц. Верховный Суд, направляя дело на новое рассмотрение, подчеркнул недопустимость формализма при оценке доказательств по делам о признании наследника недостойным, связав его с задачами гражданского судопроизводства и конституционной гарантией права на судебную защиту [2].

Данная позиция Высшего Суда демонстрирует стремление обеспечить реальное содержание института недостойных наследников, не допуская ни произвольного расширения его действия, ни фактического нивелирования в результате узко процессуального подхода. Тем самым Верховный Суд выстраивает подход, согласно которому свобода завещания подлежит ограничению не только при наличии формальных условий, закрепленных в статье 1117 ГК РФ, но и при доказанности злоупотребления в поведении, объективно подрывающего доверие к наследственным отношениям.

Проблемы и возможные направления развития регулирования

Анализ норм ГК РФ и судебной практики высших судебных инстанций позволяет выявить несколько ключевых проблем. Впервые, императивный характер права на обязательную долю при отсутствии учета реального имущественного положения всех участников наследственного правоотношения может приводить к несоразмерному ущемлению прав наследников по завещанию, особенно в ситуациях, когда обязательный наследник фактически обеспечен и не нуждается в дополнительной поддержке. Вторых, критерии признания наследника недостойным, несмотря на свою формальную определенность, оставляют значительный простор для неоднородной оценки доказательств, что подтверждается необ-

ходимостью кассационного вмешательства Верховного Суда в деле № 4-КГ23-53-К1.

В этих условиях представляется оправданной доктринальная линия, ориентированная на уточнение императивных пределов свободы завещания за счет развития судебного усмотрения, основанного на оценке фактического положения обязательных наследников и действительного характера поведения потенциально недостойных наследников. При этом любые изменения законодательства должны сохранять ядро социальной функции обязательной доли и нравственноправовую направленность института недостойных наследников, не трансформируя их в инструменты перераспределения наследства по усмотрению суда вне связи с волей наследодателя.

Таким образом, свобода завещания в российском праве выступает не как абсолютная категория, а как сложный компромисс между частной автономией и публично значимыми ограничениями, направленными на защиту социально уязвимых и на исключение участия в наследовании лиц, злоупотребивших своим положением. Право на обязательную долю и институт недостойных наследников, будучи по своей природе различными, функционально работают в единой плоскости, задавая рамки реализации завещательной воли. Практика Верховного Суда Российской Федерации 2023–2025 годов показывает стремление обеспечить приоритет завещания там, где закон не предписывает иного, и одновременно строго реализовывать императивные ограничения в случаях, когда этого требует защита публичного интереса и прав других участников наследственных правоотношений. Такой подход представляется оправданным и может быть развернут через точечное совершенствование законодательства и углубление разъяснений Верховного Суда по вопросам применения статей 1117 и 1149 ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2023 г. № 4-КГ23-53-К1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2293460 (дата обращения: 01.12.2025).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2024 г. № 5-КГ24-82-К2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2393392 (дата обращения: 01.12.2025).
4. Михайлова, Е. В. Свобода завещания и публичный интерес: проблема соотношения / Е. В. Михайлова. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2024. — № 4. — С. 26–29.
5. Игнахина, М. В. Обязательная доля в наследстве как пример императивного правового регулирования в наследственном праве / М. В. Игнахина. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2024. — № 4. — С. 23–25.
6. Бабенко, Э. Ю. Право на обязательную долю в наследстве как гарантия охраны прав наиболее нуждающихся наследников / Э. Ю. Бабенко, М. С. Татаев. — Текст: непосредственный // Скиф. — 2023. — № 11 (87). — С. 340–344.
7. Пашаева, Р. Ф. Недостойные наследники: гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты / Р. Ф. Пашаева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 24 (523). — С. 391–393.

Процессуальный статус потерпевшего: проблемы реализации прав и обеспечения безопасности

Полушкина Арина Александровна, студент

Научный руководитель: Давыдова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует проблемы безопасности потерпевших в уголовном процессе России, рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования по теме.

Ключевые слова: потерпевший, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальные меры безопасности.

Рассматривая такого субъекта уголовного процесса, как потерпевший, необходимо отметить, что он является равноправным участником состязательного процесса со стороны обвинения. А его защита — это одна из основных обязанностей государства.

Исходными началами государственной защиты потерпевших являются положения статьи 52 Конституции Российской Федерации. Согласно данной статье: «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [1].

Итак, рассмотрим более подробно, какие меры безопасности предусматривает российское законодательство. Государственную защиту потерпевшим по уголовным делам предоставляет ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ:

1. Личная охрана, охрана жилища и имущества — ст. 7 гарантирует предоставление разнообразных мер по обеспечению безопасности. Например, привлечение сотрудников подразделений и служб по охране, оснащение жилища средствами охранной (тревожной) сигнализации и средствами пожарной безопасности; постоянное и периодическое наблюдение за окружением защищаемого. В зависимости от конкретных обстоятельств охрана может осуществляться круглосуточно либо в согласованные с защищаемым лицом периоды и в определенных местах. Применения этих мер может быть достаточно на период судебного разбирательства и в течение нескольких дней до его начала и по окончании, что, конечно, не относится к ситуациям, связанным с организованной преступностью (опыт ФРГ, США).

2. Выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности — ст. 8 вышеуказанного закона предусматривает целый комплекс средств индивидуальной защиты, которые могут быть предоставлены потерпевшим или свидетелям, а именно бронежилет, электрошоковое устройство, аэрозольный распылитель с раздражающим составом, средства связи и оповещения об опасности. Также статья предусматривает и ответственность за хранение и целевое использование данных средств защиты. Фактически потерпевшие или свидетели имеют право использовать данные сред-

ства только при возникновении реальной угрозы жизни и здоровью.

3. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице — ст. 9 вышеуказанного закона предполагает запреты разным структурам по предоставлению информации о личности. Фактически любые средства связи — телефонные службы, справочные бюро и иные организации не имеют права предоставлять сведения о людях, поставленных под защиту в рамках ведения уголовного дела. Такие условия обеспечивают полную конфиденциальность.

4. Переселение на другое место жительства — в случае возникновения реальной угрозы жизни и здоровью потерпевших ст. 10 предполагает смену места жительства.

5. Замена документов — следующим шагом в защите может стать замена документов, в частности, паспорта.

6. Изменение внешности — та же статья 10 дает право на применение пластической хирургии, которая позволяет ради защиты человека изменить его внешность. Однако, следует оговориться, что «Замена документов, удостоверяющих личность, иных документов защищаемого лица в связи с изменением его фамилии, имени, отчества и других сведений о нем, а также изменение внешности защищаемого лица в соответствии с частью 3 статьи 6 Федерального закона осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и в соответствии с частью 5 статьи 10 Федерального закона производятся только в случае, если безопасность защищаемого лица не может быть обеспечена путем применения в отношении его других мер безопасности». Фактически можно говорить, что данные меры являются крайними, когда не срабатывают другие меры безопасности.

7. Изменение места работы (службы) или учебы — ст. 11 гарантирует «Изменение места работы (службы) осуществляется в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, законодательством о государственной службе Российской Федерации с предоставлением равноценной должности либо иной должности по специальности с сохранением страхового (трудового) стажа, дающего право на пенсию».

8. Временное помещение в безопасное место — гарантирует ст. 12, которая определяет безопасным местом:

— специально подобранные жилые помещения (квартиры, дома индивидуальной застройки, дачи и т. п.);

— служебные помещения органов, реализующих рассматриваемую меру безопасности, в том числе расположенные на территории этих органов и приспособленные для временного проживания;

— детские воспитательные учреждения для несовершеннолетних детей защищаемого лица;

9. Применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое — ст.14. Данная мера применима к участникам уголовных преступлений, идущих на сотрудничество со следствием и дающим показания, затрагивающие других участников уголовного процесса.

О наличии серьезных проблем в данной области судопроизводства говорится в статье Ю. И. Плахотнюк. В частности, приводятся социологические данные разных лет, в которых оценивается система обеспечения безопасности потерпевших в уголовных делах: «... около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверены в том, что защиты от них не получат. Четвертая часть потерпевших, по тем или иным причинам отказалась от своих показаний в ходе судебного разбирательства, примерно столько же явилась в суд вообще. Не менее 95 % судей, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов сталкивались с изменением показаний потерпевших. Почти 90 % опрошенных потерпевших готовы изменять показания в случае появления угрозы жизни или здоровью, а равно жизни или здоровью их

близких. Около половины лиц, признанных потерпевших, воздержались от предъявления гражданского иска о возмещении причиненного вреда. Только 0,2 % опрошенных практических работников сочли достаточно эффективными меры безопасности, предусмотренные УПК РФ для участников судопроизводства» [2].

Интересны и выводы Л. В. Брусницына по вопросам современных проблем в области защиты прав потерпевших. Автор считает, что иерархия конституционных и отраслевых правовых норм требует установления в законодательстве, регулирующем борьбу с преступностью, трех слагаемых: 1) права индивидуума, содействующего правосудию, на обеспечение безопасности, 2) корреспондирующей этому праву обязанности правоохранительных органов обеспечить безопасность индивидуума, 3) системы защитных мер, гарантирующих безопасность последнего [3].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в российской судебной практике имеются существенные проблемы в законодательстве по обеспечению безопасности потерпевших по уголовным делам. Исследователи утверждают, что преступность приобретает организованные формы, потерпевшие нуждаются в государственной защите, так как при отсутствии гарантит безопасности они отказываются сотрудничать с правоохранительными силами. Привлечение мирового опыта, разработка более совершенных мер в российском законодательстве, увеличение финансирование программ по защите потерпевших могут оказать существенное влияние на повышение уровня раскрываемости уголовных дел.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изм. от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 27. — Ст. 4196.
2. Плахотнюк Ю. И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения [Текст] // Право: история, теория, практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 109–114.
3. Брусницын Л. В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. 2004. № 2. С.32–41.

Особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений при организации и планировании расследования взяточничества

Поляков Владимир Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются особенности первоначального этапа расследования взяточничества с учётом особенностей организации взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений. Расследование взяточничества, отличающегося скрытностью и высокой конспиративностью действий преступников, обуславливает необходимость активного задействования оперативно-розыскных средств уже на первоначальном этапе расследования

в процессуальных и непроцессуальных формах, обеспечивающих информационное, организационное и тактическое сопровождение расследования. Делается вывод о том, что основным направлением совместной деятельности следователя и оперативных подразделений при расследовании взяточничества выступает планирование и проведение тактической операции задержания взяткодобывателя или взяткодателя с поличным, а успех расследования в решающей степени определяется качеством совместного планирования и полнотой информационного обмена между участниками следственно-оперативной группы.

Ключевые слова: взяточничество, расследование, криминалистическая методика, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие.

Организация и планирование расследования преступления является одним из наиболее ответственных этапов деятельности следственных органов, определяющих эффективность последующего раскрытия и документирования преступной деятельности. От полноты и обоснованности плана расследования во многом зависит не только правильность выбора направлений следственной работы, но и возможность своевременного получения доказательственной информации, необходимой для установления события преступления и причастных к нему лиц. Важно заметить, что планирование расследования не может ограничиваться определением лишь комплекса и последовательности производства следственных и иных процессуальных действий. При планировании расследования также необходимо заранее определить направления и способы взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями, обеспечивающими получение ориентирующей информации.

В научной литературе обоснованно подтверждается и не оспаривается, что расследование коррупционных преступлений, а в частности взяточничества, обязательно требует оперативно-розыскного сопровождения [10, с. 146]. Коррупционные преступления по механизму своего совершения отличаются скрытностью, высокой конспиративностью действий преступников, целенаправленно противодействующих расследованию. Участники преступной деятельности заинтересованы в сокрытии как самого факта передачи незаконного вознаграждения, так и обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших его осуществлению. В результате существенно ограничивается возможность обнаружения как идеальных, так и материальных следов преступления, что объективно затрудняет формирование первоначальной следственной информации.

Первичные сведения о фактах взяточничества в большинстве случаев поступают от оперативных подразделений, обладающих возможностью получения необходимого ориентирующего и доказательственного материала преимущественно негласным путём. Практика противодействия коррупционным преступлениям подтверждает, что без активного участия оперативных подразделений полноценное расследование взяточничества практически невозможно. По данным судебной практики более 70 % обвинительных приговоров по делам о взяточничестве и связанным с ним преступлениям основаны на доказательствах, полученных в ходе оперативно-розыскной

деятельности [8, с. 145]. Соответственно, значимая часть исходной информации, необходимой в том числе для обоснованного планирования расследования, формируется именно в ходе оперативно-розыскной деятельности, что подтверждает необходимость тесного взаимодействия следственных органов с органами дознания и иными подразделениями при расследовании взяточничества.

Рассматривая первоначальный этап расследования преступлений с позиции системного подхода, необходимо отметить, что взаимодействие следователя с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений выступает неотъемлемым элементом организационной структуры расследования и его функциональным компонентом. В научной литературе такое взаимодействие определяется, в частности, как согласованная деятельность, осуществляемая в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством и иными нормативными правовыми актами, предполагающая совместное планирование и реализацию действий, направленных на решение задач уголовного судопроизводства [7, с. 9].

Нормативно-правовой основой координации следственных и оперативно-розыскных средств в расследовании преступления является ст. 38 УПК РФ, регламентирующая полномочия следователя и закрепляющая институциональные формы его взаимодействия с органом дознания. В соответствии с ч. 4–4.1 указанной статьи следователь наделён правом давать органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, а также о выполнении иных процессуальных действий. Кроме того, предусмотрена возможность оказания содействия следователю и направления поручений об обеспечении участия в следственном действии лиц, чьё присутствие признано необходимым. Таким образом, к регламентированным уголовно-процессуальным законодательством формам взаимодействия следователя и органов дознания относится дача поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, обеспечивающих реализацию задач расследования.

Перечисленные формы взаимодействия являются универсальными и применимыми при расследовании всех категорий преступлений, в том числе взяточничества и иных коррупционных преступлений. Однако деятельность следователя не ограничивается исключительно

теми формами взаимодействия, которые прямо закреплены уголовно-процессуальным законодательством. В практике расследования коррупционных преступлений широко используются так называемые непроцессуальные формы взаимодействия, представляющие собой не получившие прямого законодательного регулирования, но правомерные и организационно значимые способы координации работы следователя и оперативных подразделений [5, с. 45]. Наиболее распространёнными среди них являются, например, обмен информацией, включающий передачу следователю сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а также обратное информирование оперативных сотрудников о процессуальном ходе расследования; совместное планирование, предусматривающее разработку тактических операций, определение последовательности следственных действий и оперативных мероприятий, распределение обязанностей между участниками следственно-оперативной группы; консультирование, выражющееся в оказании оперативными сотрудниками помощи следователю в вопросах тактики, конспирации, анализа оперативной информации, методики выявления и фиксации следов коррупционных преступлений и т. п. [3, с. 19].

При расследовании взяточничества взаимодействие следователя с оперативно-розыскными подразделениями должно быть выстроено преимущественно по направлению совместного планирования, учитывая, что взяточничество, как правило, является преступлением многоэпизодным и тщательно скрываемым, а значит раскрытие коррупционного преступления возможно лишь при активном и согласованном сочетании процессуальных и оперативно-розыскных средств, требует заранее выстроененной, детализированной и согласованной системы планирования.

При планировании расследования взяточничества со-действие оперативных работников необходимо прежде всего при планировании тактической операции задержания взяткодателя или взяткополучателя с поличным. Указанная операция является одним из наиболее сложных и ответственных элементов расследования коррупционных преступлений, поскольку её успешность напрямую зависит от полноты исходной оперативной информации, точного определения момента реализации преступного намерения и строгой координации действий всех участников следственно-оперативной группы. В этой связи совместное планирование данной тактической операции, по нашему мнению, следует рассматривать как самостоятельную и приоритетную форму взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при расследовании взяточничества.

Успех последующих этапов расследования и, по существу, дальнейшая судьба уголовного дела при его рассмотрении судом во многом зависят от эффективности реализации указанной тактической операции, поскольку именно она обеспечивает получение прямых доказательств факта передачи незаконного вознаграждения.

В этой связи координация действий следователя и оперативных сотрудников строится таким образом, что следователь принимает участие в подготовительном этапе, согласовывая тактический замысел, механизм фиксации противоправных действий и перечень предстоящих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. После проведения задержания следователь незамедлительно приступает к выполнению процессуальных обязанностей, включая организацию и производство неотложных следственных действий на месте задержания [9, с. 43].

Под тактической операцией задержания подозреваемого с поличным в научной литературе понимается комплекс оперативно-розыскных мероприятий, следственных, организационных и технических действий, направленных на задержание участников преступления в момент осуществления ими противоправных действий [4, с. 214]. Организационные основы и тактико-криминалистическое обеспечение проведения данной операции получили достаточно всестороннее освещение в научной доктрине. При этом исследователями выработан общий подход к её структуре и содержанию. Рассмотрение тактической операции задержания с поличным в поэтапном аспекте позволяет выделить следующие элементы её подготовки и реализации: анализ и оценку имеющейся ориентирующей и доказательственной информации; определение состава и распределение функций следственно-оперативной группы; выбор тактики захвата; определение способов фиксации и последующего изъятия предмета взятки; выработку алгоритма процессуального оформления результатов операции [6, с. 85–87].

Несмотря на универсальный характер названной операции её планирование и практическая реализация должны быть уточнены исходя из особенностей следственной ситуации, складывающейся при расследовании уголовного дела о взяточничестве. Она может проводиться как до возбуждения уголовного дела (в этом случае задержание взяточника является основанием для возбуждения уголовного дела), так и после возбуждения дела, когда требуется фиксация передачи предмета взятки. Тем не менее проведение этой тактической операции допустимо только тогда, когда субъектам оперативно-розыскной деятельности стало доподлинно известно о подготовке либо о начале совершения преступления [2, с. 153]. Именно наличие такой информации служит правовым и фактическим основанием для использования оперативно-розыскного инструментария, позволяющего обеспечить своевременность и обоснованность проведения тактической операции, а также получение доказательственной информации.

Успех тактической операции задержания взяткополучателя или взяткодателя с поличным, как отмечалось ранее, напрямую зависит от её подготовки, а также от адекватного выбора и задействования оперативно-розыскных средств и уровня взаимодействия членов следственно-оперативной группы. В связи с этим на этапе

совместного планирования данной операции перед следователем и оперативными сотрудниками встаёт задача точного моделирования момента передачи незаконного вознаграждения и определения оптимального способа фиксации предмета взятки и документирования соответствующих обстоятельств. На этапе подготовки требуется и уточнение предполагаемого места передачи незаконного вознаграждения и оценка его пригодности для проведения последующих неотложных следственных действий, прежде всего осмотра места происшествия. Не менее значимо предварительное определение возможных маршрутов отхода взяточника или взяткодателя, а также потенциальных мест сокрытия предмета взятки. После реализации тактической операции и задержания подозреваемых следователь должен незамедлительно приступить к изъятию предмета взятки, осмотру места происшествия, допросу задержанного и очевидцев, личному обыску задержанного и его освидетельствованию [1, с. 236].

Необходимо заметить, что взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений при расследовании взяточничества осуществляется не только на первоначальном этапе расследования и не ограничивается лишь совместным планированием тактической операции задержания с поличным. На последующих этапах расследования такое взаимодействие приобретает не менее существенный характер, поскольку именно оперативные подразделения обладают возможностью продолжать сбор ориентирующей информации, необходимой, например, для установления дополнительных эпизодов преступной деятельности, выявления иных участников противоправной деятельности, а также подтверждения или опро-

вержения выдвинутых следственных версий. Потребность в оперативном сопровождении расследования на его последующих этапах может возникнуть в связи с необходимостью установления источников происхождения денежных средств, проверки сведений о возможных посредниках во взяточничестве, выявления каналов передачи незаконного вознаграждения, а также обнаружения предметов и документов, имеющих доказательственное значение.

Таким образом, при расследовании взяточничества оптимальное сочетание процессуальных и оперативно-розыскных средств, обеспеченное посредством правильно организованного взаимодействия следователя и оперативных сотрудников, формирует основу для получения доказательственной и ориентирующей информации, а успех расследования в решающей степени определяется качеством совместного планирования и полнотой информационного обмена между участниками следственно-оперативной группы. В этой связи можно заключить, что организационная основа первоначального этапа расследования взяточничества предполагает устойчивое и системное взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, реализуемое в процессуальных и непроцессуальных формах. Основной формой такого взаимодействия выступает подготовка и проведение тактической операции задержания взяткодателя или взяточника с поличным, обеспечивающей получение первоначальных доказательств и создающей необходимые предпосылки для последующего формирования доказательственной базы по делу.

Литература:

1. Анапольская, А. И. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о взяточничестве / А. И. Анапольская. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — № Т. 4, № 14. — С. 232–240.
2. Данько, В. А. Основные проблемы оперативно-розыскного противодействия взяточничеству в России (на примере материалов практики в Республике Коми) / В. А. Данько — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 1(85). — С. 151–157.
3. Логинова, Н. Г. Взаимодействие следователя с органом дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика: учеб. пособие / Н. Г. Логинова, А. Б. Судницын, Л. Л. Абрамова. — Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — 108 с. — Текст: непосредственный.
4. Пальцев, А. А. К вопросу о первоначальном этапе расследования взяточничества / А. А. Пальцев — Текст: непосредственный // Закон. Право. Государство. — 2020. — № 3(27). — С. 213–219
5. Решняк, О. А. Расследование коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами: учеб. пособие / О. А. Решняк, С. С. Домовец. — Волгоград: ВА МВД России, 2024. — 72 с. — Текст: непосредственный.
6. Савченко, Н. И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н. И. Савченко — Рязань, 2020. — 209 с. — Текст: непосредственный.
7. Санькова, Е. В. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации при расследовании преступлений коррупционной направленности: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. В. Санькова — Москва, 2023. — 24 с. — Текст: непосредственный.

8. Степаненко, Р. А. Принципы общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений / Р. А. Степаненко — Текст: непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 143–149.
9. Хлус, А. М. Алгоритмизация деятельности правоохранительных органов на этапе раскрытия и расследования получения взятки / А. М. Хлус — Текст: непосредственный // Право и общество. — 2021. — № 3(4). — С. 42–46.
10. Яшин, А. В. Проблемы выявления и расследования взяточничества / А. В. Яшин, Д. М. Курмаева — Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 2(30). — С. 144–151.

Тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества

Поляков Владимир Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу тактико-криминалистического обеспечения первоначального этапа расследования взяточничества и тактическим рекомендациям производства следственного осмотра, обыска, освидетельствования и допроса с учетом особенностей, характерных для рассматриваемой категории уголовных дел. Особенности механизма совершения коррупционных преступлений, отличающихся латентным характером и конспиративностью преступных действий, объективно усложняют процесс собирания, закрепления и использования доказательственной информации, что обуславливает предъявление повышенных требований как к организации планирования производства следственных действий, так и к тактическим приёмам их реализации. Первоначальные следственные действия должны проводиться с учётом складывающейся следственной ситуации, полученной ориентирующей информацией, выдвинутых следственных версий. Комплексная, ситуационно-обоснованная тактика производства следственного осмотра, обыска, допроса и иных следственных действий повышает вероятность выявления криминалистически значимой информации и способствует установлению круга причастных к преступлению лиц.

Ключевые слова: расследование взяточничества, тактика, первоначальные следственные действия, следственный осмотр, обыск, допрос, освидетельствование.

Расследование преступлений коррупционной направленности, в частности взяточничества, представляет собой одно из наиболее сложных направлений деятельности правоохранительных органов, требующее надлежащего методического и тактико-криминалистического обеспечения. Потребность в разработке и постоянной актуализации криминалистических рекомендаций по расследованию взяточничества связана не только с устойчивой динамикой коррупционной преступности, но и особенностями механизма совершения этих преступлений, отличающихся латентным характером и конспиративностью действий участников преступления. Перечисленные и иные особенности объективно усложняют процесс собирания, закрепления и использования доказательственной информации, а, значит, успех производства отдельных следственных действий и всего расследования в целом предопределяет выработка оптимальных тактических решений и тактико-криминалистических рекомендаций.

Как известно, круг и последовательность первоначальных следственных действий определяется следователем в зависимости от складывающейся следственной ситуации, выдвинутых следственных версий и стоящих

перед следователем задач. Однако, как и при расследовании большинства иных категорий уголовных дел, на первоначальном этапе расследования взяточничества производятся такие следственные действия как осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, обыск помещений и личный обыск, освидетельствование и допрос. При их производстве подлежит обязательному учёту не только комплекс общих тактических рекомендаций, применимых при расследовании преступлений различного вида, но и специфика тактических условий расследования взяточничества, обусловленных характером коррупционного преступления и особенностями механизма его совершения.

Так, если рассматривать особенности производства осмотра места происшествия по рассматриваемой категории дел, то наиболее типичной ситуацией его производства является момент, непосредственно следующий за задержанием взяточника или взяткодателя с поличным. Осмотр осуществляется в той обстановке, в которой произошло событие, связанное с передачей незаконного вознаграждения, что позволяет получить первичную объективную информацию о механизме преступного поведения. Среди практических работников встречается

мнение о низкой эффективности осмотра места задержания, рассматриваемого скорее в качестве формальной процедуры, нежели как источник доказательственной информации [5, с. 44]. Однако нам подобный подход представляется необоснованным. Осмотр места происшествия (места задержания) необходим не только с точки зрения соблюдения требований уголовно-процессуального закона, но прежде всего в тактическом отношении, поскольку позволяет установить значимые обстоятельства, которые в дальнейшем формируют основу доказательственной деятельности.

Прежде всего при осмотре места происшествия (места задержания) рекомендуется максимально полно и детально зафиксировать пространственную обстановку, в которой происходило взаимодействие между взяточником, взяточником или посредником. В протоколе осмотра месте происшествия должны быть точно отражены расположение мебели, предметов обстановки, средств связи, документов, а также тех объектов, которые могли служить поверхностью для размещения предмета взятки. Фиксация взаимного расположения лиц и предметной среды позволяет впоследствии нейтрализовать возможные утверждения стороны защиты о том, что предмет незаконного вознаграждения был подброшен или размещён без ведома задержанного [6, с. 147].

Тактическую значимость представляет также выявление и фиксация любых следов, свидетельствующих о контактах участников и их совместном пребывании в определённом месте. К таким следам могут относиться окурки в пепельнице, чашки или стаканы с остатками напитков, следы рук на предметах, упаковочные материалы, личные вещи, временно оставленные участниками взаимодействия [6, с. 147]. Наличие таких следов помогает восстановить последовательность действий, оценить достоверность показаний и установить конкретные контакты между участниками преступления.

Следователь должен уделять особое внимание обнаружению и закреплению предмета взятки, а также средств его маскировки или передачи. Важно зафиксировать точное местонахождение обнаруженных денежных средств, имущества или иных ценностей, их внешний вид, состояние упаковки, наличие возможных следов маркировки. При обнаружении денежных средств рекомендуется отдельно описать каждую пачку или купюру, обратить внимание на последовательность их размещения, наличие серийных номеров.

Отдельные из приведённых выше тактических рекомендаций могут быть использованы и при производстве обыска, учитывая совпадение отдельных задач и целей производства данных следственных действий. Однако считаем необходимым заметить, что производство осмотра места происшествия не может подменять собой производство обыска, так как основанием производства последнего является наличие информации о том, что у конкретного лица либо в определённом помещении могут находиться скрытые предметы, документы или цен-

ности, имеющие значение для расследования. Необходимость в производстве обыска при расследовании взяточничества возникает при расследовании многоэпизодных преступлений, а, как правило, при наличии сведений о ранее совершенных актах передачи либо получения взятки, предшествовавших задержанию коррупционера.

Производство обыска при расследовании взяточничества имеет собственные тактические задачи, обусловленные характером коррупционной деятельности и её скрытностью. Прежде всего, к числу таковых можно отнести отыскание предмета взятки либо его эквивалентов, документальных источников информации, черновых записей, электронных носителей информации, а также иных объектов, способных свидетельствовать о фактах передачи незаконного вознаграждения или о существовании устойчивых коррупционных связей. При производстве обыска рекомендуется уделять внимание выявлению:

1) документов, непосредственно фиксирующих противоправные действия должностного лица (например, незаконные распоряжения, неправомерно оформленные справки, разрешения, акты);

2) документов, косвенно подтверждающих получение взятки (черновые записи, бухгалтерские документы, материалы служебной переписки, электронная документация);

3) служебных документов, аналогичных тем, за совершение которых, по версии следствия, должностное лицо получило незаконное вознаграждение. Их сопоставление позволяет установить повторяемость схемы поведения, выявить процедуру принятия решений и определить степень влияния взятки на содержание конкретного акта [5, с. 43].

Одним из наиболее распространенных следственных действий можно признать осмотр предметов и документов, тактической задачей которого является своевременное выявление и закрепление материальных следов преступления, отобразившихся на отдельных объектах, а также в целом исследование тех предметов, которые непосредственно использовались в механизме преступного поведения либо сохранили на себе информацию о преступлении. При расследовании взяточничества в качестве объектов осмотра чаще всего выступают денежные средства, переданные в качестве взятки, банковские карты, ценные бумаги, иные материальные ценности, обнаруженные при осмотре места происшествия или в ходе последующих следственных действий (обыска, выемки), а также различные документы (распорядительные акты, служебная переписка, протоколы заседаний комиссий, бухгалтерские документы, электронная переписка) и иные данные, фиксируемые на цифровых носителях.

Тактика осмотра документов по делам о взяточничестве предполагает их последовательное изучение от установления общих признаков к анализу частных. На первом этапе следователь определяет тип документа, его целевое назначение, характер связи с расследуемым событием, соответствие установленной форме и предусмотренным реквизитам [4, с. 68–69]. На этом же этапе выявляются не-

соответствия между фактическим содержанием и формой документа, что может указывать на наличие служебных нарушений, связанных с принятием незаконного решения. На следующем этапе внимание уделяется частным признакам: полноте и достоверности реквизитов, наличию подписей, печатей, отметок, соответствуя дат и регистрационных номеров, а также возможным признакам интеллектуального подлога (внесению заведомо ложных сведений, отражающих фиктивные обстоятельства, служебные решения или объём выполненной работы). При необходимости документ сравнивается с аналогичными типовыми формами, ведомственными инструкциями или подлинными экземплярами [5, с. 45].

Разновидностью следственного осмотра также считается освидетельствование, направленное на обнаружение и фиксацию следов преступления на теле живого человека. Необходимость его производства по расследуемой категории уголовных дел возникает в тех случаях, когда задержание взяткополучателя или посредника осуществляется с поличным и требуется документально подтвердить факт непосредственного контакта лица с предметом взятки. Денежные средства или иные предметы, используемые в качестве предмета взятки в рамках оперативного эксперимента, предварительно обрабатываются специальным химическим составом, обладающим люминесцентными свойствами. Это обеспечивает возможность последующего визуального выявления следов контакта при освещении ультрафиолетовым осветителем [5, с. 44]. В ходе освидетельствования осматриваются ладони, пальцы, запястья и иные участки тела подозреваемого, на которых могли остаться следы свечения, а также элементы одежды, соприкасавшиеся с предметом взятки. Одновременно следователь производит смычки с кожных покровов, которые затем упаковываются и направляются на судебную химическую экспертизу. Цель такого исследования состоит в идентификации вещества, которым был обработан предмет взятки, и подтверждении, что следы на теле освидетельствуемого лица имеют то же химическое происхождение.

Одним из немногих следственных действий, направленных на выявление, закрепление и последующее исследование идеальных следов преступления, является допрос, без производства которого не обходится ни одно следственное действие. При расследовании уголовного дела, помимо общих рекомендаций производства допроса, следует учитывать и то, что структура допроса, его последовательность и продолжительность, перечень обстоятельств, подлежащих выяснению и круг применимых тактических приемов, определяются индивидуально по каждому уголовному делу с учетом установленного предмета доказывания, складывающейся следственной ситуации, процессуального статуса допрашиваемого и иных обстоятельств.

Особенности тактики производства допроса по делам о взяточничестве в первую очередь определяются тем, что следователь почти всегда действует в условиях вы-

раженной конфликтной ситуации [3, с. 277]. Каждый участник преступного события (взяткодатель, взяткополучатель или посредник) несёт уголовную ответственность за свои действия, и это объективно вызывает у них внутреннее сопротивление раскрытию реальных обстоятельств передачи взятки. Линия поведения таких лиц, как правило, строится на сокрытии, искажении или минимизации своей роли в произошедшем [1, с. 43].

Допрос взяткодателя чаще всего оказывается наиболее информативным, и по этой причине его допрос рекомендуется проводить в первую очередь [2, с. 168]. Однако и здесь следователь должен критически оценивать получаемые показания, учитывая возможное стремление переложить ответственность, исказить характер договорённостей, преуменьшить свою роль в совершении преступления. Наиболее сложным в тактическом отношении обычно оказывается допрос взяткополучателя. В отличие от взяткодателя, который чаще заинтересован в сотрудничестве, должностное лицо, подозреваемое в получении взятки, как правило, занимает оборонительную позицию, стремится минимизировать или отрицать своё участие, объяснять происходившее совершением законных действий. Тактический интерес представляет и допрос посредника во взяточничестве, поскольку его роль нередко маскируется под «неофициальную помощь», передачу документов, консультацию и т. п. Следователь должен установить характер его взаимоотношений с обеими сторонами, источник осведомлённости о служебных полномочиях должностного лица, мотивы участия в передаче взятки. Что касается допроса свидетелей, то к их числу могут относиться сотрудники учреждения, в котором работает должностное лицо; коллеги, имеющие отношение к совершению тех или иных действий; лица, присутствовавшие при встречах взяткодателя и взяткополучателя; водители, охранники, секретари; а также иные граждане, случайно наблюдавшие момент передачи взятки [4, с. 137].

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что эффективность расследования взяточничества определяется соблюдением процессуально-правовых требований и одновременным применением научно обоснованных тактико-криминалистических рекомендаций. Латентность преступлений коррупционной направленности, характерное для рассматриваемой группы преступлений использование скрытых способов передачи незаконного вознаграждения и преднамеренная маскировка следов преступления объективно ограничивают доступность доказательственной информации и предъявляют к порядку производства следственных действий повышенные требования как к организации их планирования, так и к тактическим приёмам их реализации.

Первоначальные следственные действия, производство которых необходимо при расследовании взяточничества, должны проводиться с учётом складывающейся следственной ситуации, полученной ориентирующей информации, выдвинутых следственных версий. Комплексная, ситуационно-обоснованная тактика производства след-

ственного осмотра, обыска, допроса и иных следственных действий повышает вероятность выявления криминалистически значимой информации и способствует установлению круга причастных к преступлению лиц.

Для первоначального этапа расследования взяточничества характерно формирование круга специфических тактических задач, определяющих необходимость применения ситуационного подхода к организации первоначальных следственных действий. Тактика их производства ориентирована на своевременное обнаружение, фиксацию и изъятие предмета взятки, следов его передачи и документов, отражающих обусловленные вознаграждением действия должностного лица, поэтому при их про-

ведении необходимо обеспечить оперативность, полноту фиксации обстановки и бережное обращение с изъятыми объектами для сохранения их доказательственного значения. Производство допроса по делам рассматриваемой категории осуществляется, как правило, в конфликтной ситуации оказания противодействия со стороны всех категорий допрашиваемых (взяточника, взяточника, посредника во взяточничестве), в связи с чем при выборе тактики его производства следователь ориентирован на применение тактических приемов психоэмоционального и логического воздействия, направленных на преодоление противодействия и изобличение ложных показаний.

Литература:

1. Белокобыльская, О. И. Специфика производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества / О. И. Белокобыльская — Текст: непосредственный // Таврический научный обозреватель. — 2015. — № 2–3. — С. 39–45.
2. Криминалистическая методика: учебник / под общей редакцией А. И. Баstryкина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 215 с.
3. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений / под общей редакцией В. Н. Карагодина. — Москва: Проспект, 2016. — 400 с.
4. Савченко, Н. И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки: специальность 12.00.12 «Криминастика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н. И. Савченко — Рязань, 2020. — 209 с. — Текст: непосредственный.
5. Хлус, А. М. Алгоритмизация деятельности правоохранительных органов на этапе раскрытия и расследования получения взятки / А. М. Хлус — Текст: непосредственный // Право и общество. — 2021. — № 3(4). — С. 42–46.
6. Яшин, А. В. Проблемы выявления и расследования взяточничества / А. В. Яшин, Д. М. Курмаева — Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 2(30). — С. 144–151.

Анализ роли и функций Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в обеспечении деятельности судебной власти

Предеина Анастасия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Князева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается роль и значение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в обеспечении деятельности судебной власти. Рассматриваются основные функции федеральной и региональной структур Судебного департамента, а также проводится их сравнительный анализ.

Ключевые слова: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, судебная власть, суды РФ, функции Судебного департамента.

Судебная власть Российской Федерации является масштабной и значимой в системе государственной власти РФ. Ежегодно на долю российских судов приходится большое количество поступающих заявлений, требующих рассмотрения и вынесения соответствующих решений. Так, например, по итогам 2024 года общее количество дел, рассмотренных судами РФ различных ин-

станций, составило свыше 42 млн., что на 7 % больше в сравнении с показателями 2023 года [2].

Уникальность судебной власти выражается в том, что, с одной стороны, она призвана реализовывать правосудие и обеспечивать защиту прав и свобод граждан, а, с другой стороны, обеспечивать, координировать и контролировать работу иных ветвей власти, так как существование

самой государственной власти построено на основе взаимоконтроля и взаимоограничения. При этом важно отметить необходимость обеспечения и организации работы самих судов в данной системе при осуществлении ими правосудия.

Основные направления обеспечения и организации деятельности судебной власти в Российской Федерации включают законодательное регулирование, организационное обеспечение, обеспечение судопроизводства и кадровое обеспечение. Эти направления направлены на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия, а также на повышение эффективности судебной системы в целом.

В данном аспекте ведущая роль отведена Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации (далее — Судебный департамент). Судебный департамент представляет собой федеральный государственный орган, осуществляющий организационное обеспечение деятельности действующих судов Российской Федерации, а также формирующий единое информационное пространство федеральных судов и мировых судей. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность Судебного департамента, выступает Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» от 08.01.1998 г. № 7-ФЗ [1].

Значимость Судебного департамента для российских судов выражается, в первую очередь, в том, что он выступает регулятивным звеном, призванным организовать и обеспечить как работу отдельных судебных органов, так и всей системы судов, связывая ее как единый «организм».

Рассматривая основные функции Судебного департамента, стоит отметить, что они подразделены на федеральные и региональные, что, в свою очередь, предполагает деление данного органа на федеральный Судебный департамент, а также управления Судебного департамента в субъектах Российской Федерации. Обозначим и проанализируем основные функции каждой структуры рассматриваемого органа.

Стоит отметить, что полный перечень функций Судебного департамента отражен в Федеральном законе от 08.01.1998 г. № 7-ФЗ, однако среди них можно выделить наиболее значимые:

- Судебный департамент реализует организационное обеспечение деятельности судов РФ. Данная функция выступает основной в работе Судебного департамента и предполагает различные мероприятия по улучшению деятельности судебной власти;

- Судебный департамент разрабатывает законопроекты и нормативные правовые акты, касающиеся сферы деятельности судебных органов и судейского корпуса;

- Судебный департамент занимается разработкой и представлением предложений о финансировании судов РФ. Данные предложения направляются непосредственно Правительству РФ после согласования с Советом судей РФ;

- Судебный департамент занимается изучением и анализом организации деятельности судов, на основе которых разрабатывает пути развития и совершенствования все системы судебной власти РФ. Кроме того, на основе указанных исследования разрабатываются предложения о создании либо об упразднении судов, которые направляются на рассмотрение в Верховный Суд РФ;

- Судебный департамент занимается вопросами кадрового обеспечения судов РФ, в том числе реализует отбор и подготовку судей на соответствующие должности;

- Судебный департамент занимается организацией делопроизводства и работы архивов судов. Также немаловажное значение имеет ведение судебной статистики, позволяющей контролировать количество поступающих дел в российские суды и их рассмотрение, а также их систематизация;

- К функциям Судебного департамента также относятся рассмотрение жалоб и заявлений граждан по определенным вопросам, попадающим под его компетенцию;

- Судебный департамент занимается материально-техническим обеспечением как входящих в него структур, так и всех судов РФ, которое реализуется посредством строительства зданий, ремонта и технического оснащения зданий и помещений для работы, а также снабжения их необходимыми материальными составляющими (техника, мебель, канцелярия и т. д.);

- Судебный департамент призван обеспечивать независимость, неприкосновенность и безопасность судей, а также безопасности членов их семей, в том числе реализуя взаимодействие с иными органами власти и т. д. [3]

Можно отметить, что функции Судебного департамента довольно обширны и разнообразны. Помимо того, что департамент занимается вопросами обеспечения деятельности судебной власти, он также уполномочен рассматривать поступающие жалобы и заявления граждан по определенным вопросам, заниматься сбором статистики и ее систематизацией, а, следовательно, реализует определенный контроль за судами РФ. Важное значение имеет и правотворческая деятельность департамента, направленная на улучшение сферы деятельности судебных органов и судейского корпуса

Функции управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации имеют определенные отличия, которые связаны, в первую очередь, с масштабом полномочий, распространяющихся лишь на конкретный субъект РФ. Так, например, к основным функциям управлений Судебного департамента можно отнести следующие:

- организационное обеспечение деятельности районных судов, гарнизонных военных судов, органов судейского сообщества;

- подбор кандидатов на должности судей в соответствии с требованиями Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»;

- организация и обеспечение работы экзаменационной комиссии по приёму квалификационного экзамена на должность судьи;

- изучение организации деятельности районных судов и принятие мер по её совершенствованию;
- ведение судебной статистики, организация делопроизводства и работы архивов судов на региональном уровне;
- финансирование районных судов, гарнизонных военных судов и органов судейского сообщества, контроль расходования бюджетных средств, проведение ревизий их финансово-хозяйственной деятельности;
- обеспечение районных судов и гарнизонных военных судов материально-техническими и транспортными средствами, организация строительства, ремонта и технического оснащения зданий и помещений судов;
- рассмотрение обращений (предложений, жалоб, заявлений) и запросов граждан и организаций в пределах своей компетенции и т. д. [4]

Анализируя вышеприведенный перечень функций, можно выделить ряд отличительных особенностей в деятельности федерального Судебного департамента и управления Судебного департамента в субъектах Российской Федерации:

1. **Масштаб:** Федеральный департамент охватывает всю страну, тогда как региональные подразделения работают локально в каждом субъекте РФ.

2. **Полномочия:** Федеральный департамент занимается разработкой законов и проектов нормативно-правовых актов, координацией всей системы, управлением ресурсами и поддержкой высшего уровня судейского состава. Региональные управления занимаются преимущественно повседневной работой на местном уровне, таким как финансовое обеспечение и инфраструктура.

3. **Компетенция:** Федеральный департамент работает на высшем государственном уровне, тогда как региональные подразделения выполняют практические функции в регионах.

Важно отметить также то, что управление Судебного департамента в субъекте РФ подчиняется Генеральному директору Судебного департамента и подотчетно Совету судей субъекта РФ. Однако при всех отличиях структура Судебного департамента представляет собой единую систему, которая имеет общие цели.

Иными словами, роль и значение Судебного департамента в обеспечении деятельности судебной власти достаточно велика и имеет направленность на достижение таких целей, как:

- повышение профессионализма судей и авторитета судов;
- обеспечение принципов справедливого правосудия в РФ, а также открытости и прозрачности;
- укрепление и повышение доверия населения к судебной системе в целом;
- создание условий для развития судебной системы, повышения качества и стабилизации ее работы.

Таким образом, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации играет ключевую роль в укреплении независимости, самостоятельности судебной власти, а также ее развитии и стабилизации. Также следует вывод о том, что для обеспечения эффективной работы российских судов необходимо организовать эффективную и качественную деятельность самого Судебного департамента.

Литература:

1. Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» от 08.01.1998 № 7-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17412/
2. Итоги работы судов и задачи в будущем году // Российское агентство правовой и судебной информации. правовой портал [Электронный ресурс] // URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250224/310655717.html
3. Мурадасилова З. С. Судебный департамент как «кровеносная система» судебной ветви власти [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/archive/422/93818>
4. Сюкияйнен Э. Л. Место Судебного департамента при Верховном Суде РФ в системе органов государственной власти [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudebnogo-departamenta-pri-verhovnom-sude-rf-v-sisteme-organov-gosudarstvennoy-vlasti>

Роль международных организаций в формировании нормативно-правовой базы противодействия коррупции

Продан Сергей Иванович, студент

Научный руководитель: Медведев Вадим Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Данная статья посвящена анализу роли международных организаций в разработке и внедрении нормативно-правовых актов, направленных на противодействие коррупции. Рассматриваются основные международные инициативы, такие как Конвенция ООН против коррупции, рекомендации и стандарты Группы государств против коррупции

(ГРЕКО), а также роль таких организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд. В статье исследуются механизмы сотрудничества на международном уровне, влияние международных стандартов на национальное законодательство и эффективность мер по борьбе с коррупцией. Особое внимание уделяется вопросам гармонизации правовых систем и обмену опытом между странами для повышения уровня прозрачности и ответственности в публичной сфере.

Ключевые слова: международные организации, противодействие коррупции, нормативно-правовая база, Конвенция ООН против коррупции, GRECO, международное сотрудничество, правовые стандарты, борьба с коррупцией, гармонизация законодательства, международные стандарты.

The role of international organizations in the formation of the regulatory framework for combating corruption

This article analyzes the role of international organizations in the development and implementation of regulatory legal acts aimed at combating corruption. The main international initiatives such as the UN Convention against Corruption, the recommendations and standards of the Group of States against Corruption (GRECO), as well as the role of organizations such as the World Bank and the International Monetary Fund are considered. The article examines the mechanisms of cooperation at the international level, the impact of international standards on national legislation and the effectiveness of anti-corruption measures. Special attention is paid to the issues of harmonization of legal systems and the exchange of experience between countries to increase transparency and responsibility in the public sphere.

Keywords: international organizations, anti-corruption, regulatory framework, UN Convention against Corruption, GRECO, international cooperation, legal standards, fight against corruption, harmonization of legislation, international standards.

В современном мире коррупция считается одной из самых серьезных и актуальных проблем нашего времени. Данная проблема оказывает разрушительное воздействие на экономику, снижая ее стабильность и привлекательность для инвесторов. Но, при этом, влияние коррупции не ограничивается только денежными махинациями, она также затрудняет справедливое распределение ресурсов, ведет к неравенству и подрывает доверие к государственным учреждениям и судам. В связи с чем борьба с данной сферой является важной задачей для руководителей государств, представителей международных организаций и в целом всего социума. В условиях глобальной интеграции и взаимодействия, когда коррупция стала международной проблемой, крайне важно объединить усилия и разрабатывать общий план действий в борьбе с коррупционными правонарушениями.

ООН активно ведет борьбу с коррупцией на международном уровне, устанавливая стандарты и помогая странам обмениваться опытом и координировать свои усилия. [5] В 2003 году была принята Конвенция ООН против коррупции, которая стала первым в мире договором, утверждающий общие правила и методы борьбы с коррупцией и ставшим основой для судебного преследования и международного сотрудничества. Конвенция ставит перед собой важные цели, которые требуют от государственных органов власти максимальной прозрачности, ответственности и предотвращения конфликтов интересов для снижения коррупционных рисков. В том числе, она предлагает создание национальных антикоррупционных программ и внедрение эффективных методов контроля и проверки. Страны, которые присоединились к Конвенции, работают над синхронизацией

законодательства, повышением гражданской ответственности и применением новых технологий для увеличения прозрачности в государственных делах. [12]

Всемирный банк тоже играет ключевую роль в борьбе с коррупцией, оказывая помощь странам через инвестиции, консультации и техническую поддержку посредством разработки стандартов для улучшения управления, повышения эффективности государственных закупок и активной борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Внедряя новые управленические системы и автоматизируя процессы, Всемирный банк помогает сделать информацию доступной как для людей, так и для бизнеса, что также укрепляет права и модернизирует систему отчетности, что, в свою очередь, снижает уровень коррупции и повышает доверие к государственным учреждениям. [9]

Не стоит забывать и о международных правоохранительных органах, таких как Интерпол, которые играют важнейшую роль в борьбе с транснациональной преступностью. Интерпол помогает странам обмениваться информацией, координирует расследования и проводит совместные операции, что позволяет раскрывать сложные коррупционные схемы, связанные с отмыванием денег и незаконными финансовыми потоками. Одним из крупных достижений Интерпола стало создание единой информационной платформы, которая позволяет быстро реагировать на преступления и обеспечивать правовую поддержку на международном уровне.

Эти меры принимаются не только на федеральном, но и на региональном уровне. Для этого организации, такие как Европейский союз, Организация американских государств, АСЕАН, БРИКС и другие, разрабатывают соб-

ственными нормативные акты, программы и механизмы с учетом особенностей региона и стран, входящих в их состав. [4] Например, Европейский союз уже реализует свои директивы и регламенты по борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и коррупционными преступлениями и назначает обязанности контроля и отчетности для финансовые институты и органы. В свою очередь, БРИКС содействует национальному и бессистемному уровню разработки решений посредством создания общих площадок для обмена данными, ресурсами и опытом между странами-участницами, что повышает агрегированную результативность от участия в борьбе экономически крупных стран. Данные инициативы позволяют учитывать региональные особенности законодательства, культурных реалий и экономических посылок, а также эффективнее реагировать на экономические преступления внутри отдельных стран и регионов.

Примерами таких организаций выступают также международная организация труда, которая принимает стандарты и рекомендации по борьбе с коррупцией в сфере труда и занятости, Управление ООН по наркотикам и преступности, UNODC, разрабатывающее нормативные документы и программы по борьбе с коррупцией, группа государств — участников Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая занимается разработкой и внедрением стандартов по борьбе с коррупцией в международных бизнес-практиках, [13] фонд борьбы с коррупцией (Transparency International), создавший рекомендации и стандарты по прозрачности и подотчетности, [15] международная ассоциация институциональных инвесторов (ПА), разрабатывающая стандарты этики и противодействия коррупции для корпоративных структур, [11] международная организация по стандартизации (ISO), которая утверждает стандарты, связанные с антикоррупционной деятельностью (например, ISO 37001 — системы управления антикоррупцией), международный валютный фонд (МВФ), формирующий требования к прозрачности и борьбе с коррупцией в своем нормативном регулировании, [13] международная комиссия по борьбе с преступностью (ICAC), которая содействует разработке международных нормативных актов и обмену опытом, [11] международная ассоциация прокуроров (IAP), разрабатывающая рекомендации по борьбе с коррупцией и содействует созданию нормативных стандартов, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), [13] устанавливающая стандарты и рекомендации по борьбе с отмыванием денег и коррупцией, международный комитет по борьбе с коррупцией (ICAC), занимающийся развитием нормативной базы и обменом информацией между странами, и многие другие.

Используя разнообразные способы и инструменты, международные организации поощряют разработку эффективной законодательной базы, которая способствует борьбе с коррупцией и укрепляет традиционные пра-

вовые системы. Представим некоторые из этих ключевых направлений:

1. Разработка нормативных документов:

– Нормотворчество в рамках работы по разработке международных стандартов и рекомендаций, таких как стандарты и рекомендации КОНК и ООН, способствующие унификации подходов и повышению правового уровня защиты.

– Создание руководящих принципов и кодексов поведения для государственных и частных организаций, направленных на предотвращение коррупции. [14]

2. Мониторинг и оценка национальных антикоррупционных программ и законодательства.

– Комплексные оценки национальных стратегий противодействия коррупции.

– Использование международных индексов, таких как Индекс восприятия коррупции Transparency International, для проведения сравнений и анализа ситуации в регионах. [8]

3. Техническая помощь и обучение государственных служащих.

– Экспертная поддержка разработки и внедрения новых законов и программ.

– Проведение тренингов, семинаров и мастер-классов для государственных служащих и представителей гражданского общества.

– Создание обучающих материалы и платформы для самообразования специалистов. [17]

В некоторых регионах мира создаются национальные центры подготовки государственных служащих по борьбе с коррупцией, в рамках которых реализуются онлайн-курсы, вебинары и дистанционные программы. Так, в Казахстане при Агентстве по противодействию коррупции есть Центр обучения, где на постоянной основе проводятся тренинги и семинары, а в России действуют программы по обучению работе с системой «Публичный реестр деклараций». Всемирный банк, Международная организация труда или ООН оказывают техническую поддержку в разработке обучающих программ, методологических материалов, внедрении лучших практик.

4. Создание платформ для обмена информацией и опытом:

– Создание международных и региональных информационных систем, баз данных и форумов для обмена лучшими практиками, успешными кейсами и инновациями (World Bank Open Data, EU-ACRDS, OECD Индекс добросовестности и другие).

– Проведение конференций, рабочих групп и сетевых сообществ, направленных на обсуждение актуальных проблем и принятие согласованных решений (Обсерватория инноваций в государственном секторе ОЭСР, Веб-саммит и Евразийский форум). [1]

5. Правовое сотрудничество и взаимная поддержка между странами:

Чтобы эффективно бороться с международной преступностью, странам нужно действовать сообща. Один из

ключевых шагов — создание работающих механизмов для правового взаимодействия, особенно в таких сферах, как борьба с преступными группировками и налоговыми нарушениями. [2]

Между государствами уже наложен обмен информацией через международные базы данных:

Один из самых заметных примеров — автоматический обмен налоговой информацией (АЕОИ). Он помогает выявлять и пресекать случаи уклонения от налогов и другие финансовые махинации.

Еще одним интересным примером выступает сотрудничество по борьбе с киберпреступностью в рамках Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (GAFI). Здесь на практике используется межведомственный обмен данными и координация действий между странами.

В Европе успешно работает Европол — центр по борьбе с организованной преступностью. Он не просто собирает и анализирует данные о преступных группах, но и координирует совместные действия государств-членов ЕС. [7]

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) тоже внесла важный вклад: она разработала стандарты автоматического обмена налоговой информацией в рамках международной Конвенции о взаимной административной помощи, что дало возможность для стран получить доступ к данным о счетах налогоплательщиков и помогло сократить налоговые злоупотребления.

Международные договоры, такие как Европейская конвенция, играют ключевую роль в борьбе с преступностью. Такого рода соглашения позволяют государствам-участницам обмениваться важной информацией и документами для расследования преступлений, особенно тех, что связаны с организованной преступностью или налоговыми правонарушениями. Данный механизм помогает эффективнее бороться с преступниками, укреплять доверие между странами, а также способствует сотрудничеству и поддержанию общих стандартов.

Литература:

1. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы всероссийской научно-практической конференции — Москва: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024. — 171 с.
2. Амианты И. С. Противодействие коррупции: учебник для вузов / И. С. Амианты. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 148 с.
3. Валиахметова А. А. Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции / А. А. Валиахметова, А. А. Сотников, И. Д. Черкашин // Молодой ученый. — 2021. — № 21 (363). — С. 173–175.
4. Волосова Н. Ю. Основы противодействия коррупции: учебное пособие / Н. Ю. Волосова, Е. О. Филиппова; Оренбургский гос. ун-т. — Оренбург: ОГУ, 2020. — 223 с.
5. Гусейнова Т. Н. Роль международных организаций в противодействии коррупции // Международный научный журнал «Вестник науки» — Москва, 2023 — С. 129–133
6. Гутиева И. Г. Международный и зарубежный опыт противодействия коррупции // Международный и зарубежный опыт противодействия коррупции — Нальчик, 2020 — С.216–219
7. Евсеев В. О. Европол: цели, задачи, функции / В. О. Евсеев, Т. В. Панова // Social phenomena and processes — Москва, 2024. — С.71–92.
8. Иванова, А. А. Коррупция и система противодействия: учебное пособие / А. А. Иванова; под ред. д. ю. н., проф. Г. Н. Горшенкова. — Нижний Новгород: Печатная Мастерская «Радонеж», 2022. — 108 с.

6. Также сегодня очень важную роль играют современные технологии. [3]

Использование цифровых решений делает процессы более прозрачными и понятными, которые помогают бороться с коррупцией и укреплять доверие людей к власти, так как все процедуры становятся более открытыми и честными.

Один из главных подходов — внедрение электронных систем. К примеру, электронные госзакупки, электронные декларации и системы мониторинга делают процесс более прозрачным и контролируемым. Меньше документации, следовательно, и меньше шансов скрыть коррупционные схемы.

В России такую задачу решает единая информационная система (ЕИС) в сфере госзакупок. Она автоматизирует все этапы закупок и помогает бороться с непрозрачными тендераами.

В сфере финансовых операций актуальность набирает механизм блокчейна. Он делает транзакции безопасными, отслеживаемыми и устойчивыми к вмешательствам. Например, проект FinCclusive или инициативы в Эстонии и Швеции используют блокчейн не только для безопасности, но и для автоматизации отчетности. [16]

Эти цифровые решения укрепляют правовую систему, повышают ответственность властей и, главное, помогают гражданам верить, что система работает честно.

Подводя итог, важно сказать, что все описанное подчеркивает, что международное и региональное сотрудничество крайне важно. Когда страны, организации и граждане объединяются, у коррупции остается все меньше пространства для маневра. Совместные стандарты и технологии делают институты прозрачнее и помогают строить справедливое общество.

В мире, где коррупция становится все более изощренной и глобальной, только объединенные усилия на международной арене могут защитить интересы граждан и создать устойчивое, честное будущее.

9. Ижбулдин И. Е. Международные организации в сфере противодействия коррупции // // Международный научный журнал «Вестник науки» — Москва, 2025 — С.188–204
10. Красноусов С. Д., Марсова В. В. Возможности и риски внедрения зарубежного опыта криминализации коррупционных проявлений // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А С. 277–287.
11. Мченская М. В. Противодействие коррупции: анализ положительного опыта зарубежных стран // Молодой учёный. — 2023. — № 2 (449). — С. 316–318.
12. ООН и ЮНЕСКО: современная роль в противодействии коррупции: монография / В. Е. Шорохов, В. С. Арсентьев, Е. А. Блинова [и др.]; под ред. В. Е. Шорохова. — Москва: Русайнс, 2023. — 97 с.
13. Охотский Е. В. Участие России в международном антикоррупционном сотрудничестве // Вопросы государственного и муниципального управления — Москва, 2019 — С. 211–228
14. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: научно-практическое пособие: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. — 522 с.
15. Суханова В. А. Правовые аспекты деятельности международных организаций по противодействию коррупции / В. А. Суханова, И. Е. Дулова // Московский журнал международного права — Москва, 2017 — № 2 (106) — С. 128–135.
16. Циканова Л. М. Финансовая инклузия как тренд развития мировой экономики / Л. М. Циканова, К. Т. Тлупова, З. М. Казова // Экономические исследования — Москва, 2023 — С. 22–27
17. Иностранный опыт борьбы с коррупцией и повышение антикоррупционного правосознания граждан [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/inostrannyj-opyt-borby-s-korrupciej/>

Судебно-медицинская экспертиза определения полового состояния: основание, особенности, процессуальный порядок, назначение и проведение

Руднев Ян Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автор исследует роль и значение судебно-медицинской экспертизы определения полового состояния в рамках расследования уголовных и гражданских дел.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, половые состояния, установлении истинного пола, эксперт, потерпевший, доказывание.

Судебно-медицинская экспертиза половых состояний связана с установлением истинного пола, половой зрелости, бывшей или протекающей беременности, бывших родов, половой способности. Такая необходимость может возникать при расследовании как уголовных, так и гражданских дел.

В некоторых случаях строение наружных половых органов у мужчин и женщин не соответствует полностью ни мужскому, ни женскому полу. Это связано с различными анатомическими пороками в эмбриональном периоде развития организма человека и может проявляться в защемлении влагалища, сращении больших и малых половых губ, сращении полового члена с мошонкой, незащемлении мошонки и др.

При установлении истинного пола учитывается определенная совокупность показателей (характер полового влечения, менструации, поллюции и др.), состояние втор-

личных половых признаков, строение половых органов, функционирование внутренних половых желез. Однако решающее значение в диагностике истинного пола придается исследованию половых желез и объема их функциональной деятельности. Обследование субъекта в подобных случаях производится комиссионно, с участием врачей-клиницистов, в стационарных условиях. Генетический пол определяется путем установления хромосомного набора, присущего определенному полу (путем исследования ядер некоторых тканей организма и лейкоцитов крови). У женщин хромосомный набор характеризуется наличием двух половых хромосом XX, у мужчин наличием двух половых хромосом XY.

Половая зрелость характеризуется определенной степенью физического развития организма, когда выполнение всех основных половых функций (совокупление, зачатие, вынашивание плода, родоразрешение и вскарм-

ливание ребенка) осуществляется как нормальный физиологический акт, без вредных последствий для здоровья. Сюда же включается и способность выполнения функции материнства. Половая зрелость у подростков мужского пола характеризуется способностью к совокуплению и оплодотворению.

Установление половой зрелости в случаях достаточной выраженности характеризующих ее признаков не представляет особых трудностей.

Определение половой неприкосновенности (девственности и признаков бывшего полового сношения) имеет большое значение при расследовании многих половых преступлений — при развратных действиях по отношению к малолетним, при попытках изнасилования, в случае сожительства с несовершеннолетними и др.

Освидетельствование при установлении половой неприкосновенности следует проводить в присутствии других лиц из числа медицинского персонала. Перед осмотром требуется удостовериться в подлинности личности свидетельствуемой по паспорту и другим документам, удостоверяющим личность. Исследование половых органов и девственной плевы производится на гинекологическом кресле при естественном освещении.

Определение половой и производительной способности — сравнительно редкая экспертиза и обычно связана с расследованием преступлений, связанных с изнасилованием, при рассмотрении алиментных исков, в делах о расторжении брака, а также при определении тяжести телесных повреждений, когда они приводят к потере производительной способности.

Необходимость в установлении беременности, абортов и бывших родов возникает при рассмотрении дел о спорном отцовстве, изнасиловании, в случаях симуляции беременности, при подозрении на незаконное ее прерывание, при подозрении на детоубийство и при некоторых других обстоятельствах.

При подозрении на незаконное производство абORTA вне больничной обстановки проводится судебно-медицинская экспертиза. В ее задачу входит установление у свидетельствуемой беременности и факта ее прерывания, а при установлении абORTA — выяснение его характера (самопроизвольный или криминальный), способов и методов, применяемых для прерывания беременности, к каким последствиям привело прерывание беременности.

Спорные половые состояния — общее название решаемых судебно-медицинской экспертизой вопросов, связанных с половой функцией (половая принадлежность, способность к совокуплению, зачатию, оплодотворению, наличие беременности или ее прекращение, девственность и др.).

На решение судебно-медицинской экспертизы при спорных половых состояниях выносят установление биологического пола, половой способности и достижения половой зрелости, половой неприкосновенности, беременности, факта и давности родов или абORTA. Такая необ-

ходимость может возникать при расследовании как уголовных, так и гражданских дел.

Судебно-медицинская экспертиза по делам, связанным с установлением половых состояний, производится экспертами, прошедшими специальную подготовку, либо комиссионно — совместно с врачами акушерами-гинекологами, урологами, венерологами, педиатрами, эндокринологами и др. Освидетельствование лиц, не достигших 16-летнего возраста, производится в присутствии родителей или опекунов [1].

Порядок и методика проведения экспертизы должны соответствовать существующим официальным документам, регламентирующим этот вид деятельности судебного медика — «Правилам судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» (1966), «Правилам судебно-медицинской экспертизы половых состояний у мужчин» (1968) и другим инструктивно-методическим указаниям [2].

Существуют следующие виды судебно-медицинских экспертиз полового состояния:

1. Судебно-медицинская экспертиза истинного пола. Необходимость установления пола возникает при расторжении брака, рассмотрении исков об алиментах, призывае на воинскую службу, при выдаче документов, удостоверяющих личность, при неправильном определении пола при рождении ребенка, расследовании половых преступлений. Поводом для этого служат пороки развития половых органов (например, атрезия влагалища (отсутствие или приобретенное сращение стенок влагалища), сращение больших и малых половых губ, крипторхизм (отсутствия яичка в мошонке), сращении полового члена с мошонкой и др.).

Судебно-медицинскую экспертизу в этих случаях проводят обычно с участием эндокринолога, невропатолога, уролога, психиатра. Нередко бывает необходимо обследование в специализированном лечебном учреждении. Экспертное суждение об истинном (биологическом) поле базируется на анамнестических (начало менструаций или поллюций, характер полового влечения и др.) и антропометрических данных, характере и выраженности вторичных половых признаков (общий облик, тембр голоса, развитие молочных желез и др.), строении наружных и функции внутренних половых органов.

Истинная двуполость (гермафродитизм) характеризуется наличием у одного человека признаков мужского и женского пола. Различают истинный и ложный гермафродитизм. Истинный гермафродитизм встречается крайне редко и характеризуется наличием у субъекта мужских и женских половых желез. Внешний облик и общее развитие истинных гермафродитов могут проявляться по женскому или мужскому типу либо быть смешанными. При ложном (мужском) гермафродитизме у субъекта функционируют половые железы женского типа, а наружные половые органы развиты по мужскому типу. В случаях ложного (женского) гермафродитизма в организме имеются мужские половые железы, а наружные по-

ловые органы частично развиты по женскому типу. При установлении истинного пола учитывается определенная совокупность показателей (характер полового влечения, менструации, поллюции и др.), состояние вторичных половых признаков, строение половых органов, функционирование внутренних половых желез. Однако решающее значение в установлении пола придается исследованию деятельности половых желез и устанавливается по наличию в клеточных элементах различных тканей организма позитивных признаков мужского (Y-хроматин) или женского (X-хроматин) пола. Обследование субъекта в подобных случаях производится комиссионно, с участием врачей-клиницистов, в стационарных условиях.

2. Судебно-медицинская экспертиза половой зрелости и производительной способности. Под состоянием половой зрелости следует понимать достижение степени физического развития организма, когда имеется полная способность к физиологическому выполнению всех половенных действий — совокуплению, зачатию, вынашиванию плода, родоразрешению и вскармливанию ребенка — без вредных последствий для здоровья. Кроме того, в это понятие включается также и выполнение функции материнства. У подростков мужского пола должно быть наличие способности к совокуплению и оплодотворению [3].

Поводом для производства данной экспертизы являются: изнасилование, нарушение половой неприкосновенности, развратные действия с малолетними, а также требование органов загса для дачи разрешения на регистрацию брака. Под половой зрелостью понимают такую степень развития организма, при которой половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья, и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма.

При определении достижения (или недостижения) половой зрелости у девушки сначала решается вопрос о способности к совокуплению — на основании исследования правильного формирования и развития наружных половых органов, в особенности влагалища. При определении половой зрелости девушек в каждом конкретном случае надо учитывать совокупность признаков: общее физическое развитие, состояние наружных и внутренних половых органов, наличие менструаций, развитие вторичных половых признаков, размеры таза.

При определении достижения (или недостижения) половой зрелости у подростков мужского пола отмечают достаточность общего физического развития, состояние наружных половых органов, наличие функционирования половых желез. Уточняют анамнестические данные: болезни и травмы ЦНС и половых органов, органов внутренней секреции, истощающие и инфекционные заболевания, время появления поллюций и их характер, занятия онанизмом, начало и характер половой жизни, вредные привычки (алкоголь, курение).

Установление половой зрелости у подростков женского и мужского пола применительно к определенному моменту (например, совершение преступления) вызывает

большие трудности, так как половое созревание длится несколько лет. Следует иметь в виду, что половая жизнь способствует ускорению полового созревания. Несмотря на всю сложность решения вопроса о половой зрелости, экспертный вывод должен быть конкретным и определенным по формулировке — достигло или не достигло половой зрелости свидетельствуемое лицо.

Экспертиза по определению производительной способности включает в себя установление способности к совокуплению и оплодотворению для мужчин и способности к совокуплению, зачатию, вынашиванию плода и родоразрешению у женщин. Наиболее часто данная экспертиза проводится при расследовании половых преступлений, предъявлении алиментных исков и в других случаях.

3. Судебно-медицинская экспертиза по установлению девственности (половой неприкосновенности). Поводом для производства этой экспертизы могут быть половины преступления, а также клевета и оскорбления в адрес женщины. Определение половой неприкосновенности (девственности и, признаков бывшего полового сношения) имеет большое значение при расследовании многих половенных преступлений.

В поздние сроки беременности, когда имеются ее достоверные признаки, экспертная и акушерская практика одинаковы.

Доказательством бывших родов являются изменения, возникающие в молочных железах, наружных и внутренних половых органах и кожных покровах тела свидетельствуемой [4].

4. Судебно-медицинская экспертиза беременности, родов, абортов. При экспертизе по поводу абORTA приходится решать ряд вопросов: была ли у свидетельствуемой беременность и произошло ли ее прерывание. Различают самопроизвольный и искусственный (больничный и внебольничный) аборт. Причинами самопроизвольного абORTA являются заболевания матери или плода. Искусственный аборт производится по желанию женщины в срок до 12 недель беременности, по социальным показаниям — до 22 недель, а по медицинским — независимо от срока беременности. Существует понятие «незаконное прерывание беременности» (криминальный аборт), под которым понимают:

- 1) прерывание беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля;
- 2) производство абORTA вне лечебного учреждения;
- 3) прерывание беременности в неустановленные законодательством сроки;
- 4) производство абORTA с помощью не предусмотренных Минздравом РФ способов и средств.

Существуют следующие способы прерывания беременности:

- a) механический — путем введения в полость матки различных предметов, инородных тел, в том числе выскабливание полости матки, а также вакуум-аспирация;

б) химический — введение непосредственно в полость матки раздражающих веществ (растворы мыла, спирта, щелочи, аммиака, йода, гипертонического солевого раствора и др.);

в) физический — в частности, термический, путем введения в половые пути беременной горячей жидкости, прием горячих ванн нижней половины туловища и ног;

г) биологический (фармакологический) — заключается в использовании различных медикаментозных средств (хинин, адреналин, пахикарпин и др.), а также гормональных препаратов. Все перечисленные методы, использованные для незаконного прерывания беременности, могут сопровождаться различными осложнениями, иногда приводящими к смерти [5].

Для производства экспертизы необходимо обеспечить возможность акушерско-гинекологического исследования освидетельствуемой, передать в распоряжение эксперта медицинские документы из женской консультации или амбулатории, где могла быть диагностирована беременность, а также медицинскую карту стационарного или амбулаторного больного, если после родов женщина оказывалась медицинская помощь.

Согласно ст. 195 УПК РФ, признав необходимым назначение судебно-медицинской экспертизы полового состояния, следователь выносит об этом постановление, а в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, возбуждает перед судом ходатайство, в котором указываются:

- основания назначения судебной экспертизы;
- фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебно-медицинская экспертиза полового состояния;
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

Согласно ст. 195 УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы полового состояния обязательно, если необходимо установить:

- характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;
- психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);
- психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

— возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение [6].

В целях обеспечения реализации участвующими в деле лицами их права на отвод эксперта (ст. 70, п. 2 части 1 и часть 2 ст. 198 УПК РФ) в определении (постановлении) о назначении экспертизы необходимо указывать наименование экспертного учреждения (п. 60 ст. 5 УПК РФ), в котором должна быть произведена экспертиза, а при невозможности производства экспертизы в этом учреждении — вновь выносить определение (постановление) о назначении экспертизы в другом экспертном учреждении.

По ходатайству указанных лиц дознаватель, следователь, суд обязаны сообщать фамилию, имя, отчество эксперта, которому руководителем государственного судебно-экспертного учреждения поручено производство экспертизы.

При поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

В случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных статьей 57 УПК РФ, возлагается на суд, принявший решение о назначении экспертизы.

Справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы.

Указанные положения не препятствуют приобщению к материалам уголовного дела и использованию в процессе доказывания заключения специалиста, полученного в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ [7].

Судебно-медицинская экспертиза половых состояний мужчин производится только на основании постановления следователя, прокурора, лица, производящего дознание, или определения суда.

В экстренных случаях, если в силу сложившихся обстоятельств (отдаленность района происшествия от органов дознания, следственных или судебных учреждений и т. д.) своевременное получение постановления о производстве экспертизы невозможно, судебно-медицинское освидетельствование может, в порядке исключения,

производиться по заявлению потерпевших, а также родителей, законных представителей несовершеннолетних или надлежащих должностных лиц.

О производстве такого освидетельствования судебно-медицинский эксперт должен немедленно поставить в известность органы следствия (дознания) [8].

В таких случаях составляется не заключение эксперта (акт судебно-медицинской экспертизы), а акт судебно-медицинского освидетельствования.

Судебно-медицинская экспертиза половых состояний производится судебно-медицинским экспертом, прошедшим повышение квалификации по судебной медицине в институте усовершенствования врачей.

В тех случаях, когда судебно-медицинская экспертиза производится по поводу определения половой способности, половой зрелости, заражения венерической болезнью, она должна осуществляться судебно-медицинским экспертом, имеющим специальную подготовку по урологии и венерологии.

При отсутствии подготовленного эксперта, экспертиза производится комиссионно судебно-медицинским экспертом и врачом-урологом или венерологом (в зависимости от характера экспертизы). При необходимости к проведению экспертизы привлекаются и врачи других специальностей.

Экспертиза должна производиться в светлом, теплом помещении и как правило, при достаточном дневном освещении. Ректальное исследование проводится на высокой жесткой кушетке.

Осмотр женщин (в тех случаях, когда это необходимо для выяснения обстоятельств, касающихся экспертизы половых состояний мужчин) производится на гинекологическом кресле.

При проведении судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин используются инструментарий и оборудование: медицинские весы, ростомер, мягкая сантиметровая лента, измерительная линейка, ректальное зеркало, наборы ректоскопов и уретроскопов, хирургические пинцеты, малый акушерский циркуль, комплекты прямых и кривых бужей, двойной металлический катетер, микроскоп, камера Горяева, смеситель для подсчета лейкоцитов, чашки Петри, мерные пробирки, стеклянные палочки, предметные и покровные стекла, набор реактивов для окраски мазков, универсальная индикаторная бумага.

Перед производством экспертизы судебно-медицинский эксперт обязан установить личность освидетельствуемого путем проверки паспорта или иного, заменяющего его, документа с фотоснимком.

При отсутствии надлежащего документа с фотоснимком, личность освидетельствуемого удостоверяется представителем органов следствия (дознания), доставившим его на экспертизу, о чем делается соответствующая отметка в заключении эксперта (акте судебно-медицинской экспертизы).

В тех случаях, когда личность освидетельствуемого не может быть удостоверена, он должен быть сфотографи-

рован; фотоснимки наклеиваются на акт экспертизы и его дубликат [9].

Освидетельствование лиц, не достигших 16 лет, желательно проводить в присутствии родителей, педагога или заменяющих их взрослых (одинакового пола с освидетельствуемым). Обстоятельства происшествия должны быть сообщены судебно-медицинскому эксперту следователем путем представления материалов дела или описания их содержания в постановлении о назначении экспертизы.

С целью уточнения деталей, имеющих судебно-медицинское значение, эксперт производит опрос освидетельствуемого. Рассказ детей записывается, по возможности, дословно. Полученные сведения следует оценивать критически.

При производстве экспертизы, помимо осмотра освидетельствуемого, применяются инструментальные и лабораторные методы исследования, которые должны производиться только лицами, владеющими соответствующими методами.

В тех случаях, когда лабораторные исследования являются составной частью экспертизы и результаты их необходимы для ответов на поставленные перед экспертом вопросы, эксперт вправе изъять и послать на исследование соответствующие объекты (сперма, мазки и пр.) без участия следователя.

Взятие спермы для установления способности к оплодотворению, а также приготовление мазков из содержимого прямой кишки для исследования на наличие сперматозоидов осуществляется судебно-медицинским экспертом, а исследование их производится либо этим экспертом, либо в судебно-биологическом отделении судебно-медицинской лаборатории.

Изготовление мазков из отделяемого мочеиспускательного канала для выявления наличия гонококков, влагалищных трихомонад и др., если освидетельствуемых не направляют в кожно-венерологическое учреждение, проводится судебно-медицинским экспертом, а исследование — в лабораториях кожно-венерологических учреждений или в бактериологическом отделении судебно-медицинской лаборатории.

Взятые материалы направляются на исследование с со проводительным письмом судебно-медицинского эксперта, упакованные и опечатанные соответствующим образом (мазки должны быть предварительно высушены при комнатной температуре).

Результаты исследований, осуществленных в специализированных учреждениях, должны быть в письменном виде сообщены судебно-медицинскому эксперту, по направлению которого они производились [10].

При судебно-медицинской экспертизе по поводу заражения венерической болезнью производится освидетельствование как мужчины, так и женщины. Судебно-медицинский эксперт проводит первоначальное освидетельствование, а затем направляет освидетельствуемых в кожно-венерологическое учреждение для детального обследования.

Одежда, находившаяся на освидетельствовании в момент происшествия (в случаях изнасилования и т. д.), подлежит исследованию в судебно-биологическом отделении судебно-медицинской лаборатории бюро судебно-медицинской экспертизы. Направление одежды на исследование осуществляется представителями органов следствия (дознания), по постановлению которых производится экспертиза; если одежда не была изъята, а экспертиза производится в отсутствии представителя указанных органов, то, при наличии на одежде подозрительных следов, судебно-медицинский эксперт обязан поставить следователя в известность о необходимости изъятия одежды и направления на исследование.

На каждый случай производства судебно-медицинской экспертизы половых состояний у мужчин составляется заключение эксперта (акт судебно-медицинской экспертизы) [11].

Заключение эксперта (акт судебно-медицинской экспертизы) должно быть, при необходимости, иллюстрировано фотоснимками, фиксирующими имеющиеся у освидетельствованного повреждения и изменения.

Если в постановлении (определении) о производстве экспертизы указаны другие специалисты, кроме судебно-медицинского эксперта, то заключение подписывают все члены комиссии.

Если врачи-специалисты (венерологи и др.) осуществляющие консультацию, дают письменный ответ на вопросы судебно-медицинских экспертов (а не следователя или суда), то этот ответ приобщается к дубликату акта, хранящемуся в бюро судебно-медицинской экспертизы. Эксперт использует полученные данные в своем заключении (акте судебно-медицинской экспертизы) с соответствующей ссылкой; заключение (акт судебно-медицинской экспертизы) подписывает только эксперт.

Заключение эксперта (акт судебно-медицинской экспертизы) либо выдается под расписку представителям органов следствия (дознания), или суда, по постановлению которых производилась экспертиза, либо пересыпается по почте. Выдача заключения эксперта (акта судебно-медицинской экспертизы) или справок о произведенном освидетельствовании на руки освидетельствуемому или другим лицам, кроме представителей следственных и судебных органов, не разрешается. Ставить в известность освидетельствуемого о результатах освидетельствования или экспертизы запрещается.

Современное состояние и перспективы развития судебно-медицинской экспертизы для определения полового состояния в ходе раскрытия и расследования преступлений отражают, в первую очередь, потребности следственной и судебной практики, обусловленные, в основном, характером преступлений, а также уровень профессионализма следователя, суда и степени развития института судебной экспертизы как профессиональной систематической деятельности экспертов.

Реализация потенциальных возможностей судебно-экспертных учреждений, судебно-экспертных лабо-

раторий и судебно-медицинской экспертизы напрямую зависит от подготовленности судебного эксперта и его опыта, условий работы, уровня научно-методического, информационного и технико-инструментального обеспечения [12].

Судебно-медицинская экспертиза для определения полового состояния в ходе раскрытия и расследования преступлений — это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований идачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области медицины и которые поставлены перед экспертом и другими участниками уголовного судопроизводства в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Судебно-медицинская экспертиза для определения полового состояния в ходе раскрытия и расследования преступлений — это предусмотренное и регламентированное законом, проводимое врачом научно-практическое исследование конкретных объектов, предпринимаемое для решения конкретных медицинских и медико-биологических вопросов, возникающих при проведении конкретного дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства. Несомненно, это мощный инструмент сбора и закрепления доказательств по делу.

Такая судебно-медицинская экспертиза дает заключения по вопросам медицинского и биологического характера. Она производится как по постановлению следователя, прокурора и лица производящего дознание, так и по их мотивированному письменному поручению. По мотивированному письменному поручению органов дознания, следователя, прокурора, суда могут производиться судебно-медицинские исследования полового состояния потерпевших с целью выявления признаков, служащих основанием для возбуждения уголовного дела. Суд так же вправе назначить судебно-медицинскую экспертизу по собственной инициативе, предлагая сторонам представить в письменном виде вопросы эксперту [13].

Одной из отличительных черт судебно-медицинской экспертизы, связанной с особым характером ее объектов, является необходимость ее назначения и производства без промедления — сразу, как только будут обнаружены основания для этого. Запоздалое назначение судебно-медицинской экспертизы достаточно часто ведет к утрате следов преступления.

В настоящее время получила распространение точка зрения, согласно которой до возбуждения уголовного дела возможно не производство, а лишь назначение экспертизы, поскольку буквально в ст. 146 УПК РФ указано именно об этом. Однако само по себе назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела без ее производства и получения заключения эксперта теряет всякий смысл, поскольку ни обеспечить максимально быстрое исследование объектов, ни получить сведения, являющиеся основанием для возбуждения уголовного дела, в этом случае нельзя.

В результате этого работники правоохранительных органов не назначают экспертизу до возбуждения уголов-

ного дела, в связи с тем, что об этом нет специального указания в ст. 195 УПК РФ и велика вероятность того, что полученные доказательства в дальнейшем в суде будут признаны недопустимыми.

Ряд авторов, таких как Россинская Е. Р. и Самищенко С. С., считают, что врач может быть как специалистом, так и экспертом. Россинская Е. Р. определяет судебно-медицинского эксперта как специалиста с высшим медицинским образованием, прошедшим специальную подготовку, занимающимся решением медико-биологических вопросов. Отсюда можно сделать вывод, что процессуальное положение врача весьма неоднозначно [14].

В числе существенных недостатков такого подхода следует, прежде всего, назвать вопрос об ответственности эксперта. Эксперт несет уголовную ответственность лишь за содержание заключения эксперта, которое он дает по итогам производства судебной экспертизы.

Однако за предоставление ложных сведений в составе «Акта судебно-медицинского исследования (освидетельствования)» можно привлечь его лишь к дисциплинарной ответственности. Представляется, что доказать вину эксперта в данном случае будет крайне сложно. В случае же, когда акт медицинского исследования (освидетельствования) и заключение судебно-медицинского эксперта составлены разными лицами, это сделать и вовсе невозможно. В лучшем случае можно будет признать данное заключение недопустимым доказательством. Однако к этому моменту повторное исследование исходных объектов, вероятнее всего, окажется уже невозможным.

Кроме того, однозначно неправильным будет являться простое копирование выводов непроцессуального исследования в соответствующую часть заключения эксперта. Такая ситуация нередко приводит к тому, что заключение эксперта представляет собой переписанные из полученного ранее документа выводы без какой-либо оценки его содержания.

Литература:

1. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Т. В. Аверьяновой. М.: Норма, 2019. С. 84.
2. Криминалистика: Учебник для студентов вузов / Под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. С. 92.
3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов. М.: Норма, 2021. С. 420.
4. Криминалистика: Учебник. В 2-х т. Т.1. / Под ред. В. П. Сальникова, И. А. Возгрина. СПб.: Фонд «Университет», 2019. С. 380.
5. Криминалистика: Учебное пособие / Под общей ред. А. Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2019. С. 117.
6. Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова. М.: Юристъ, 2021. С. 140.
7. Гирько С. И. Расследование преступлений в форме дознания в системе МВД России. М.: ЮРМИС, 2019. С. 102.
8. Котов В. В. Процессуальные и тактические проблемы использования помощи органов дознания при производстве отдельных следственных действий // Российский юридический журнал, 2019. № 10. С. 27.
9. Ковтун А. В. Дознание в российском уголовном процессе и особенности его производства по отдельным категориям уголовных дел: Автограф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 14.
10. Шурухнов, Н. Г. Криминалистика: определения, схемы, таблицы, диаграммы, рекомендации: Учебное пособие для студентов юрид. Вузов. М.: Эксмо, 2019. С. 44.

Невыполнение тех или иных следственных действий до возбуждения уголовного дела приводит к тому, что вместо естественной для таких исследований процессуальной формы — судебно-медицинской экспертизы — проводятся непроцессуальные «медицинские исследования» и «медицинские освидетельствования», результату которых впоследствии придается процессуальная форма путем назначения судебно-медицинской экспертизы. Ввиду недостатков такого подхода представляется необходимым нормативное решение вопроса о назначении судебно-медицинских экспертиз для определения полового состояния в стадии возбуждения уголовного дела.

В настоящий момент следует более внимательно относиться к содержанию заключений эксперта, даваемых на основе «Актов медицинского исследования (освидетельствования)».

Нельзя признать соответствующим требованиям законодательства указание в исследовательской части заключения лишь ссылки на «Акт» без описания содержания и результатов исследования, примененных методик, изложение в заключении выводов «Акта» без аргументации со ссылками на установленные в ходе исследования факты. Такая тактика противоречит сути экспертизы — исследования, требующего специальных познаний и проводимого в надлежащей процессуальной форме [15].

Таким образом, следует признать, что существующее в настоящее время нормативное регулирование вопроса о назначении судебных экспертиз весьма неполно. В теории уголовного процесса также нет единого мнения по данному вопросу.

Однако представляется вполне обоснованным вывод о необходимости разрешить производство судебно-медицинских и некоторых других экспертиз в случаях, когда без экспертизы невозможно установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела (установление причины смерти, характера и степени причиненного здоровью вреда) и в иных случаях, не терпящих отлагательства.

11. Шурухнов Н. Г. Криминалистика: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2019. С. 76.
12. Гаврилин Ю. В. Следственное действие: Учебное пособие. М.: Книжный мир, 2021. М. С. 198.
13. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. М.: Экзамен, 2021. С. 47.
14. Сергеев А. Б. Дознание в ОВД: Учебное пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2021. С. 124.
15. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2019. С. 74.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.12.2025. Дата выхода в свет: 24.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.